

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

И

СКАТЕЛЬ

3

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1975

Виталий Григорьевич Мелентьев
Штрафной удар

OCR Xac

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160411

«Искатель», 1975, №3:

В. Мелентьев

Штрафной удар

Августовская ночь изредка роняла беззвучную звезду, и она, скатываясь по черной глади, вызывала смутное ощущение тревоги и жалости о чем-то утраченном.

Впереди зарницами перекатывались сполохи артиллерийской дуэли: вспышки выстрелов казались светлее и яростней, чем отсветы от взорвавшихся снарядов.

После удачного, но все-таки вялого наступления Красной Армии войска обеих сторон на этом участке фронта приостановились. Сплошной линии обороны еще не существовало, хотя немцы сумели зацепиться на заранее подготовленных пленными и согнанными местными жителями укреплениях. Но их не успели построить, и потому вместо сплошных траншей противник довольствовался огневой связью отдельных опорных пунктов, промежутки между которыми перекрывались патрулями и минными полями.

Войска обеих сторон принимали пополнение и технику, подвозили боеприпасы и горючее, рыли траншеи и ходы сообщения. Общее положение еще не прояснилось, и командующий фронтом, не имея ни подтверждения, ни отмены ранее полученных директив, медлил с нанесением сильного удара, который позволил бы сразу взломать еще не устоявшуюся оборону противника и вывести на оперативный про-

стор подвижные механизированные соединения. Эта нерешительность, медлительность невольно передавалась по нисходящей...

В Н-ской армии тоже наступило относительное затишье. Танкистов вывели в резерв, и они стояли в лесах, ремонтируя технику, приучая к новым танкам и фронтовым порядкам пополнение. Иногда молодежь проверяли в бою: стрелковые дивизии все время вели короткие бои-схватки с противником, отвоевывая высоты, деревеньки, перерезая дороги. Пехоту поддерживали танкисты.

Вся эта не входящая в сводки Совинформбюро боевая деятельность требовала постоянного напряжения сил, расхода боеприпасов и, к сожалению, крови: фронтовые ППГ – полевые подвижные госпитали – почти пустовали, но в медсанбатах и армейских госпиталях работы хватало...

Доставалось и разведчикам. От них, пожалуй, требовали даже излишне многого. Следовало постоянно уточнять зыбкий передний край обороны противника, следить за сменой его частей и подразделений, что, в сущности, являлось обыденной работой, но еще и беспокоиться о предстоящем, как всем казалось, неминуемом наступлении. Никому не верилось, что армии придется закрепиться на достигнутых рубежах. Хотелось опять идти вперед, пусть с кровью, со смертями, но все-таки вперед.

А разведка на предстоящее наступление требовала дополнительных сил и средств. Между тем они поубавились и в

период подготовки предыдущего удара, и в ходе сегодняшней боевой деятельности.

Вот почему майор Лебедев был не то что недоволен, а озабочен новым приказом: организовать прорыв тылов противника, определить возможные пути продвижения крупных механизированных колонн в обход опорных пунктов в направлении крупного областного центра, в еще далеком тылу врага, а главное, уточнить его резервы.

Задание предусматривало посылку в тыл квалифицированных, всесторонне подготовленных офицеров. А где таких набрать? Хороших специалистов, дельных и смелых офицеров, конечно, много. Но ведь нужны люди, владеющие еще и данными, и опытом разведчика. Лебедев мысленно перебирал всех офицеров полковой и дивизионной разведки и с грустью понимал, что нужных ему универсалов не так уж много... Некоторых, конечно, могут заменить на время их отсутствия их помощники-сержанты, а некоторых и не заменишь: им, опытным, достались только что пополненные молодежью взводы, и они еще должны сделать из ребят настоящих разведчиков.

Всего следовало послать в тыл три – четыре группы. Руководителей двух Лебедев мысленно определил, для третьейгодились две кандидатуры, а вот для четвертой... Для четвертой оставался только младший лейтенант Андрей Матюхин.

Младшим лейтенантом Матюхин стал в госпитале, куда

попал после предыдущей разведки. Ему ампутировали от-
давленные танковой гусеницей фаланги двух пальцев на но-
ге. Он слегка прихрамывал, точнее, не прихрамывал, а как
бы не верил в свою неудачливую ногу и ставил ее на землю
более осторожно, чем другую, здоровую. Кроме того, у него
было довольно серьезное ранение в грудь. Врачи даже соби-
рались комиссовать его и перевести в нестроевые, но Матю-
хин попросил дать ему еще некоторое время на лечение.

По ночам он уходил за госпитальные палатки, бегал, пры-
гал, вместо турника приспособил крепкую ветку. Дней через
десять он пришел к лечащему врачу и сказал:

– Проверился. Воевать могу. Можете комиссовать, може-
те не комиссовать, а на передовой буду.

Так он вернулся в свою отдельную разведывательную роту
и стал командиром того самого взвода, в котором когда-то
служил рядовым и где заработал право и честь присвоения
офицерского звания.

Майор Лебедев берег Матюхина и следил, чтобы пока его
взводу не давали серьезных заданий. Но сейчас, кажется,
пришло и его время...

Майор постоял у своей избы, отметил, что артиллерий-
ская дуэль уже окончилась, а бомбежка, видимо, дала немно-
гое – зарево казалось тусклым. Значит, пожар разгорелся
невеликий.

Служебный «виллис» стоял за избой, слабо поблескивая
стеклами и рано выпавшей росой. Шофер спал на оставлен-

ной возле хлева телеге, и майор, не став его будить, сел в машину, вынул второй ключ зажигания, завел двигатель, дал ему прогреться и тихонько, будто на ощупь, выехал со двора. Шофер так и не проснулся.

За околицей Лебедев опустил на капот ветровое стекло – так удобней следить за серой проселочной дорогой, и поехал в дивизию, чтобы поговорить с младшим лейтенантом Матюхиным.

Дорога вилась между полегших, кое-где тронутых оспинами разрывов и исполосованных гусеницами и колесами хлебов, затаенно-темных перелесков, в которых тревожно угадывались белые стволы берез. Это мелькание белых, странно неживых стволов настораживало, подстегивало нервы, и майор, сам не замечая того, передвинул кобуру с трофейным «вальтером» на живот. Потом, опять сам того не замечая, чуть прибавил скорость. Узкие лезвия света, вырываясь из-под надетых на фары маскировочных коробок, скользили по бархатистому проселку, не трогая ни хлебов, ни лесов, ни разбитых войной, горестно накренившихся ферм и овинов. Только в нечастых деревнях редкие стекла изб покорно отражали отсветы фар, вспыхивая застенчиво и отчужденно...

Президент КОМАКОВОРА

Километрах в трех от лесного хутора, где расположилась разведрота, по обеим сторонам песчаного проселка встали высокие, смутно бронзовеющие сосны, у комля прикрытые разрастающимся подростом: бор старел. Сразу потемнело, и подлесок под фарами осветлился. По днищу и крыльям зашуршали отбрасываемые колесами песчинки.

Прислушиваясь к этому новому звуку, майор не заметил, как из подростка вынырнули три согбенные стремительные фигуры и бросились наперерез. Лебедев увидел их почти перед самой машиной и инстинктивно нажал на тормоза.

– Стой!

«Контрольно-пропускной пункт? – подумал Лебедев, но мгновенно решил, что здесь, на глухом проселке, его быть не должно. – Может быть, просятся подвезти?»

Однако окликнувшие расположились что-то уж слишком сноровисто. Двое по сторонам проселка, третий – в центре. Отсветы фар прошли по изготовленным автоматам. Какие это автоматы – майор не разглядел. Но только не наиболее распространенные – советские ГНИ, с круглым магазином и деревянным прикладом.

Теперь майор уже не гадал и, пожалуй, не думал. Все свершалось как бы само по себе. Он резко вывернул руль и так же резко нажал на газ. Машина вздрогнула и взвыла, по скорости набирать не спешила: колеса пробуксовывали в песке. Лебедев нагнулся и рывком схватился за рычаг мультипликатора, включая передние ведущие колеса.

Над самой головой пронеслась автоматная очередь. Лебедев боковым зрением увидел вспышки выстрелов слева. Он пригнулся еще ниже и уже в отчаянии нажал на газ. Машина рывками, с дрожью метнулась вперед. Что-то глухо ударилось о крыло. Повиливая рулем, бросая машину из стороны в сторону, майор помчался по проселку, мечтая только об одном – на одном из поворотов не врезаться в деревья.

Сзади требовательно и звонко забарабанили пули, а уж потом донесся звук выстрелов. Впрочем, это могло только показаться. Мозг работал лихорадочно и потому, вероятно, мог разделять эти два обычно сливающихся звука – выстрелов и стук попаданий. Только после этого Лебедев ощутил, что фуражка у него упала и по щеке неторопко стекает липкая теплая струйка, а в висках стучит нечто гулкое и четкое, может быть, отзвуки попаданий в кузов «виллиса».

На повороте машину занесло, и Лебедев повалился было на бок, но, словно сведенные в судороге, руки удержали его, и он еще успел вывернуть руль. В висках стучало все четче, а левый глаз стала заливать кровь, и потому поворот не удался. Машина перемахнула дорогу и чуть не врезалась в подлесок. Майор крутанул руль, и юркий «виллис» перескочил на противоположную обочину. Лебедев опять вывернул руль и, вероятно, сумел бы в конце концов повести машину по зыбкой, песчаной дороге, но под передний диффер подвалился полусгнивший пенёк, машина дернулась, приподняла передок, и мотор захлебнулся. Майор ткнулся в руль, а тяжелой,

разламывающейся от стука в висках голове препятствий не нашлось. Голова мотнулась, в шее что-то хрустнуло, и Лебедев потерял сознание.

Командир отдельной разведывательной роты капитан Маракуша – невысокий, плотный, с привычно строгим, не улыбочивым и, пожалуй, красивым лицом – в сумерках оно казалось темным – сидел на лавочке возле избы, курил и не столько беседовал, сколько проверял свои мысли на Андрее Матюхине.

Младший лейтенант Матюхин достаточно хорошо знал своего командира, чтобы понять, что стоит за этими расспросами, и потому отвечал не торопясь, обдумывая каждое слово и прикидывая, во что оно может обойтись в ближайшем будущем. Матюхин чувствовал, что капитан Маракуша уже почти принял какое-то решение и сейчас лишь уточняет детали. Знал он и другое – капитан не любил удачливого и своенравного лейтенанта Зюзина, командира того самого взвода, которым теперь командовал Матюхин. Лейтенант погиб в последней разведке, но, поскольку он и Андрей были не только друзьями, но и однокашниками – оба учились в одном училище, – неприязнь к погибшему капитан, вероятно даже не замечая этого, перенес на Матюхина.

– Таким образом, тактика форсирования переднего края противника остается прежней? – с легкой иронией спросил Маракуша.

– Обстановка примерно та же, значит, и тактика может быть та же.

– М-да... Не слишком долго вы над этим думали, младший лейтенант. Не слишком...

– Изменится обстановка – изменятся и наметки.

– Ну хорошо... Хотя хорошего пока ничего не вижу. Шаблон есть шаблон...

– Почему же шаблон?

– А потому, что сегодня – не вчерашний день. Разбогатели. Могут обеспечить посолидней. А вы не учитываете.

– Товарищ капитан, я предлагаю решение, исходя из вводной. Самолетов для заброски группы в тыл врага нам не выделяется. Танков или бронетранспортеров тоже, да, честно говоря, они и не нужны. Значит, случай классический: преодолеть оборону противника в лоб. По уставу. Иного выхода не вижу.

– Предположим. Но где и как?

– Опять-таки, если судить по вашей вводной, на участке второго батальона Ковалевского полка. Там траншеи, проволочные заграждения, но пока еще нет мин: склоны высоты довольно круты, и противник не спешит их минировать. Так вот, в этой обстановке нужны сильные, очень сильные обеспечивающие группы. Они примут огонь на себя только после того, как группа уже минует проволочные заграждения.

– А как об этом узнают группы обеспечения?

– Сигналом. Например, веревкой. – Маракуша промол-

чал, и Матюхин после паузы продолжил: – После сигнала обеспечивающие группы открывают огонь, а группа прорыва перескакивает траншею противника и уходит в тыл.

– Как все просто! А если заметят?

– Как всегда, есть два выхода. Первый – заметивших надо уничтожить. Если огонь обеспечивающих групп будет достаточно силен и, главное, своевременен, то прорывающиеся могут пустить в ход даже автоматы, но ни в коем случае не гранаты. Но лучше всего кончить дело холодным оружием и уходить как можно дальше в тыл врага. Если этого не получится, то напрашивается второй выход: возвращаться назад и искать более подходящее место для перехода.

– Второй выход, как мне кажется, основной? – подозрительно прищуриваясь, спросил Маракуша.

– Да.

– Это ж почему?

– А какой смысл лезть на высоту, под проволоку, на траншеи, если есть полупустые участки?

– А они минированные!

– Значит, в группе должны быть минеры, а еще лучше – обучить всех участников разминированию. А если уже такие есть – включить их в группу. Но тогда уж сменится и тактика – будем не прорываться через оборону, а проскальзывать. Ящерицами.

Капитан Маракуша отшвырнул папиросу. Только для одного капитана да еще для командира дивизии в военторгов-

ском ларьке всегда находились папиросы. В нем торговал бывший подчиненный капитана, списанный по ранению разведчик. Несмотря на строжайшие предупреждения и разносы, он упрямо снабжал своего бывшего командира, самыми дефицитными товарами. Об этом знали очень многие и, возмущаясь столь откровенным блатом, все-таки уважали и Маракушу, и продавца: в их верности и пусть мелком, но бесстрашии перед общим мнением было что-то доброе, настоящее.

Папироса летела долго, ударилась о начинающий деревенеть бурьян и рассыпалась оранжево-багровыми искорками.

Почти сейчас же в тылу, слева и впереди от офицеров, ударила короткая автоматная очередь, потом вторая и третья. Капитан Маракуша не шевельнулся, только глаза у него сузились и уши, кажется, напряглись. И хотя Матюхин отлично знал, что человеческие уши напрягаться не могут, ему показалось, что это именно так, и он с тревогой повернул голову на выстрелы.

Где-то в глубине леса взревел автомобильный мотор, потом еще и еще, горохом рассыпались короткие очереди.

Капитан, не повышая голоса, приказал:

– Матюхин! Роту в ружье!

Еще не понимая, зачем это нужно, но приученный мгновенно и точно выполнять команды, Матюхин заорал:

– Рота! В ружье!

Через секунду, когда прошла первая оторопь, дневальные

дурными голосами повторили команду, и с чердаков, сеновалов, из огородов и домов высыпали разведчики, еще натягивая гимнастерки, еще подбивая на бегу не севшие как следует сапоги. Опясывались они уже в строю, перекладывая автоматы из руки в руку.

Не ожидая, пока командиры взводов подадут команду «смирно» и доложат о готовности, Маракуша подозвал офицеров и, принимая из рук ординарца свой автомат и каску, махнул рукой в сторону то исчезающего, то вновь возникающего шума автомобильного мотора, приказал:

– В этом направлении прочесать лес. Дистанция между солдатами – три – пять метров. Всех неизвестных задержать. Разворачивайтесь по порядку взводов. – Подумал и добавил: – Взять фонари.

И, не ожидая даже повторения приказа, побежал вперед, к лесу, на ходу застегивая ремешок каски под выдвинутым вперед тяжелым подбородком.

Ставя задачу своему взводу, Матюхин успел сказать о выстрелах, и по цепи прошло и это известие. Взводы бегом догоняли командира роты. Увлекаемый этим общим единым движением, заражаясь им, Андрей все-таки успел с веселым недоумением отметить: «Как же он быстро сориентировался! Вот черт!»

Ночной лес обступил со всех сторон, взводы замедлили шаг, говор смолк, и наступила та молчаливая сосредоточенность, которая даже воображаемую опасность превращает

почти в реальность.

Взвод перевалил лесную гривку и стал спускаться в ложину, когда справа, от третьего взвода, донесся шумок, там вспыхнули и погасли фонари, и солдатский телеграф передал:

– Нашли раненого майора Лебедева. Шофера нет.

Андрей Матюхин замедлил шаг, и разведчики, равняясь на него, тоже приостановились. Со стороны третьего взвода донесся шум мотора и вспыхнули острые лучики заделанных в коробки фар. Потом прибежал связной и передал приказание капитана продолжать прочесывание. И они еще долго шли в затаенном бору, прислушиваясь и приглядываясь, но так ничего подозрительного и не обнаружили. И только к рассвету, уже на хуторе, узнали о нападении на майора и увидели, как поднятые в ружье резервные батальоны стрелковых полков пошли на прочесывание леса.

За завтраком капитан Маракуша недовольно осмотрел Андрея Матюхина и буркнул:

– Пока мы соберемся в их тыл, они у нас нашебуршат.

– Майор здорово ранен? – спросил Матюхин.

Маракуша неторопливо и, как показалось Андрею, подозрительно не то что взглянул, а осмотрел его и, спрятав взгляд, ответил:

– Нет. Не очень. Только с головой у него что-то... Кстати, его «виллис» стоит за моей избой.

После завтрака Матюхин пошел за избу и долго ходил во-

круг «виллиса» майора Лебедева. Кровь на сиденье и руле потемнела, стала почти черной и уже не волновала. Удивляло другое – бока машины, сиденье и даже капот были испятнаны пробоинами и пулевыми росчерками. Казалось, что уцелеть в такой машине просто невозможно. Однако майор уцелел...

«Что ж... Может быть, это и закономерно... – подумал Андрей. – В училище говорили: для того чтобы в современной войне убить одного солдата, нужно истратить около тонны взрывчатки и металла... А может быть, и гораздо больше».

Утром, как и всегда, в избе командующего армией собралось штабное начальство. Все так же кто-то сидел на кухне, ожидая своего часа, а кто-то уже стоял в комнате командующего на домотканых, но уже совсем иной расцветки, чем в предыдущей избе-стоянке, тряпочных половичках, и солнце – сытое, августовское, с утра опаляющее жаром – высвечивало с другой стороны.

И все так же неслышной мягкой походкой вышагивал член Военного совета – генерал Иван Харитонович Добровольский; сидел с края стола начальник армейского смерша, положив тяжелую белую руку на папку с документами; и начальник штаба, все так же прислушиваясь к словам, быстро, сноровисто просматривал бумаги, шуршал картами: бумаги он любил и уважал.

На половичке, ощущая, как солнце припекает даже сквозь тронутые пылью сапоги, стоял начальник разведывательного отделения штаба армии полковник Петров и присматривался к присутствующим.

То, что командующий не пригласил его присесть за общий стол, подсказывало, что «именинником» сегодня станет именно он. Это волновало и обижало. В конечном счете в происшествии с майором Лебедевым виновата не разведка, а контрразведка. Ей следует отвечать за то, что в нашем тылу оказались вражеские диверсанты. Но начальник смерша преспокойно сидит за столом – квадратный, плотный и невозмутимый.

Член Военного совета коротко, исподлобья взглянул на командующего, остановился сбоку Петрова и предложил:

– Садитесь, полковник. В ногах правды нет.

«Ах вот в чем дело... – облегченно подумал Петров и вздохнул поглубже: сам того не замечая, он сдерживал дыхание, словно опасаясь потревожить начальство. – В этом все и дело – подобные происшествия прежде всего касаются члена Военного совета. Он ведь отвечает за поддержание бдительности».

Это успокоило Петрова. Он уважал члена Военного совета – немногословного, быстрого на подъем и в общем-то справедливого генерала, – потому разрешил себе пошутить:

– Правильно отметили, товарищ генерал, вся правда у начальства.

– У подчиненных ее не меньше, – несколько более резко, чем требовалось для установления доверительной, деловой обстановки, ответил командующий. – Только они эту правду, к сожалению, иной раз придерживают.

В комнате стало очень тихо, и командующий уже поспокойнее спросил:

– Как там майор?

– Думали, будет хуже, – поднялся Петров.

– Сидите, – командующий махнул пухлой большой рукой.

Но полковник не сел: он привык отвечать стоя.

– Ранения не тяжелые, но, как говорится, растянул связки.

У врачей на этот счет есть иное умное название.

– Этого еще недоставало! Как же он умудрился?

– Не помнит. Но шофер считает, что, когда машина налетела на пень, майора по инерции сильно дернуло. А поскольку он уже был ранен в голову, то инстинкт противодействия не сработал и он не успел напрячься. Сейчас лежит и шутит – хорошо, говорит, что голова не оторвалась. Жилы крепкие.

– За каким его чертом одного понесло? Не мог шофера разбудить.

«Понятно, – отметил Петров, – расследование проведено. Начальству доложено».

– А что бы изменилось, если бы он поехал с шофером?

– Ну все-таки... Хоть бы отстреливался... Наконец, ординарца мог бы взять.

– Товарищ командующий, ординарец у нас один на всех,

он же еще и писарь. Кроме того, майор уже один раз осекся... Естественно, что сейчас он особенно осторожен...

– Осторожность, граничащая с бесшабашностью. Надо запретить старшим офицерам ездить без охраны. Они у нас слишком много знают, чтобы их не охранять.

– Это правильно, товарищ командующий, но... не для разведки, – неожиданно вмешался начальник смерша полковник Целиков.

И Петров покосился на него: поддержки с этой стороны он не ожидал.

– Это ж почему у них такая привилегия? – недовольно поморщился командующий. Он не любил вот таких, с ходу прорывающихся возражений.

Целиков не мог не знать об этом и все-таки позволил себе ворваться в разговор, и это насторожило присутствующих. Но Целиков словно не заметил изменения настроения.

– Чем меньше людей знает, куда, зачем и когда ездит или ходит разведчик, тем больше шансов на успех самой разведки. А ведь и ординарец, и шофер – люди. У них есть знакомые, их видят и по стечению фактов иные, дотошные, могут сделать выводы. Чаще – беспочвенные, иногда – правильные. Но даже если иногда, это все равно опасно.

– Ты своему начальству доложил о происшествии? – спросил командующий.

– Докладил.

– И что же?..

– Судя по тому, что разговор отложен, полагаю, группа не единичная. Да и прошлые ориентировки...

– Вот так!.. Они ползают, а мы сидим и ждем.

Командующий вздохнул и посмотрел на Петрова. Полковник выдержал взгляд и подумал: «Смершевцы явно проходят стороной, а нам придется отдуваться. Впрочем... Впрочем, смерш для того и создан, чтобы бороться с врагом особого рода – шпионами. А наше дело...»

– Когда же отправятся ваши, полковник Петров? – резко спросил командующий.

– Товарищ командующий, как вам известно, разведка не получала на сей счет конкретной задачи. Возможные варианты... отрабатываются.

– Возможные варианты... – буркнул командующий, но его перебил первый член Военного совета генерал Добровольский.

– Какие меры вы приняли, – обратился он к начальнику смерша, – чтобы обезвредить разведгруппу противника, и что сделано для предотвращения подобных явлений?

Полковник поднялся, и Петров понял: Добровольский чем-то недоволен, и работники смерша знают об этом.

– Засады, усиленное патрулирование, создание особых оперативных групп, усиление контактов со связистами на предмет перехвата возможных передач, разумеется, пеленгация. Кроме того, вместе с начальником политотдела уточнена тематика и уже начата агитационно-пропагандистская

работа во всех частях и подразделениях. Особый упор делается на части резерва.

– Все это взгляд назад, в наш тыл. А вперед? В сторону противника?

– Не совсем понял...

– У вас не рождалась мысль, что разведчики противника двигались не в наш тыл, а стремились перейти линию фронта? Ведь, как мне известно, за последнее время не было зарегистрировано ни одной передачи из нашего тыла. Это так?

– Да, – начальник смерша наклонил лобастую голову, широкие его плечи развернулись и стали еще шире. – Вы считаете, что группа не имела радиостанции и теперь возвращается с собранными разведданными?

– Полковник Петров, – Добровольский резко повернулся к разведчику, – вы такую возможность допускаете? Исходя из обстановки: насыщенность войсками прифронтовой зоны, неустоявшуюся линию фронта и так далее? Как бы вы поступили в данном случае?

«Что ж... Член Военного совета задает умные вопросы. И, кажется, ясно, куда он клонит», – подумал Петров и ответил:

– Вариант возможный. Рация могла забарахлить при переходе линии фронта или была разбита при выброске с самолета. Наконец, просто вышла из строя. А может быть, группе не придали рации – задание было конкретным и кратковременным. Но в этом случае мне неясно, зачем им понадобился «виллис»? Ведь они не могли ни увидеть, ни предпо-

ложить, что за рулем сидит майор. И в немецкой, и в нашей армии старшие офицеры далеко не всегда садятся за руль. Значит, они охотились за машиной.

– Вы в этом уверены? – впервые вмешался в разговор начальник штаба. Он оторвался от бумаг и, почесывая толстым красным карандашом переносицу, внимательно смотрел на Петрова.

– Мне доложили, что в скаты машины не попала ни одна пуля – значит, по скатам не били. Следовательно, били по шоферу. Он им не требовался.

– Резонно, – сказал начальник штаба и опять уткнулся в бумаги.

– Вот поэтому мы и уделили основное внимание тыловым частям, – сейчас же вмешался Целиков.

Член Военного совета обменялся быстрым, едва уловимым взглядом с командующим и спросил:

– Скажите, товарищи, вы не обращали внимания на то, что легковые машины тщательно проверяются на контрольно-пропускных пунктах, когда они едут в тыл? Но когда они едут на передовую, бдительность явно притупляется. И еще одно. За все время войны я что-то ни от кого не слышал, чтобы его машину задержали где-нибудь впереди линии расположения штабов дивизий. Там устанавливаются или уже установились никем не писанные правила, по которым любая легковая машина обязательно своя и обязательно начальства, а поэтому проверять ее не следует. И машины носятся

там где хотят и как хотят.

– Иногда напарываясь на минные поля или попадая под обстрел, – усмехнулся командующий.

Добровольский подвел-таки свои рассуждения-вопросы к логическому концу, и Петров увидел, как побагровела крепкая шея начальника смерша. Обнаруживался просчет.

– Вы правы, товарищ генерал, – сразу согласился Целиков. – Об этом не подумали. Сейчас же переориентирую людей.

Начальник штаба поднял голову и вопросительно посмотрел на командующего. Тот как будто ждал этого взгляда и неторопливо кивнул.

– Да. Оформите приказом по армии.

– Приказ приказом, – сказал Добровольский, – но мне хочется знать, что думает разведчик о возможном замысле этой группы противника?

Полковник Петров помедлил с ответом. Ход его мыслей раздваивался. Конечно, прослеживая рассуждения Добровольского, он профессионально, опять-таки мысленно, отвечал на его вопросы и, естественно, шел при этом дальше. И так же привычно он думал и за противника.

– Очевидно, сведения собраны, и группа стремится пробиться за линию фронта. На «виллисе» она может быстро и почти безопасно проскочить до самого переднего края и использовать психологический настрой людей из передовых подразделений: раз легковая машина, значит, начальство. А

если группа располагает нужными документами, а она наверняка ими располагает, то она не только приблизится непосредственно к передовой, но и – при соответствующей вводной, а вводная может подкрепиться документами, – даже перейти его. Тем более что далеко не везде есть сплошная линия траншей.

– Резонно, – сказал начштаба, не поднимая головы.

Добровольский уточнил:

– Хуже того, может еще и прихватить пленных. Этакая механизированная группа захвата. Учтите, что на машине ночью риска у них ненамного больше, чем при обычном поиске. Наши поначалу растеряются, подумают, что начальство просто заблудилось, и не будут вести огонь по машине. А немцы не такие дураки, чтобы бить по машине, которая сама едет к ним в гости. Нет, такой вариант, или, как говорите вы, разведчики, такая легенда, вполне возможен.

Член Военного совета опять прошелся по горнице, ступая мягко, почти неслышно, склонив черноволосую голову, словно что-то выискивая на полу. Начальник смерша громко вздохнул и, уже обращаясь к командующему, сказал:

– Что ж... разведчики, видимо, матерые... А раз так, то, во-первых, им, знающим наши обычаи...

– Такие же обычаи и у противника! – уже пренебрежительно махнул рукой Петров. – Чинопочитание, внешнее проявление дисциплины у фрицев покрепче, чем у нас. Так что...

– Кстати, вы это учтите, – откуда-то из-за спины отозвался Добровольский.

– Слушаюсь, – отозвался полковник Петров, хотя еще и не представлял, каким образом его разведчикам в тылу противника пригодится возможный тактический прием, кажется, придуманный неизвестным противником.

Начальник смерша с точностью до мгновения уловил нужную паузу и продолжил:

– ...сегодня совершенно ясно, что их вариант не удался и уже не удастся. Они вправе подумать, что кто-нибудь да разгадает их... уловку. Но это значит, что они, во-вторых, готовят запасной вариант перехода линии фронта. Вот этим вариантом и следует заняться. Вину принимаю, за перекрытием переднего края прослежу лично.

– Петров, – приказал командующий, – к вечеру приготовьте легенды для двух, самое большое трех групп. – Он помедлил и спросил: – Кстати, те ребята, что отличились в прошлой вылазке, на месте?

– Так точно, товарищ генерал. Одному из них вашим приказом присвоено звание младшего лейтенанта, а второму – старшины.

– Вот и о них не забудь, если они в форме.

– Проверю, товарищ генерал.

Начальник штаба передал командующему лист бумаги с проектом приказа о запрещении пользования легковыми автомобилями в непосредственной близости от переднего

края вплоть до особых указаний и резком повышении бдительности.

Командующий читал так внимательно и отчужденно, что и разведчику, и смершевцу стало понятно: высшее командование армии их не задерживает.

– Разрешите идти? – спросил Петров и вместе с Целиковым вышел из горницы.

Став командиром взвода и присматриваясь к своим людям, Матюхин старался задним числом понять своего товарища по училищу Зюзина. Почему, например, Зюзин добился перевода в разведку снайпера Николая Грудинина? Ведь его очень редко включали в поисковые или разведывательные группы. Грудинин в основном вел наблюдение на переднем крае. Наблюдателей в разведке много. В сущности, каждый должен быть отличным наблюдателем, а других особых качеств за снайпером не отмечалось.

Длиннорукий, сухощавый, с маленькими острыми глазками на костистом нервном лице, Грудинин держался в стороне от разведчиков, может быть, потому, что был много старше большинства из них – ему было под сорок.

На занятиях Грудинин казался явным середнячком: все делал с должной добросовестностью, но без огонька. В свободное время, взяв винтовку с зачехленным снайперским оптическим прицелом – на занятиях он появлялся с автоматом, – Грудинин подходил к командиру взвода и, вытягива-

сь, просил разрешения обратиться. Матюхин кивал:

– Разрешите отлучиться на два часа на стрельбище для отработки тренировочных упражнений.

Ни разу Грудинин не изменил порядка слов, ни разу не поднял взгляда на взводного, И отходил он от командира как-то странно – боком, мягко, бесшумно и каждый раз новой дорогой. Матюхин следил за его сутуловатой костистой спиной и замечал, как перед опушкой она распрямлялась, походка становилась легкой, скользящей, и Грудинин словно растворялся, в разнолесье.

В тот день, когда Андрей рассматривал машину майора Лебедева, обычные занятия отменили – люди не спали всю ночь, но Грудинин все равно подошел к лейтенанту и попросил разрешения потренироваться. Думая о своем, Матюхин кивнул и уж спустя некоторое время обернулся, чтобы проводить взглядом снайпера.

Именно в этот момент он и понял Зюзина. Разведчики противника так и не сумели расстрелять майора, А ведь он ехал в открытом «виллисе». Немцы же, как правило, пользуются закрытыми машинами, кузова которых сделаны из добротной немецкой или французской стали. Издалека такую сталь автоматная пуля может и не пробить. А снайпер... Снайпер убьет любого, на выбор, одним выстрелом. Вот на случай особого задания в тылу противника Зюзин и брал Грудинина.

Догадка эта несколько ошеломила Матюхина, и он, чтобы

проверить ее, стал выдумывать варианты поисков, в ходе которых снайпер мог бы стать хорошим помощником. Результаты решений поставленных перед самим собой задач с помощью Грудинина получались весьма обнадеживающими.

С этого времени Матюхин уже не думал ни о чем, кроме предстоящего выхода в тыл врага. После обеда, так и не уснув, он отпросился у Маракуши на передний край – не терпелось по-новому обдумать на местности все возможности перехода линии фронта.

Днем, как и обычно, передовая жила скрытно. В ближних кустарниках попискивали пичужки – ставшие на крыло весенние выводки пробовали свои голоса. Изредка глухо, лениво бухали одиночные артиллерийские выстрелы и, шелковисто шурша нагретым за день воздухом, в блеклом небе проплывали невидимые снаряды. Матюхин автоматически, на слух отмечал их калибр, прикидывая, где может стоять батарея и по какой цели она может бить.

К тому времени, как солнце стало багроветь и дневная жара сгустилась, стала тягучей и недвижимей, Матюхин добрался почти до широкой пологой лощины на правом фланге дивизии. Она шла от наших позиций в сторону противника, пересекала его оборону и растекалась широким низинным лугом.

Матюхин прилег в густой, уже одеревеневший бурьян и долго наблюдал за немецкой стороной в бинокль. Раза два там мелькали каски солдат, отбрасывающие длинные пред-

закатные тени. Когда он свыкся с обстановкой, то заметил хорошо замаскированные брустверы окопов.

Каковы проходы для разведчиков? Правда, можно выйти сюда ночью, но лучше бы скрытно выдвинуться вот в это время, приглядеться к местности и перед переходом линии фронта как следует послушать и понаблюдать.

Похоже, что овраг может сослужить добрую службу...

Матюхин повернулся в тыл и увидел, что над опушкой не такого уж далекого леса поднимается почему-то отдающий в оранжевость, даже в красноту, столб дыма.

«Странно. Его же не было... И почему он такой... рыжий? Впрочем, отсвет закатного солнца. Идиоты какие-то! Развели костер, а фриц как саданет...»

Матюхин представил себе, как наблюдатели противника докладывают сейчас на батареею о появившемся дыме от костра и как, может быть, ужинающий командир батареи лениво думает: «Дать огонька или не давать? Побережь снаряды?»

Если он трусоват, этот вражеский комбат, он созвонится с командиром дивизиона, а тот свяжется с... Впрочем, у немцев, как и у нас, батареи имеют свои секторы. Командир дивизиона решит и сам.

Андрею доставляло истинное наслаждение думать за чужого артиллерийского офицера, решать конкретную боевую задачу – в душе он все еще оставался артиллеристом.

Дым все тянулся и тянулся вверх, к зеленеющему в золотистых подсветах предзакатья высокому небу, тянулся ров-

ным, неколебимым столбом: стояла сушь и тишь. Потом на фоне этого оранжевого столба неторопливо пролетели вверх, как искорки от невидимого костра, три трассирующие пули.

«Нет, в самом деле идиоты – открыли стрельбу в тылу! – выругался про себя Андрей, и чужая недисциплинированность сбила творческое настроение. Думать не то что за чужих, а даже за своих разведчиков уже не захотелось. – Надо двигать домой. А то и ужин прозеваю».

Ползком, петляя меж бурьянов, он пробрался к кустарнику, а там, где согнувшись, перебежками, а где и в рост, выбрался в не наблюдаемый противником овражек. Это ничего, что пришлось поползать. Но если место действительно окажется удобным для перехода линии фронта, то пусть наблюдатели противника так и не засекут появление одиночного человека в этом районе. Одиночка всегда подозрителен. И зарождать подозрительность у врага Андрей, естественно, не хотел.

Уже в сумерках он пришел на хутор. Повар поставил перед ним котелок с уже перепревшим ужином и заговорщически шепнул:

– Вас туточки капитан шукав...

Наскоро перекусив, Матюхин пошел к командиру роты.

Маракуша встретил его на порожке избы, поднялся навстречу и, не дав доложить о прибытии, пошел к лесу.

– Догадываешься? – не оглядываясь, спросил Маракуша у шагающего чуть сзади Матюхина.

– Почти...

– Вообще-то еще ничего не решено, но... Ох, не положено такое говорить, да уж пусть будет как будет.

Младший лейтенант отметил что-то слишком уж доброжелательный тон своего командира и насторожился.

– Приезжало начальство, интересовалось боевой подготовкой и спросило, как мы готовы к выходу в тыл. Ну, что ответишь? Постоянная боеготовность, как говорится, основа нашей деятельности. Поинтересовалось тобой персонально. Как, дескать, ты: не хромаешь ли, не простудился и веселое ли у тебя настроение. Я ответил, что все как будто в порядке, только старые разведчики тебя еще не приняли. Слишком уж быстро ты вознесся. Начальство пошутило, что вот, дескать, есть возможность доказать, что в самый раз... И еще я понял, что тобой интересовались в штабе армии. Так вот, я хочу знать, как ты на это смотришь?

По необычному, шутивому настроению капитана Матюхин понял, что командир что-то скрывает, но что именно, Андрей, конечно, не знал и не мог знать. Но он чувствовал, все происходило не так, как говорит капитан.

Оно и на самом деле происходило не так.

В роту приехал не такой уж частый в ней гость – начальник разведотделения дивизии майор Зайцев, уже стареющий, рыхловатый, но подвижный и хитрый, а иногда излишне шумный человек. В душе он не очень верил в полезность выходов дивизионных разведчиков в тыл врага, не без ос-

нования считая, что такие выходы влекут слишком большие потери, а получаемые при этом сведения, порой очень важные, сплошь и рядом оказываются бесполезными для дивизии. Они годились для армии, даже для фронта, а командир дивизии не мог сам пользоваться раскрытыми тайнами врага – для этого у него чаще всего не хватало сил. Да и власти. Решал командарм.

Зайцев считал, что подчиненная ему разведка должна работать прежде всего на полки, на дивизию. Недолюбивая майора Лебедева за то, что тот слишком часто привлекает разведчиков к работе на армейский штаб, Зайцев отстранился от роты и пропадал в полковых разведывательных взводах, организовывал неплохую разведку в батальонах и крепко дружил с артиллеристами, у которых, как известно, была своя, не подчиненная Зайцеву разведка, работающая только на артиллерию.

После ранения майора Лебедева Зайцев сразу понял, что теперь ему в сторонку не отойти. Потому, как только полковник Петров поинтересовался здоровьем младшего лейтенанта Матюхина, Зайцев сразу же примчался в роту.

Что ему придется готовить группу для заброски в тыл врага, он уже не сомневался: общая обстановка явно того требовала. То, что посылать нужно именно Матюхина, Зайцев не колебался: во-первых, он не слишком любил тех из своих подчиненных, которые почему бы то ни было выдвигались без его помощи. А Матюхин выдвинулся именно таким об-

разом. А раз так, значит, следует проверить его еще раз. Во-вторых, прошлая операция вывела из строя многих опытных офицеров, и Матюхин, пожалуй, мог «потянуть».

Но Зайцев не учел характера Маракуши. Как только он намекнул капитану, что предстоит операция, Маракуша брякнул:

– Группу поведу я.

Зайцев поморщился – только этого не доставало... В принципе, конечно, Маракуша поведет группу не хуже, а скорее лучше других: офицер он волевой, грамотный и опытный. Но в этом случае вся работа по подготовке группы и, главное, по дальнейшему слежению за ней, вся ответственность падала на Зайцева. Нет, он не боялся этой ответственности, не боялся любой, самой опасной работы: раз уж ты попал в разведку, этого не избежишь.

Майор смотрел дальше Маракуши. Фактически его подчиненные будут работать на армейскую разведку. А ему важно обеспечить разведданными командира дивизии. Разделиться надвое майор, конечно, не мог. В случае же, если в тыл врага уйдет Матюхин или какой-нибудь другой командир взвода, Маракуша останется на месте и, значит, и подготовку, и последующее слежение можно будет переложить на него, а самому заняться главным – полковой разведкой, наблюдением, поисками, подслушиванием, всем тем, что майор Зайцев почитал основным в своей деятельности.

– Знаешь, Маракуша, не спеши. На твой век войны хва-

тит, – миролюбиво сказал майор.

– Мне надоело сидеть, когда...

– Перестань! – перебил его майор. – Майор Лебедев ранен, и, как ты понимаешь, группой придется заниматься мне. А я тебе запрещаю об этом думать... пока. Рота на две трети разбавлена пополнением – подготовь его как следует, а потом уж и думай. – Все, что сказал Зайцев, не вызывало сомнения, но именно тут, чтобы окончательно добить капитана, майор и схитрил: – Кроме того, полковник Петров прямо назвал мне Матюхина. Ему, видишь ли, там, – Зайцев показал пальцем в потолок избы, – верят. Разумеешь?

Он сделал свое дело, этот хитрющий майор. Маракуша еще проверял Матюхина как офицера. Боевая удача Андрея? Она единожды может быть у каждого. А разведка – это профессия. В разведке нужна постоянная удача. Ее нужно организовать, предусмотреть, ее нужно добиться, отвоевать, вырвать у врага. На такое способен не просто умный и удачливый человек, а профессионал. Стать профессионалом Матюхин просто еще не успел. Данные у него, конечно, имеются, но... Но спешить не следовало бы.

Конечно, в душе капитан понимал, что профессионалами не рождаются. И способных молодых ребят нужно и поощрять, и смелее продвигать по службе, а все-таки... все-таки не слишком уж решительно. Вот почему слова майора Зайцева вселили в душу Маракуши не слишком доброе отношение к Матюхину. И Матюхин это почувствовал, уловив в хо-

де внешне доброжелательного разговора.

– Что смотреть? – ответил Андрей капитану. – Приказа еще не было, а думать... думать я думал. Да и вы готовили.

– И что ж надумал?

– Полагаю, что брать взвод не следует. Три – пять человек вполне достаточно. Если это будет разведка... без диверсионных задач. Группу мысленно подобрал. Похоже, нашел и место перехода линии фронта.

В сущности, Матюхин сделал все, что собирался ему приказать Маракуша. Это и понравилось капитану и, из-за слов майора, насторожило: быстрый уж очень... Не самоуверенность ли это? Может, Андрей в душе считает, что, кроме него, в роте справиться с задачей больше никому?

Капитан испытующе взглянул на Андрея, и Матюхин неожиданно для себя признался:

– Группу подобрать-то подобрал, а... А в душе еще в ней не уверен.

– Это ж почему? Если подобрал...

– Понимаете, товарищ капитан, какое-то странное ко мне отношение... Как будто испытывают меня. Не ощущаю доверия... Вот и волнуюсь.

«Нет, он не загордился, – подумал капитан. – Говорит правду, просто думает о будущем».

Но вслух сказал:

– Не очень это... хорошо.

– По-моему, даже плохо. На задание нужно идти, когда и

ты веришь подчиненным, и они тебе верят. Как, впрочем, и друг другу. А я этого полного доверия еще не замечаю.

– Пробовал свести отобранных в одну группу? Например, на занятиях. Поставить им особую задачу, походить с ними?

– Нет. Этого не делал.

– Почему?

– Если честно – так опасаясь. Люди же заметят, что я кого-то выделяю, и подумают, что либо я готовлюсь к чему-то, а это излишние разговоры и в конечном счете хоть и не выдача, но намек на выдачу военной тайны, либо что я подбираю любимчиков и тренирую их особо.

«Прав, – решил капитан, – прав!»

– Но ведь рано или поздно придется собирать группу.

– Так ведь тогда будет конкретная задача. А сейчас только варианты. И изучение людей. Притирка.

– А кто при всех случаях пойдет с вами? Если придется, разумеется.

– Сутоцкий. Мы с ним уже ходили. И Грудинин.

– А почему Грудинин? – помрачнел Маракуша: он соби-рался откомандировать Грудинина в батальон. Делать снай-перу в разведроде нечего.

– Во-первых, он мне нравится: старательный и своего дела не забывает. Во-вторых, он старше всех, а там... – Андрей махнул в сторону фронта, – там иногда нужен человек с жи-тейским опытом. Не везде и не всегда возьмешь только вы-учкой. Там еще что-то нужно.

Матюхин не раскрыл, что же еще нужно в тылу врага, но Маракуша понял его. Есть в разведке что-то неуловимое, что отличает ее от остальных видов боевой деятельности. Нужен ей и обыкновенный житейский опыт. Очень нужен. Когда и какой? Никто не знает... Потому что разведка всегда творчество в самых различных, неповторимых обстоятельствах. И Маракуша согласно кивнул.

Они шли молча к опушке леса, вдоль слабо накатанной полевой дороги, поднимая сапогами уже невидимую, пахнущую увяданием знойную пыль, и слушали, как где-то справа, в поле, еще робко, словно примериваясь, покрикивают молодые перепела: «пить-пойдем».

Тут их догнал на «виллисе» подполковник из армейского смерша Каширин. Он легко соскочил с машины, ловко, но несколько небрежно ответил на приветствие младших офицеров и сразу же приступил к делу.

– Капитан, вы участвовали в прочесывании леса, где ранили Лебедева. Что вы заметили необычного?

– Если бы заметил, принял бы меры или доложил, – пожал плечами Маракуша: он недолюбливал смершевцев.

– Это понятно. Но знаете, как иногда бывает: вначале, в горячке, замеченному не придаешь значения, потом оно как бы всплывает в памяти – мелкое, незначительное, даже непонятное, но чем-то примечательное. Такого не обнаружилось?

– Никак нет, товарищ подполковник.

– Жаль. А вы, товарищ младший лейтенант, ничего не за-

метили?

– Никак нет, товарищ подполковник.

– Опять жаль. И еще. Ваши люди несут службу на передовой. Сами вы там бываете. В тот день или сегодня ничего примечательного не обнаружили? Например, дыма?

– Я видел дым, товарищ подполковник.

– Где? Когда?

Матюхин рассказал обо всем замеченном.

– Вы можете точно определить, в каком месте поднимался дым? – Каширин протянул карту, и они подошли к машине. Шофер услужливо включил прикрытые коробками фары.

– Вот отсюда, товарищ подполковник, – уверенно указал точку на карте Андрей.

– Почему вы говорите так определенно?

– Видите ли, я смотрел на него несколько раз, а когда кто-то еще и выстрелил трассирующими как бы вдоль дыма, то еще подумал, что люди без дела совсем разболтались и за это могут поплатиться.

– То есть как это – поплатиться?

– Ведь противник тоже видел этот дым. Он мог подумать, что это просто случайный костер. А вот если на фоне дыма прошли трассы пуль, он обязательно поймет, что возле этого костра есть и люди. А что стоит артиллерийскому разведчику передать данные на батарею? Минутное дело! И могли бы накрыть артогнем.

Смуглый Каширии потемнел, и глаза у него стали совсем

темными, сосредоточенными.

– Вы уверены, что видели трассы? И вам не показалось, что дым... несколько необычный?

– Трассы я видел точно, а цвет дыма... отдавал в оранжеватость. Но я смотрел на него часа два с половиной тому назад, солнце уже перевалило в закат, и потому мне могло показаться, что дым странный.

– Вы доложили кому-нибудь о своих наблюдениях?

– Никак нет.

– Почему?

– Во-первых, еще не успел – только что пришел с передовой, а во-вторых, честно говоря, не придал особого значения.

Каширин опять уточнил точку предполагаемого костра, попрощался и уехал.

– Закрутились, – усмехнулся Маракуша. – Когда припекло, так и разведчиков вспомнили. Ну ладно, Матюхин, иди отдыхай, о нашем разговоре, естественно, молчок, но сам думай. Чует мое сердце – скоро пойдем.

Отдыхать младшему лейтенанту Матюхину не пришлось. На рассвете его разбудил дежурный и передал приказ: взять двух – трех бойцов и прибыть в штаб армии.

– Капитан знает? – спросил он у дежурного. – А он и приказал. А сам поехал в дивизию.

Кого взять? Может быть, сразу и на задание? Может, ре-

шили забросить воздухом?

– Сутоцкого, Грудинина и Шарафутдинова – ко мне в полном боевом.

Пока Андрей одевался, осматривал оружие, он заставил себя обдумать свой поступок – почему он сразу, спросонья решил взять с собой еще и Шарафутдинова? Ведь до этого он никогда не думал о нем. Гафур Шарафутдинов, небольшого, даже маленького росточка, тонкий в талии, почти подросток, пришел с последним пополнением. Его темно-карие, по-татарски твердые взглядом глаза всегда казались Андрею веселыми и чуть лукавыми, словно Гафур знал о каждом что-то смешное, но не спешил об этом рассказывать. Ловкий, стремительный, в рукопашных схватках он проскальзывал между рук товарищей и умел всегда очутиться сзади нападавшего.

– Как пескарь, – говорили о нем. – Скользкий и колючий. Было в этом пареньке что-то очень привлекательное. Но ведь не это же заставило Андрея сразу же подумать о нем. И только одевшись и как следует обдумав, Андрей вспомнил одно из главных достоинств Шарафутдинова – он великолепно говорил по-немецки; потому что жил в районе немецких колоний и учился в школе, где преподавание велось на немецком языке.

На заре вчетвером они уселись в присланную за ними машину и уехали в штаб армии.

Шофер, как это ни удивительно, привез их не в разведку, а

в контрразведку. Загнав машину во двор, он пошел доложить начальству, а когда вернулся, коротко сообщил:

– Приказано ждать.

Разведчики уселись на росную траву у сараюшки, привалялись к бревнам и закурили.

На правах старого товарища Сутоцкий шепотом спросил у Матюхина:

– На задание?

Андрей пожал плечами – он и сам еще ничего не понимал. Николай Сутоцкий несколько пренебрежительно осмотрел Грудинина и Шарафутдинова и опять прошептал:

– Этих двух по приказу или ты выбирал?

– Я...

– Ну-ну... – усмехнулся Сутоцкий.

– Чем они тебе не нравятся?

– Салаги.

– Ты тоже был салагой.

– Так то когда было!.. Да и Гафур... жидковат.

– А Грудинин староват, – иронически продолжил Андрей.

– И это точно.

– А вдвоем – неплохая пара. В самый раз.

Сутоцкий обиженно примолк и прошептал:

– Тебя и раньше не переспоришь, а теперь – начальство...

Выкатилось оранжевое, веселое солнце, пахнуло теплом, и потянуло в дрему. Матюхина разбудили часов в девять. Разведчики уютно спали, прижавшись друг к другу. Рослый

краснолицый сержант в отлично пригнанном обмундировании смотрел на них снисходительно, как взрослый на разомлевших детей, и, не глядя в глаза Матюхину, сообщил:

– Приказано прибыть к подполковнику Каширину. Только вам.

Младший лейтенант нагнулся, чтобы разбудить Сутоцкого, но сержант покровительственно заметил:

– Пусть спят. Предупредим шоферов, они им и скажут.

По огородам, тропкой прошли к соседней избе. Часовой тщательно проверил удостоверение личности Матюхина, сверился с какой-то бумажкой и только после этого пропустил в сени.

«Порядочки...» – не без одобрения подумал Матюхин.

В просторной, хмуро-чистенькой горнице сидели трое. За столом подполковник Каширин и какой-то белесый младший лейтенант, а на табуретке перед ними – солдат в маскировочных брюках и грязной гимнастерке. Солдат осторожно придерживал укутанную чистыми бинтами руку, из них чужими выглядывали пальцы – толстые, набухшие.

– Садитесь, – кивнул Каширин и, когда Матюхин уселся у стола перед солдатом на табуретке, усмехнулся: – Знакомьтесь – немецкий шпион. Из тех, кто ранил Лебедева.

Первый раз в жизни Матюхин видел живого, всамделишного шпиона и потому смотрел на раненого с острым и в чем-то болезненным интересом. Кто он? Как попал сюда? На чем провалился? Как дошел до жизни такой? И этот последний вопрос подсказал Андрею, что он сразу, сам того не сознавая, признал в шпионе русского.

Круглое лицо, нос картошкой, глубоко сидящие светлые глаза и темно-русый ежик стриженных волос – все могло встречаться и у других народов, но было и еще нечто неупоминанное, но привычное, что сразу подсказывало – это русский. И Андрей быстро уловил это «что-то».

Руки. Тяжелые руки с крепкими толстыми пальцами и обломанными ногтями. На больших пальцах ногти покоробились, по ним прошли трещины. Вот эти тяжелые рабочие руки в сочетании со скорбным, нетаящимся взглядом светлых маленьких глаз и заставили Андрея определить национальность человека.

Руки лежали устало, покойно, и даже когда человек показывал раненую руку, он делал это деликатно, стараясь, чтобы кто-нибудь не заметил ни его боли, ни его движения. А в глазах у него не было ни страха, ни ненависти, ни даже раскаяния. Была скорбь. Видно, он знал, что его ждет, и внутренне не противился этому, потому что в душе своей понимал – иного он не заслужил.

– Так вот, товарищ младший лейтенант. Я вызвал вас с людьми в надежде, что вы вместе с нашими ребятами поможете прочесать то место, где вы видели дым. Но все обошлось без вас. Немецкие разведчики напоролись на нашу засаду. Одного из них убили, двух ранили. Этот не сопротивлялся. Второй ранен тяжелее, и говорить ему трудно. Состав странный: немец – он убит, какой-то прибалт – и на русском и на немецком говорит с акцентом, – и вот русский. Из пленных. Поговорите с ним – есть кое-что интересное в тактике, – Каширин обратился к человеку на табуретке: – Суторов! Говорить все!

Шпион кивнул и оглядел Матюхина.

В таком положении Матюхин еще никогда не бывал и не знал, с чего начать и как начать. Суторов глазами показал на руку Андрея – на ней птичьей лапкой вырисовывались шрамы от зубов немецкой овчарки: после первого побега из лагеря Андрея травили собаками, и он, защищаясь, подставлял им руку.

– Овчарки?

Андрей сразу понял его и кивнул.

Суторов трудно вздохнул и отвел глаза.

– Ты, выходит, выбрался... – Он перевел дыхание и в упор посмотрел на Матюхина. – А я вот сдал...

– Что ж так?

– Меня в родных местах взяли... Жена ходила по лагерям... Все меня искала. Нашла... Узнали, что у меня пятеро... Ну вот и сказали: не пойдешь, всех твоих повесим... А что сделаешь?.. Пошел.

– Почему уже здесь не перешел?

– А дети-то там... Не дошли наши-то... еще.

Во рту почему-то пересохло, и Андрей положительно не знал, как себя вести и что говорить. Перед ним сидел враг. Настоящий, не выдуманный, а врага этого Андрей жалел и не мог его судить. Внутренним, трудным судом, безжалостным и справедливым. Потому и спросил невпопад:

– Ну и что ж... теперь?

Неожиданно Суторов усмехнулся, смело и даже озорно, будто собирался сообщить забавную историю.

– А что ж теперь?.. Теперь шлепнут.

И потому, что Андрей и сам, подспудно, даже жалея, понимал, что такого шлепнут, но признаться в этом не мог даже самому себе, слова врага резанули его и начисто выбили все остатки самообладания. А Суторов вдруг сник и глухо сообщил:

– И нельзя иначе. Потому что если там узнают, что я сдал-

ся, моих повесят. У них это быстро делается.

– Но ты ж не сопротивлялся...

– Ну и что? Узнают – еще хуже... для моих. Тут не повернешься... Нет...

Страшен был этот самому себе вынесенный и самим собой утвержденный смертный приговор, и говорить уже не хотелось: смерть даже на фронте – она и есть смерть...

Но то, что человек этот хотел собственной смерти, потому что эта смерть могла защитить и спасти его пятерых детей – русских детей! – поразила Матюхина. Отцовскую логику он не понимал и, еще не зная, как поступить, что подумать, все-таки внутренне согласился с ней. Да, ради детей можно и должно пойти на смерть. Но в то же время по своим внутренним законам он восставал против такой логики. Выходило, что, спасая своих детей, защищая свой дом, Суторов сознательно пошел против тысяч таких же детей и таких домов.

Растерянность стала исчезать, вернулось самообладание.

Суторов сразу, без перехода, принял смену и настроения, и темы.

– А нас не перебрасывали. Нас оставили.

– Как оставили?

– Когда... красные перешли в наступление, нам приказали остаться, пропустить фронт, а потом разведать, что нужно, и вернуться.

– А что нужно?

– Всего я не знаю. Я ведь в прикрытии шел. Главный Валь-

тер, а его заместитель – Франц. Они решали. Я выполнял.

– Слушай, Суторов, в разведке так не бывает. В разведке каждый должен...

– Что должен – я знаю. Но только это у... красных. Там по-другому. Понял? Вот. А хоронились мы в лесу. Закопались в землю, под дернину, вверху через пень вентиляцию сделали. Скажу честно – замаскировались отлично. Над нами... по нас пройдешь – и не заметишь. Отсиделись – и вышли.

Всю мудрость этого решения Матюхин оценил сразу, но уточнять детали не стал: прием хорош, когда войска отступают. В начале войны и наши так делали, а сейчас, у войны на переломе, он пригоден только для противника.

– А как вели разведку?

– В основном наблюдением. Использовали высокие деревья. Заберешься и целый день, как скворец, сидишь.

Все правильно. Если это же делал Андрей, то почему же не сделать то же самое противнику?

– Не засекали?

– Кто? Люди ж чаще под ноги смотрят, чем до горы. Да и маскировка хорошая. – Суторов помолчал и обиженно спросил: – А чего ж не интересуетесь, по каким признакам разведывали резервы?

– С деревьев? И так ясно – дымки кухонь, движение на подходах, новые дороги, полевые занятия, линии связи... Ну и так далее... Но, думается, этим вы не ограничивались.

– Верно. Еще разговоры разговаривали. Вальтер хорошо

болтал по-русски. Видно, жил у нас. Я помогал. Трепались с шоферами, связистами – свой брат солдат.

– И никто не усомнился?

– Видишь, если бы Вальтер не действовал нахально, может, кто и засомневался. А он, видишь ты, болтал ленивенько, с подначкой... Верили.

– Как держали связь?

– Рации нам не дали – сказали, что все равно запеленгуют. Но у нас, видишь ты, собака была. Овчарка. Натаскивали ее особо. Вот на шестой день Вальтер и послал с нею донесение.

– Как это с нею?

– А очень даже просто. Вывели поближе к передку, Вальтер ей приказал чесать к своим – она и почесала. – Уловив сомнение в глазах Матюхина, Суторов спросил: – Забыл, что ли, как они овчарок дрессируют?

Нет, этого Андрей не забыл. Противник умел дрессировать собак и умел ими пользоваться. Дрессировал и на людей, дрессировал и как связных. И не это взволновало Матюхина.

В тоне Суторова звучало нечто удивительное – он словно еще жил техническим превосходством врага, его жестокой, изощренной силой и, в душе удивляясь ей, покорялся. Она сломила Суторова потому, что он растерялся перед ней, незнакомой, не понятой им.

Почему-то вспомнились первые недели войны, когда даже умные люди верили, что на немецких самолетах установле-

ны особые аппараты, которые слышат, что делается на земле. Когда пролетал разведчик противника, такие люди замирали, боясь дышать, а того, кто, по их мнению, нарушал звуко-маскировку, готовы были убить.

И еще помнилось, как некоторые были уверены, что немецким машинам не требовался бензин. Стоило залить в них воды, высыпать в нее белый порошок из продолговатой коричневой коробочки, как машины заводились и ехали дальше. И доказывать таким верящим, что нет у немецких самолетов сверхчувствительных приборов, что белый порошок – всего лишь дезинфицирующий состав для обеззараживания воды, в те жуткие месяцы было безнадежно.

Но помнилось и другое. Андрей видел, как после одного залпа «катюш» бежали, бросая оружие и технику, целые полки. Десятки немцев говорили ему, что у русских есть бесшумные самолеты. А это были наши обычные «кукурузники», которые перед целью выключали моторы и бомбили с планирования.

Да, Суторов сломался изнутри. А дети для него стали лишь внутренним оправданием. Даже теперь, когда он напомним о дрессированной собаке, в его тоне прозвучали еле заметные нотки и восхищения, и даже некоего личного превосходства над Андреем, словно он, Суторов, слегка гордился тем, что причастен к этой не познанной им силе. И именно это насторожило и возмутило Андрея. Теперь он, пожалуй, раскаивался в своей жалости к Суторову.

– Ну что ж, собака – это придумано умно. Но это годится, когда драпаешь.

– Это ж почему? – недоверчиво и даже как бы обиженно спросил Суторов. Похоже, что, увидев следы немецких овчарок на руке Андрея, он признал его, младшего лейтенанта, за своего и даже позволил себе называть на «ты».

– А потому, что собаку можно научить идти по следу, можно научить травить людей или научить бегать назад в знакомые места. А вот вперед, туда, где она не бывала, ее не пошлешь. Не поймет, что от нее требуется...

Суторов пристально посмотрел на Андрея, потупился и вздохнул.

– Кстати, а если бы вашу собаку пристрелили на передовой?

– Не-а, – помотал головой Суторов. – На то и расчет. Русские вот так, запросто, собаку не убьют.

– Но вдруг бы убили? Или на мину напоролась? Как бы вы узнали, что ваше донесение получено?

– А нам дымами сигналили. Есть у них такие цветные дымы. Вот ими и просигналили. Дескать, дошла собачка. Что нужно – получено.

– Вот это умно. И я так понимаю, вы тоже дымами сигналили? И трассирующими?

– Точно. Когда подобрали новые данные и срок у нас кончился, а захватить машину не удалось, дали знать, что просим открыть нам ворота. Для выхода.

– А как?

– Вот этого не знаю. Это Вальтер знал. Но, как я понимаю, переходить собирались в лощинке, перед которой жгли дым. Его, между прочим, тоже не с земли пускали, а с дерева. Подожгли шашку, постреляли – ив кусты.

– Кустов не боялись? В них ведь засады, – спросил Андрей, отмечая, что сигнальные дымы жгли правильно, следов не оставляли.

– Нет. Собачек-то у вас не имеется. – И опять в голосе Суторова прозвучал отголосок причастности к чужой, страшной силе.

Отголосок этот окончательно отторг Матюхина от шпиона. Он стал физически неприятен, и разговаривать с ним Андрей не только не хотел, а уже не мог.

Они сидели молча, и Суторов глухо спросил:

– Больше ничем не интересуетесь?

– Нет, – сухо ответил Андрей, и в глазах Суторова мелькнул страх – он, видимо, понял, что уже не нужен...

Безмолвный белесый младший лейтенант поднялся из-за стола, прошел к двери. И почти сейчас же в комнате появились конвойные. Суторов оглянулся, увидел автоматчиков и стал медленно, словно насильно отрываясь от табуретки, подниматься.

– Я пойду к своим, – сказал Андрей и, обогнув Суторова, вышел на двор.

Командующего армией разбудил звонок командующего

фронтом. Точнее, разбудил-то командарма адъютант, и он сообщил, что его вызывает командующий фронтом. Сидя на кровати – высокой, с периной, с тремя большими и парой маленьких подушечек-думок, – командарм любил спать в тепле и на мягком, и, натягивая шаровары на бледные, чуть опухшие с ночи ноги, командарм сразу понял, что произошло нечто чрезвычайное.

Обычно командующий фронтом ложился спать под утро. В этом был свой резон. Верховный тоже работал по ночам, и командующие фронтами могли понадобиться ему каждую минуту. К середине ночи, когда прояснилась обстановка минувшего дня и, значит, намечались решения на следующий, штабисты, кроме дежурных, уже спали. А уж когда решения созрели, просыпались и штабы. Они и занимались их исполнением, а командующие фронтами в это время спали. Впрочем, никто не смел говорить вот так, грубо: командующий спит. Командующие могли только отдыхать.

Командарм же любил отдыхать ночью. С утра лучше думается и, как он говорил, быстрее бегается. И то, что его разбудили в неурочный час, не радовало.

Он немного знал, немного догадывался о той сложной и многоплановой борьбе мнений, которая шла в штабе фронта, а может быть, и выше. Разумеется, борьба эта не выливалась в стычки и споры. Она была подспудна, невидима, но она была. Ее ход отражался в донесениях, отчетах и сдержанных, тщательно обдумываемых докладах, а иногда и в осто-

рожных беседах.

Суть ее заключалась в том, какую задачу и как должен выполнять фронт. Член Военного совета Добровольский поддерживал мнение командарма, считавшего, что наступательные действия в данный момент преждевременны. Противник имеет мощные резервы, а вверенная им армия такими резервами не располагает. Они, конечно, есть и не в пример прошлогоднему гораздо мощнее даже того, на что армия рассчитывала. Но... Но половина этих резервов в боях не участвовала, пополнение еще не обстреляно, не втянулось во фронтную жизнь. Не слишком густо с боеприпасами для артиллерии. Маловато и авиации.

Командующий же фронтом считал, что в армиях всего достаточно, противник надломлен и его можно бить и гнать. В этом мнении его поддерживали и командующие некоторыми подчиненными ему армиями. Но вверху, может быть, в Генштабе, а может быть, и в Ставке Верховного, почему-то не принимали определенных решений, и командующий фронтом колебался.

Этот рассветный разговор должен многое прояснить. Командарм всунул ноги в шлепанцы и накинул китель. У телефона адъютант передал ему карту с оперативной обстановкой и шепнул:

– Изменений нет. Поиски разведчиков с обеих сторон. Инженерные работы.

Командарм взял трубку и сразу же услышал голос коман-

дующего. И это тоже насторожило. Обычно отвечал адъютант, и только спустя некоторое время трубку брал командующий.

– Топчетесь? – голос командующего фронтом прозвучал свежо и густо. Вероятно, получил нужные для него новости.

– Есть грех, товарищ генерал армии.

– Ты случайно, конечно, сводки противостоящего не слышал?

– Нет.

– Ну, если и скрываешь, так утром узнаешь. Фрицы передали, что на юге развернулись упорные бои. Разумеешь?

– Разумею...

– Так вот смотрите там... А часам к двенадцати приезжай ко мне. У меня все.

– До свидания.

Командарм некоторое время держал телефонную трубку, потом медленно, словно нехотя, поднялся и прошел в свою комнату.

Безобидный и необязательный разговор нес в себе и солидный запас информации, и приказание, и, главное, требовал срочного осмысливания резко изменяющейся обстановки.

Это самое «топчетесь» и «смотрите там» могло обозначать и приказ на подготовку к возможному выполнению боевой задачи. А задача может быть одна – наступать. Значит, следовало немедленно соответственно сориентировать

командиров соединений. И важен каждый час.

Фронт фронтом, а люди есть люди. В каждой части обязательно накапливаются какие-то недоработки, которые изо дня в день откладывались до лучших времен. Когда часть в обороне, а тем более в резерве, эти лучшие времена приближаются, и каждый спешит подремонтировать технику, обучить подчиненных, подвезти кое-что из снаряжения и боеприпасов. Да и отдохнуть тоже нужно. Вот почему, хотя в целом части и находились в боевой готовности, недоделок наверняка накопилось немало. И важно как можно быстрее их устранить, потому что сделать это завтра, может быть, и не удастся. Командующий фронтом, как опытный военачальник, именно поэтому и позвонил на рассвете – выгадывалось несколько часов.

И это очень хорошо.

Плохо другое. Поскольку наше наступление на юге (вот почему вверху не спешили, не торопили фронт! Бои местного значения сковывали резервы противника, держали его в напряжении, отвлекали от подготовки к отражению удара на юге. Только теперь стало понятным – все развивалось правильно!) началось недавно и противник наверняка еще не успел израсходовать свои резервы на этом направлении, здешние он не только будет беречь, но и приведет их в полную боевую готовность. Либо для отвлекающего контрудара на этом участке, либо, наоборот, в ожидании нашего удара, который может последовать для облегчения положения

на юге. Выходит, нужно рассчитывать на тех, что стоят сейчас против фронта и, значит, армии. А они, эти противостоящие, уже насторожены своими сводками. Они тоже понимают, что к чему.

Плохо и третье. Наступление на юге наверняка отвлекло то, что накопила страна в своих резервах. Значит, на помощь из тыла рассчитывать нечего. (Вот почему так скупо подавались артиллерийские выстрелы! Их гнали на юг. Вот почему авиация почти не появляется – летчики берегут технику, не рассчитывая на пополнение) А соотношение сил пока что не радует. Есть преимущество в пехоте, но ее значительная часть еще не обстреляна. Правда, по данным разведки, в резервных частях противника пополнение пришло из Бельгии и Голландии. Там боевых действий не велось, следовательно, солдаты тоже не шибко обстреляны. В артиллерии преимущество солидное, но боеприпасы... В тапках соотношение, пожалуй, равное.

Впрочем, это как сказать. Резервная танковая дивизия эсэсовцев расположена так, что может выдвинуться на участки трех советских армий. И если она выдвинется к соседям, то появится преимущество и в танках. Но как их заставить выдвинуться?

Командарм разложил на столе переданную адъютантом карту, заново анализируя расстановку сил. Резервы врага, как им и положено, стояли вдоль железной дороги. Неподалику проходила и рокада шоссе – вдоль линии фронта. Сле-

довательно, пути переброски резервов отличные.

Командарм еще долго смотрел на карту, прикидывая направления своих ударов, рубежи накопления резервов, оценивал свои дороги, потом вздохнул и вслух сказал:

– Теперь думай не думай, а начинать нужно, – подошел к двери и вызвал адъютанта. – В интервале пять – семь минут вызовите всех командиров соединений.

Потом он стал одеваться. Наматывая портянки на бледные ступни, на мгновение приостановился, вспоминая, когда последний раз загорал.

«Пожалуй... лет пять».

Когда разбудили первого командира дивизии, командарм был уже одет по форме. Не глядя на телефониста, словно с настольного телефона сняв с его рук трубку и привычно нажав клапан, он сразу зарокотал:

– Застоялись? Пора и честь знать! В тылах – курорты! Смотри, приеду, проверю... Ладно, не оправдывайся. Учти. Ка-ак следует учти! Что нового?

Еще некоторое время он слушал доклад комдива, понимая, что сейчас, спросонья тот говорит по подсказке или адъютанта, или дежурного по штабу, а сам гадает, чем объяснить такой звонок, такой тон да еще в такое время. И еще командарм думал о том, что и этот комдив, и другие его подчиненные через некоторое время поймут, что к чему, вызовут к телефонам, а может быть, и к себе, на командный пункт или в штаб, командиров полков и прикажут навести полный по-

рядок, подтянуться и не забывать, что они на войне. Командиры полков начнут подтягивать подчиненных.

К тому времени в резервных частях уже пройдет подъем, а у стоящих на позициях – смена в подразделениях. Из траншей на отдых уйдут отстоявшие ночь, а вперед выдвинутся дежурные взводы: днем в обороне всегда спокойней, чем ночью. И все приведение армии в состояние боеготовности номер один, когда каждый готов к немедленным действиям, состоится более или менее скрытно.

Вот это важно – более или менее. Скрыть все от противника не удастся. Да и, возможно, не нужно. Пусть знает, что из создавшейся обстановки уже сделаны выводы.

Командарм отметил неожиданно родившееся определение: «создавшаяся обстановка», и оно ему понравилось. Обстановка именно создается.

Майор Лебедев проснулся оттого, что почувствовал себя здоровым. Он полежал, прислушался к тяжелому сопению соседа по палате – обыкновенной комнате-загородке в обыкновенной избе, – посмотрел в маленькое окошко. Там виднелись макушки подоконных цветов, кажется, мальв, а дальше – деревья. Тихие и как будто толстые от набравшей летнюю силу листья.

Потом он прислушался к себе. Впервые ничто не отзывалось болью, рукам, голове, ногам было удобно и покойно. Он осторожно повернул голову. Шея смолчала и не ответила бо-

лю.

Он полежал несколько секунд и только после этого обрадовался: надо же! Опять выскочил! Ранение, сотрясение мозга, сдвиг позвонков, и все-таки... Все-таки опять можно жить. Он не только понимал это, но чувствовал всем своим сильным, тренированным телом: жить можно!

Но он не успел насладиться радостью возвращения к жизни. К госпиталю подкатил «виллис», и из него выскочил капитан Маракуша.

– Здравия желаю, товарищ майор. Уже до подъема просыпаетесь?

– Утро уж очень...

– Это точно! Ну, значит, на поправку пошло, раз утром интересуетесь. Я к вам по делу.

– Садись.

– Полковник Петров приказал узнать, как ваше здоровье, и если ничего – ввести меня в курс. Приказано до вашего возвращения подменять вас.

Ну что ж... Это не новость. И раньше полковник Петров с разрешения начальника штаба вызывал для работы в отделе офицеров дивизионной разведки. Эта не предусмотренная приказами стажировка давала очень многое. Полковник и Лебедев ближе узнавали подчиненных, помогали им, а офицеры из дивизий видели, как напряженно работают штабники, как им приходится крутиться среди разноречивых сведений, требований и задач, сколько времени и сил

отнимает скрупулезная подготовка документов, их согласование. И то, что казалось ненужной, штабной блажью, вдруг оборачивалось крайне важным и совершенно необходимым. Может быть, благодаря этой традиции разведка в армии работала ровно, точно, не зная сбоев и срывов.

Все правильно.

И вот это сознание правильности происходящего рывком вернуло его к привычному делу, и он стал самим собой.

– Общую задачу знаешь?

– Да. Готовить три – четыре группы. Но где, кого, когда?

Лебедев рассказал Маракуше о своих наметках и предположениях, потом они вместе на привезенной капитаном карте стали отрабатывать варианты маршрутов и способов проникновения в тыл противника. И тут Маракуша озадачил Лебедева. Он хоть и почтительно, но независимо высказывал свои хорошо продуманные соображения. Когда он успел их обдумать? А это сказывались беседы – проверки младшего лейтенанта Матюхина. Тогда, в спокойные часы, Матюхин был уверен, что капитан проверяет его потому, что недолюбливает. А на самом деле Маракуша на нем проверял собственные мысли и соображения.

– Однако все зависит от задачи, – озабоченно вздохнул Лебедев. – А ее все еще придерживают.

– Раз вызвали меня, значит...

Лебедев сделал вид, что не оценил это резонное замечание. Он и сам чувствовал, что события приближаются. Но

сказать Маракуше о том, что сам не столько знал, сколько ощущал, что не все еще ясно вверху, не мог. И он спросил:

– А на кого оставил роту?

– И заместитель по политчасти хороший, да и... молодым нужно приучаться.

– Но ведь у тебя из опытных только Матюхин.

– Матюхин, сами говорите, пойдет... Так что придется вводить в деле пополнение. Командир первого взвода – парень неплохой, из сержантов. В начале войны командовал взводом, в окружении брал на себя и роту. Кончал курсы.

Они не спешили расставаться, Маракуша впервые попал в штаб и своим гибким, зорким умом уже схватил главное: покрутиться ему придется. Это не ротное хозяйство. И ему хотелось подольше побыть с майором, чтобы узнать от него мелкие и мельчайшие особенности предстоящей службы, а заодно и перенять стиль и работы, и мышления.

Лебедеву тоже не хотелось отпускать капитана. Через него он опять приобщался к своему делу, втягивался в него, а значит, и в строй.

Так они обсуждали еще кое-какие детали предстоящих операций, поведение противника и оба не без удивления отметили, что к штабу госпиталя подкатили сразу две штабные машины и из них высыпали чрезвычайно озабоченные, деловито-быстрые штабные медики во главе с начальником санитарной службы. Из штаба сейчас же выпорхнули рассыльные, и майор с капитаном переглянулись.

– Похоже, что-то стряслось, – отметил Лебедев. – Видимо, начнут подтягивать.

Оба старые, кадровые офицеры, они хорошо знали, что стоит за этим словечком «подтягивать», и потому майор Лебедев предложил:

– Давай-ка возвращайся. Начальство любит в подчиненных верхнее чутье. Чтобы каждый не только сам разбирался в обстановке, но еще и начальству подсказывал.

Маракуша поехал в разведотдел. Лебедев проводил его взглядом и понял, что с непривычки он устал, что позвонки еще побаливают и рана под бинтом не только чешется по краям, но и ноет. Но все это уже терпимо. Он действительно выздоравливал.

Матюхин и его разведчики тоже не знали о всем том, чем живет армия, и потому, отоспавшись, начали томиться и роптать: хотелось есть, а кормить их тут было некому. Конечно, у старых солдат Грудинина и Сутоцкого в сидорах запасец имелся: консервы, сухари, сахар. Но ни с чем солдат не расстается с такой неохотой, как с привычным оружием и «зачаченным» запасом... У «салажонка» Шарафутдинова в вещмешке оттягивал плечи только третий запасной автоматный диск, выменянный у проходившего мимо раненого солдата. А у Матюхина и подавно ничего не было.

Меньше всех ворчал Гафур Шарафутдинов. Он впервые попал в крупный штаб. Обилие офицеров – чистеньких, подтянутых и страшно озабоченных – смутило и подавило его.

Он даже на сержантов и рядовых смотрел несколько заискивающе – такие они были стройные, строгие и парадно-чистые. Уже усвоивший первую заповедь разведчика – уметь видеть и запоминать, – Гафур даже подсчитал, что всей этой массы красивых и, видимо, умных людей хватило бы на батальон. А может, и на два. И это его не огорчило, а, наоборот, успокоило: есть кому думать и о нем. Потому он и не сомневался, что в свое время найдется тот, кто о нем позаботится и покормит.

И Гафур не ошибся. К сараю подскочил подпорченный пулями диверсантов «виллис» Лебедева, и шофер приказал разведчикам погрузиться, а затем отвез их к офицерской столовой.

Разведчиков кормили в маленьком закутке, именуемом генеральской комнатой, потому что именно в ней кормили заезжих, не слишком важных генералов и полковников. Важные питались па дому у тех, к кому они приехали. Кормили с душой, то есть много и жирно: на складах что для генералов, что для рядовых имелись одни и те же продукты. Старшая официантка признала в сдержанном, пожилом Грудинине главного и предложила водки.

– Нет, ни в коем случае, – слишком поспешно ответил Матюхин, и эта поспешность не понравилась.

А уж после этого не нравилось все: и ночной выезд, и безделье, и даже жаркий, но несколько пряный в преддверии увядания августовский день. И даже то, что Матюхину так и

не дали поехать как следует, а вызвали к начальству, тоже не понравилось: одно к одному, не так, как всегда.

Только Гафуру все нравилось и все вызывало острый интерес.

Полковник Петров встретил младшего лейтенанта Матюхина хмуро.

– К выполнению задания готовы?

Андрея несколько покорибила насупленность полковника, его тон, и, наверное, поэтому он ответил несколько отчужденно:

– В зависимости от задачи.

– То есть как это в зависимости?.. Разведчик обязан всегда находиться в полной боевой.

Не те слова... Не те... Пусть правильные, но не те и не так сказанные. И Андрей отвел взгляд и промолчал.

Полковник Петров был слишком занят в эти часы, чтобы уловить настроение младшего лейтенанта, понять, что не так бы следовало его встретить. Матюхин был всего лишь один из нескольких, кто в эти дни уйдет или попытается уйти за линию фронта, и потому вдаваться в тонкости настроений и отношений полковнику было просто некогда. И все-таки он почувствовал, что взял не тот тон и не так встретил младшего лейтенанта.

– Садитесь, – не предложил, а еще приказал он и некоторое время молчал, чтобы выгадать время для внутреннего

перенастрою.

И когда Матюхин уселся, стараясь не смотреть на стол с документами и картами, Петров справился с собой. Его широкое лицо расправилось, и даже лысинка заблестела мягче, доброжелательней.

– Нам стало известно, что сегодня ночью задержанные шпионы собирались прорываться вот здесь. – Петров показал на карте место прорыва, и Матюхин, нагибаясь к карте, подумал: «Нам-то это давно известно». – Очевидно, сегодня ночью противник попытается вклиниться в нашу оборону, – Матюхин слушал полковника, разбираясь в карте, и наконец узнал ту самую лощинку, по которой он ползал накануне, – и пропустить через себя шпионов. Позднее противник, может быть, отойдет, а может быть, и попытается закрепиться. Но так или иначе может завязаться бой. Уяснили обстановку?

– Так точно. Но закрепиться ему будет трудно – над лощиной...

– Сейчас не в этом дело. Кому нужно – занимается этим вопросом. Нам важно уяснить следующее. Если противнику удастся достигнуть нашей обороны и даже вклиниться в нее, то несколько смелых разведчиков могут воспользоваться сложностью ночного боя и просочиться через линию обороны противника. Как вы на это смотрите?

– Вариант возможный. Следовало бы только заранее выдвинуться вперед, замаскироваться и пропустить противника через себя.

– Думаете, это реально?

– Я знаю эту лощину. Бурьян сейчас высокий, кое-где есть кустарники... так что можно, если... если своя артиллерия не накроет.

– Может быть, вы сейчас же съездите к лощине и подберете место?

– Опасно, товарищ полковник. Подходы неважные. Рисковать следует только один раз.

– Понятно. Вот к этой задаче вы лично готовы?

– К переходу – да. Думал. А что выполнять на той стороне?

Петров замялся только на мгновение: не мог же он сказать младшему лейтенанту, что без командующего он не может уточнить задачу. А командующий еще не приезжал. В иной обстановке, при другом стечении обстоятельств полковник никогда бы не позволил себе спешить. Но внезапно родившаяся идея – перебросить своих как бы вместо немецких разведчиков – требовала быстрых решений. Петров понимал Матюхина – от задачи в тылу зависит и снаряжение, и тактика действий, и многое другое. Но ведь придет задача, придет... К вечеру все станет понятным. Как только вернется командарм.

Полковник встретился взглядом с Матюхиным. Ему понравился прямой взгляд темно-серых маленьких, глубоко сидящих глаз младшего лейтенанта. Они не забежали, не уклонились. По-видимому, характер твердый и решитель-

ный. И лицо у младшего лейтенанта тоже понравилось полковнику – худощавое, с крепкими «плитами»-скулами, прямым носом с нервными, тонкими ноздрями. Подбородок скорее квадратный, чем овальный, но не тяжелый. Обычно такие подбородки бывают у людей с сильной волей, но не упрямых, а гибких, умеющих изменять тактику в зависимости от обстоятельств.

– Задачу уточним к вечеру. Сейчас возьмите карту, посоветуйтесь с группой, а часа через... три явитесь ко мне.

– Слушаюсь! – Матюхин вскочил, взял карту и, уже направляясь к двери, подумал: «Все что-то не так... Несерьезно...»

Полковник посмотрел ему вслед и заметил, что младший лейтенант не слишком уверенно ставит ногу.

– Товарищ младший лейтенант! – Матюхин остановился и резко, по-уставному повернулся лицом к полковнику: среднего роста, с хорошо развитыми плечами, напряженно стройный и подтянутый. – Вы ведь были ранены?

– Так точно.

– Нога?

– И нога.

– Не будет ли вам..., трудно? Ведь переходы предстоят тяжкие.

– Не думаю, товарищ полковник. На занятиях проверился.

– Ну хорошо. Посмотрим.

Начальственный баритон полковника прозвучал на этот раз не так уверенно, как всегда. И это тоже не понравилось Матюхину.

– Идите, – сказал полковник и задумался: младший лейтенант вызывал двойственное отношение. Самостоятельность? Да... Но не переходит ли она в самоуверенность? Да и молод... Очень молод. И в то же время в его прямолинейности есть подкупающая откровенность. Честность юности.

Полковник Петров подумал, что в иной обстановке он бы побеседовал и с другими возможными кандидатами на этот необычный и достаточно рискованный переход линии фронта, но сегодня нет времени. Проверить другие разведгруппы поехал капитан Маракуша.

«Экая жалость – нет Лебедева...» – подумал Петров и привычным усилием воли переключился на другие дела.

Разведчики сразу по слишком стремительной походке Матюхина определили, что младший лейтенант идет с заданием, и поднялись ему навстречу.

– Вольно, – скомандовал Андрей. – Приземляйтесь.

Он первый улегся на пыльную жесткую траву в тени полуразбитого сараюшки и развернул карту.

– Задание такое. Надо перейти линию фронта с задачей, которая будет уточнена позже. Переходить предстоит вот здесь, ночью. Обстановка: ожидается вклинение противника в нашу оборону. Значит, нужно пропустить его через себя и, пока он будет воевать, продвинуться как можно дальше в

его тыл.

В сущности, Матюхин впервые в жизни ставил боевую задачу и вдруг понял, что слова у него ложатся не так, как хотелось бы. Он не все понимал сам, и потому слов ему не хватало.

Разведчики молчали. Гафур искоса посматривал на старших я грыз травинку. Как пропустить противника через себя, он не представлял, и это очень его смущало. Грудинин тихонько гладил снайперскую винтовку, словно полировал цевье. И только Сутоцкий сразу высказал свое мнение:

– Лажа.

– Это почему?

– А потому, что я этот участок знаю – голый, как лысина. Окапываться? Что ж фрицы, тумаки, не заметят?

– Нет, старшина, там есть и кустарник, и, главное, заросли бурьяна. В них можно замаскироваться.

– Если фрицы и в самом деле собираются вклиниться, так что же они не вышлют в эти самые бурьяны и кусты своих разведчиков? Да и саперы ихние тоже не дураки – разминируют проходы, а отходить будут как раз до кустов. А в ходе их вклинения командные да и наблюдательные пункты опять-таки там же расположатся – каждому хочется хоть маленькое, а иметь укрытие. Уж если пользоваться этой заварушкой, так надо маскироваться правее или левее, а потом в ходе боя выходить на прямую. И потом – куда выходить?

Что ж... Сутоцкий прав. Даже в том, что нужно было бы

знать, куда выходить. От этого зависит и место перехода, и дальнейший маршрут. Но задачи еще не было, и Матюхин промолчал.

– И еще. Если наши знают, что фрицы пойдут в наступление только на этом участке, так они должны знать, зачем они пойдут. Ну... если и не знать, так хоть предполагать, чего фрицам потребовалось.

– А нам что за дело? – уже сердито спросил Андрей, его злила собственная беспомощность: сказать, почему противник готовит вклинение, значит, рассказать и о захвате разведчиков противника. А ведь нужно идти в тыл. Нести с собой и эту тайну?

– А нам это затем, чтобы знать, как себя вести, – отрезал Николай, и по тому, как перевел дыхание Грудинин, как потупился Гафур, Матюхин понял: они согласны с Николаем Сутоцким. – И от нас, младший лейтенант, лучше уж не скрывать – и так понимаем: фрицы будут открывать коридор своим разведчикам. Тем, которых сегодня ночью взяли и одного мимо Нас водили.

«Вот так – колеблешься, бережешь тайну, а солдатский телефон все уже размотал, – с горькой усмешкой подумал Андрей. – Да и как не размотать, если все на виду, а мои ребята – разведчики. И видят, и слышат, и выводы умеют делать».

– Такой вариант возможен, но что ты предлагаешь?

– А я не предлагаю... пока. Я думаю. Вслух. Раз фрицы

будут ждать своих, они же к каждому, кто в их тыл подастся, с особым вниманием отнесутся. Чем мы на их внимание ответим? Очередью? Значит, нужно будет поговорить. А у нас разговорчивых двое – вы да Гафур. А мы с Грудининым – молчуны... в этом случае.

– Среди немецких разведчиков один русский... – хмуро уточнил Андрей, словно заново переживая и встречу со шпионом, и собственное к нему отношение.

– Это легче. Вот тут уже кое-что проясняется: действовать придется парами. Ты, допустим, с Грудининым, а я с Шарфутдиновым. Можно и отбрехаться. Но только нужно знать, к кому идем, какой у них пароль и все такое прочее.

Потому, что Сутоцкий рассуждал слегка иронически, на предстоящий поход неволью накладывалась тень несерьезности: «Придумают черт те что, а нам расхлебывай». Никто, конечно, не думал такими словами, но ощущение создавалось именно такое. А потому, что Андрей не слишком уверенно возражал Николаю, стараясь обойти неясные ему самому стороны дела, ощущение это крепло, и выполнение боевой задачи казалось если не невозможным, то уж, во всяком случае, неоправданно усложненным.

Они лежали на жесткой траве, курили, иногда спорили, медленно, с трудом отбирая детали предстоящих действий. И никто, конечно, не представлял себе, что на другом конце села несколько старших офицеров, так же как и они, колдуют над такой же картой, и так же спорят, и так же иронически

относятся к собственным предположениям. И в этих спорах все время незримо присутствуют вот эти четыре разведчика.

Все ждали командарма. Что он привезет из штаба фронта?

Командарм приехал к обеду. Он знал об этом всеобщем ожидании и, как опытный военачальник, отлично понимал, что о предстоящих событиях и его отношении к ним будут судить не только по его приказам и распоряжениям, но и по мельчайшим деталям его поведения.

Должно быть, поэтому командарм сразу же проехал в столовую, хотя чаще всего обедал дома, и попросил перекусить, а от обеда отказался. «Перекусывал» он не слишком плотно – холодной окрошкой. Потом не проехал, а прошел к своему дому. Все это должно было показать, что у него, а значит, и у армии все в порядке, но предстоит большая работа, однако не такая уж спешная, чтобы не позволить себе истратить несколько лишних минут на прогулку после утомительной поездки.

В доме его ждали начальник штаба и генерал Добровольский, а в кухоньке, заменявшей приемную, вместе с несколькими артиллерийскими офицерами ожидал и начальник артиллерии армии.

Вскоре подошли и другие штабные офицеры. Работники оперативного отдела доложили несколько вариантов отражения вражескою вклинения, и командарм выслушал их с одинаковым вниманием. Оттого что в закрытые окна било солнце, а народа набилось немало, стало жарко, и командарм

позволил себе маленькую вольность – расстегнул крючки и верхние пуговицы кителя. От этого он стал проще, доступней и, пожалуй, домашней – большой, с крутым высоким лбом, с уже рыхловатым, нездоровым лицом. Набухшие от жары кисти рук раздалились и стали белее, словно бы мягче, приветливей. От всего этого как-то незаметно стала исчезать нервозность, ожидание чего-то невероятного, что родилось в часы отсутствия командарма.

– Ну те-ка повторите последний вариант, – попросил командарм и переглянулся с генералом Добровольским, приглашая, его как следует оценить предложение оперативников.

Начальник оперативного отдела – невзрачный полковник с грустными темными глазами навывкате – заговорил неожиданно глухим, рокочущим баском:

– Последний вариант, пожалуй, наиболее прост. Прежде всего никаких мер непосредственно на передовой не принимать – все оставить по-прежнему, чтобы не испугнуть противника. Затем дать ему возможность втянуться в лощину и накрыть дивизионом «катюш». Последние необходимо выдвинуть вот на эту полянку. На случай, если атака противника окажется достаточно результативной, справа и слева от лощины сосредоточить пехотные резервы, с тем чтобы они перекрыли распространение противника в глубину и в последующем с помощью подошедших танков контратаковали и отбросили противника...

– Не отбросили, а уничтожили, – жестко поправил командарм. – Сил для этого у нас вполне достаточно.

– Так точно, уничтожили. Для того чтобы не позволить противнику распространяться, предусматривается артиллерийское окаймление лощины. Особого плана на этот случай не составляли, так как окаймление предусматривалось и прежде. Если залп «катюш» даст нужные результаты, восстановление положения возложить на стрелковые дивизии в обычном порядке. И у одной и у другой дивизии, по их планам, на стыках есть резервы.

– Ну что ж... Это мне нравится. И не слишком шумно, и... солидно. Только вот что – предупредите и артиллеристов, и особенно реактивщиков насчет точности. Разброс снарядов должен быть исключен. Особенно в глубину. Не дальше пятидесяти метров за нашей обороной. Подчеркиваю – это особенно важно. И еще. Свяжитесь с авиацией. После залпа «катюш» они поднимут легкие бомбардировщики и нанесут удар по всем занятым противником деревьям в этом районе. Артиллерии, кроме окаймления, поставьте задачу, – после залпа «катюш»... примерно минут через пятнадцать... как будто они только проснулись, произвести короткие перемежающиеся огневые налеты на передний край противника в районе лощины, но ни в коем случае не по самой лощине. Понятно? Сама лощина должна быть свободна от артогня.

– Чтобы дать противнику откатиться?

– Остаткам противника, я надеюсь. А с ними справятся и

резервы дивизий – они же будут восстанавливать положение. Иначе все перепутаем.

Начальник оперативного отдела критически осмотрел карту и словно нехотя согласился:

– Пожалуй... Усложнять задачу и, следовательно, управление не следует.

– Ну вот и заметано, – кивнул командарм и спросил: – Полковник Петров здесь?

– Так точно, – выдвинулся вперед Петров.

– Такой вариант устраивает? – Так точно.

– Вызывай группу, ставь задачу... Нет. Задачу поставлю сам.

– Слушаюсь, – козырнул Петров и круто, может быть, слишком бойко для своих лет и своей излишне плотной комплекции повернулся. Он тоже все эти часы жил ожиданием особых событий, но не мог позволить ослабить нервное напряжение: для него начинались самые горячие дни. Командарм остановил его.

– Как с Лебедевым? Не поправился?

Полковник опять развернулся и доложил:

– Вместо майора Лебедева вызвал капитана Маракушу, который выехал в часть для подготовки групп.

– Это хорошо... А вот Лебедев... Трудно вам будет без него... Узнайте и доложите.

– Слушаюсь.

Командарм отдал еще несколько распоряжений, выслу-

шал еще несколько докладов и, когда в комнате остались только генерал Добровольский и начальник штаба, сказал:

– Верховный приказал готовиться к наступлению в общем направлении на С. Фронту подбрасывают танки.

– Разбогатели, – усмехнулся Добровольский. – И на юге ведем наступление, и нам подбрасывают, а не берут, как раньше.

– Да. И, возможно, подбросят авиации. Снаряды будут. Наш план утвержден, но приказано не зарываться – побаиваются эсэсовской дивизии. Это, как ни крути, сила.

– Как дела на юге? – спросил начальник штаба.

– Пока продираются. Противник вводит резервы.

– Хорошо бы... – начальник штаба не договорил, но командарм отлично его понял: слишком много раз они проигрывали на карте различные варианты будущего наступления.

– Уж куда лучше! Но как сделать, чтобы заставить их перебросить эсэсовцев на юг?

– Доказать, что они здесь не требуются? – усмехнулся Добровольский.

– Понимаешь, в чем трудность? В мере. Возьмешь сверх меры и докажешь, что мы тут слабенькие, – противник как раз и бросит ее в бой против нас, чтобы оттянуть наши резервы от юга. Докажешь, что сильные, он опять же оставит дивизию.

– И что же предпримем?

– Соберем Военный совет и посоветуемся, как ввести про-

тивника в заблуждение... в меру. В самую меру! Так, чтобы он поверил: мы, конечно, достаточно сильны, чтобы отразить любой удар, но все еще слабенькие, чтобы наступать самим. И делать все это нужно быстро. Судя по некоторым данным и ориентировкам, дня через три на юге наступит перелом. Я знаю те места и думаю, что вскоре у противника не останется рубежей, на которых он мог бы организовать серьезную оборону. Значит, может начаться общий отход. В этих условиях потребуются резервы. Недаром нам дана всего неделя на подготовку. Вверху, по-видимому, тоже на это рассчитывают. Значит можно надеяться, что через три – пять дней эсэсовцы либо уйдут на погрузку, либо начнут движение к линии фронта – к этому времени скрыть подготовку к наступлению по всему нашему фронту мы, естественно, не сможем. Вот почему одной из основных задач разведки становится слежка за главным резервом на этом участке – танкистами-эсэсовцами.

Разведчики Матюхина прибыли к дому командарма через полчаса. Когда их проводили через сенцы, все четверо сутулились – хотелось стать тоньше и ниже, чтобы, не дай бог, чего-нибудь не задеть.

В светлой комнате перед длинным столом, за которым сидели двое пожилых, в понимании разведчиков, военных (поначалу от волнения ребята не разобрались, кто они по званию), а какой-то невысокий, поджарый генерал стоял у окна, напряжение стало просто невыносимым. Но военный в рас-

стегнутом кителе неторопливо застегнул пуговицы, вздернув строптиво и властно подбородок, поднялся во весь свой немалый рост и улыбнулся.

Улыбка показалась хорошей, доброжелательной и сдержанной. Командарм вышел из-за стола и стал пожимать руки каждому. Это и вовсе расслабило ребят, сняло нервное напряжение.

– Задача, товарищи, такая: проникнуть в тыл врага – как и где, уточните позже с полковником Петровым – и там не сводить глаз с эсэсовцев. Подойдите к столу. – Командарм показал на карту, – Они вот здесь. Целая танковая дивизия. Что нам от вас нужно? Ни в какой бой не вступать, сидеть или ползать смиреннько и следить, как ведут себя эсэсовцы. Если они двинутся к железной дороге – вот к этой, – дать знать. Если они начнут выдвигаться по одной из этих дорог к фронту – тоже дать знать. Каким образом? Опять-таки договоритесь с полковником. Думается, рации вам не потребуются. За рациями противник очень уж охотится. Если в момент вашего пребывания в тылу начнутся большие бои, действовать по своему усмотрению: либо выходить к своим, либо отходить к партизанам – уточните особо. Но мне важно главное – следить за эсэсовцами. Ради этого я вас и посылаю. Понимаете, насколько это серьезно, если задачу ставлю лично?

Трое кивнули, и только Гафур вытянулся и громко доложил:

– Так точно, товарищ генерал.

Командующий с легкой улыбкой посмотрел на Гафура, потом внимательно оглядел остальных и тут только увидел, что в руках у Грудинина снайперская винтовка.

– Снайпер? – потянулся он к оружию.

– Так точно! – передавая винтовку генералу, ответил Грудинин.

– Боевой счет имеее?

– Так точно! Семнадцать.

– Снайпер – и в тыл. Зачем?

– Считаю, что при добыче разведданных, например, из легковых машин он незаменим. Кроме того, снайпер всегда отличный наблюдатель, – бледнея от напряжения и потому становясь еще моложе, ответил Матюхин.

– Мм... Я таких вариантов не слышал, но... в этом кое-что есть. Да и в случае преследования противником снайпер тоже может выручить. – Командарм круто повернулся и спросил у Добровольского: – Мы собирались рискнуть с насадками. Может быть, это тот случай?

– Если не считать способа перехода линии фронта, то как раз тот.

– Ну, переход, он всегда... чреват. Что ж, товарищи, задача ясна? Следить за эсэсовцами!

Теперь ответил Матюхин:

– Так точно. Ясна.

– Вы, младший лейтенант, и вы, – командарм указал на

Грудинина, – останьтесь. Остальные свободны.

Сутоцкий с Шарафутдиновым вышли, а командарм обратился к Матюхину:

– Дело в том, товарищ младший лейтенант, что советские ученые преподнесли нам интересное изобретение – насадки на винтовки, которые позволяют стрелять бесшумно. Точнее, почти бесшумно. Правда, дальнобойность винтовки несколько снижается, но она у нее такая, что это, думается, не повредит. Дали несколько таких насадок и нам. И если мы их вручим вам, можем ли мы быть уверенными, что они не попадут к противнику?

– Сделаем все возможное... Но... надо посмотреть...

– Посмотрите и попробуйте. Но помните: до выполнения основной задачи применять насадку только в крайнем случае. Если насадки покажет себя хорошо, можете поднимать у фашистов панику. Отводить душу и увеличивать счет. Но пока не выполните основного задания, будьте очень осторожны. Сейчас я дам вам машину, поедете на оружейный склад, получите насадки, опробуете их, ознакомитесь с инструкцией – и ни пуха вам, ни пера.

– К черту! – очень серьезно сказал Грудинин, и никто не улыбнулся.

Они собрались вместе перед вечером. Матюхин и Грудинин устали после испытаний насадки: чем-то похожая на ребристый дульный тормоз, она гасила звук выстрела, оста-

вался только глухой хлопок, и это им понравилось, но в то же время их придавила ответственность за судьбу этих самых насадок. Сутоцкий и Шарафутдинов были раздражены неожиданно свалившимися хлопотами – они получали ракетницы с запасом ракет, продукты и боеприпасы, – а главное, неизвестностью.

Вероятно, поэтому встреча получилась не слишком доброй, и ощущение спешки, недоделанности усилилось. Матюхин почти сейчас же ушел к Петрову получать новые инструкции, а разведчики остались разбирать имущество.

– Тебя зачем вызывали? – хмуро и, пожалуй, ревниво спросил Сутоцкий у Грудинина.

– Тебе честно или соврать?

– А чего ж ты сразу на «ты». Я ведь все-таки старшина.

– Так ведь и я рядовой. И тебя постарше.

Сутоцкий долго смотрел в маленькие острые глазки Грудинина.

– Ладно. Говори правду.

– А правда в том, что правду сказать не имею права. Придет время, скажу и расскажу, как от такого молчания мне погано.

Сутоцкий опять посмотрел на Грудинина, усмехнулся и отвернулся к Шарафутдинову.

– Вот так вот, Гафур... Мы с тобой уже перешли во второй сорт. Что ж... приказ есть приказ. Поработаем с тобой в прикрытии. В группе обеспечения, так сказать.

Матюхин застал их, хмурых и разобщенных, за банкой тушенки. Сутоцкий подвинулся и кивнул:

– Садись. Лишняя оказалась.

– Рассиживаться некогда, сейчас на передовую. Слушай задачу. Выдвинемся в сумерках на фланге нашей дивизии. Действовать парами. Сутоцкий в паре с Шарафутдиновым. Естественно, старшина старший. Двигаться вначале уступом влево, впереди Сутоцкий. Потом, когда пойдем в тыл, – в затылок. – Матюхин развернул карту. – Сигналы уточнены. В двадцать четыре и в три часа по две ракеты. Если эсэсовцы на месте – через день. Вначале зеленую, потом – красную. Если они начнут движение на погрузку – каждый день: вначале красную, потом зеленую. Понятно? Наоборот! Если что-либо не удастся – пробиваться к партизанам. Они предупреждены. Вот сюда, – Матюхин показал место на карте. – Может случиться, что сидеть придется долго и не хватит боеприпасов или продуктов, а может, ракеты потеряем или они отсыреют – все может быть. Связь и снабжение опять-таки через партизан. Но лучше всего к ним не подаваться – далеко. Ну, что еще?.. Пожалуй, все. Предупреждаю о главном: в тылу прежде всего охранять Грудинина. Если что случится со мной – старший Сутоцкий. Если с ним – Грудинин. При всех случаях задачу выполнять. Хоть в одиночку. Вот теперь все. Проверим часы и компас.

Потом уложили имущество в вещмешки. Они получились громоздкими. Часть сухарей выбросили, но оставили все са-

ло и сахар. А две банки тушенки уложили так, чтобы при нужде сразу же выбросить. Ножи сняли с поясов и приспособили за голенища. Попрыгали, проверяя пригонку снаряжения: не бренчит ли что. Поклацали автоматами. Все вроде было в порядке.

В сумерках на машине их доставили прямо в полк, а уж оттуда с провожатым добрались до переднего края и долго шли траншеями за полковым офицером разведки. Матюхин его не знал, а Сутоцкий уже имел с ним дело и потому быстро установил контакт.

– Фрицы помалкивают, – сказал офицер, – но шумок и звон оружия засекали. А главное, артпристрелка была. Остальное услышите сами.

Они остановились там, где склон высоты, закругляясь, полого спускался к ложнине. Тут их ждали саперы. Прошли в дзот и объяснили обстановку.

Оказывается, минное поле находилось как раз перед дзотом.

– Влево, во-он до тех кусточков. Там проход. И в проволоке проход, хоть она и в два кола: нижние нити не закреплены – отведете, и можно пролезть.

– Обратно, что ли, пролазить? – недовольно спросил Сутоцкий.

– Ну да... На случай, если придется возвращаться. А сейчас мы вам свеженькие проходы сделаем. Вы пройдете, мы их закроем – потому и предупреждаем.

– А у немцев где минные поля?

– Противотанковые – перед всей ложиной. Но они вам не страшны. А вот уж за ними – противопехотные. Проходы метров в двадцати у них по скату. Как только начнется заварушка, следите за этим дзотом. Пулеметчики трассами покажут границу. Там и двигайтесь. Да и по фрицевским следам можно.

– А если они разобьют дзот прямой наводкой?

– Вот на тот случай и показываю: видите – во-он бугорок? Вот это граница прохода справа. Ну а слева сами догадаетесь. Имейте в виду, мины у них здесь по всему переднему краю прыгающие, на двух растяжках. Значит, когда поползете, одной рукой все время шарьте. Как на проволочку нападете...

– Знаем, – буркнул Сутоцкий. – Как нашарим ту проволочку, так и в воздух.

– Зачем? Мы ведь так же ищем. – Столько наивного удивления прозвучало в вопросе сапера, что Матюхин только сейчас заметил, что сапер – совсем молодой паренек, лет девятнадцати. Осматривая его, Андрей увидел смятые офицерские погоны младший лейтенант.

И вдруг очень захотелось, чтобы сапер оказался пожилым обстоятельным. На такого больше надежды...

– Ну вот и все, – смущенно закончил младший лейтенант. – Вопросы будут?

– Укрытия на ничейной есть? – спросил Сутоцкий.

– Нет. Голо. Но бурьян высокий. Так что маскировка на-

дежная. Еще есть вопросы?

Вопросов больше не было, и сапер сказал:

– Ну что ж... Выходите в траншею... Хотя лучше посидите здесь, покурите, а мы поползем.

И он вышел из дзота – хрупкий, маленький младший лейтенант.

Разведчики положили свои сидоры, закурили и присели прямо на пол. Притихшие пулеметчики, деликатно покашляв, подошли к амбразуре. Тот, что был пошире в плечах, перебрал ленту в коробке, проверил, как она заправлена. Высокий и худой пулеметчик приник к амбразуре, закрывая собой большую ее часть.

Над немецкой стороной постепенно мерк и отодвигался закат. Передовая просыпалась – амбразуру осветил желтовато-ядовитый свет далекой ракеты.

– Слышь, Андрей, пароль немецкий узнал? – спросил Сутоцкий.

– Нет. Старший у них убит, а эти не знают.

– Хуже...

Сутоцкий все время словно контролирует командира, отметил про себя Матюхин, и вдруг вспомнил, что выдвигаться на ничейку уступом через минное поле не удастся. Он хотел было изменить свой приказ, но решил, что он все-таки правилен: после минного поля двигаться придется уступом.

Они сидели молча. Грудинин стал скручивать новую сигарку, но Николай положил руку на кисет:

– Не нужно, старый, береги сердце.

Грудинин покорно спрятал кiset, поерзал и, прикрыв глаза, откинулся на прохладную стенку дзота.

Время как бы остановилось, зрения не требовалось. Зато напрягся слух. То справа, то слева ворковали пулеметы, и где-то глухо ударил пушечный выстрел. Но это было так привычно, что никто не обратил на него внимания. Слух искал каких-то особых шумных звуков. Каких именно, никто не знал, но каждый наверняка бы отличил их в любой сумятице.

Они дождались этих звуков – говор, торопливые шаги.

Из-за двери послышался голос:

– Полный порядок. Выходи строиться.

«Нашел время острить», – сердито подумал Андрей и медленно стал подниматься. Они опять попрыгали, проверяя снаряжение, и не спеша стали выходить из дзота. Молчаливые пулеметчики смотрели им вслед большими, по-птичьи округлившимися глазами. Гафур приостановился на пороге и вежливо попрощался:

– До свидания.

Ему никто не ответил, и это показалось плохим предзнаменованием. Все, что накопилось в этот суматошный, трудный день, возникло вновь и окрепло. Предстоящее казалось если и не безнадежным, то бесконечно трудным, и каждый страстным усилием воли заставлял себя не волноваться, думать, что все обойдется, если, конечно, он не промажет.

В этом состоянии страстно стиснутой воли они вывалились один за другим за бруствер и поползли за неизвестным сапером, лица которого так никто и не рассмотрел.

Военный совет кончился, его решения оформлялись в приказы. Самую большую работу предстояло провести саперам и транспортникам. Они должны были обеспечить широкую маскировку и дезинформацию противника, начиная с не такого уж сложного мероприятия, как демонстративная оттяжка ненужных подвод и автомашин в тыл. Все равно через несколько дней эти же подводы и эти же автомашины повезут к передовой снаряды и продукты.

Потом начались радиоигры – умышленные радиопереговоры, из которых умный противник мог понять, что какие-то части готовятся к погрузке. Для подтверждения этих «разгаданных» тайн с передовой действительно стали отходить целые подразделения: ночью их меняли безмолвные, отдохнувшие в тылу подразделения тех же соединений. Саперы строили макеты танков, навешивая их на тракторы, которые потарахтели к ближайшей погрузочной станции...

Но все это случилось позже, а в тот вечер только дивизион «катюш» несколько необычно выдвигался по тщательно подготовленной лесной дороге на указанную ему полянку: машины шли попарно – одна тянула на буксире другую. Чтобы заглушить шум моторов, дежурные подразделения открыли отчаянную пулеметную стрельбу, а артиллеристы затеяли

контрбатареиную борьбу. Она немедленно переросла в дуэль: артиллеристы противника не могли смолчать, и некоторое время над передовой перекатывались шелковистые шелесты снарядов, а в глубине оборон полыхали огни выстрелов и разрывов.

«Катюши» уже стали на место и приняли боевой порядок, а артиллеристы все еще вели огонь, словно радуясь, что после долгого молчания – сэкономили снаряды – могут отыгаться на противнике.

К полуночи все стихло настолько, насколько вообще стихает ночная передовая: то там, то здесь вспыхивали перестрелки, в воздух взлетали сигнальные и осветительные ракеты, где-то играла музыка и даже слышалась песня.

Разведчики минули минное поле, и младший лейтенант сапер ласково тронул каждого за плечо, словно, провожая, жалел, что он остается, а они уходят...

Вот это доброе, чуть робкое, по-хорошему завистливое расположение безмолвного на ничейной полосе молоденького саперного офицера взломало убежденность, что все идет не так, как нужно. Если им завидуют, если их провожают с такой добротой, значит, еще не все потеряно.

А тут еще густой задеревенелый бурьян ничейки оказался так высок и густ, что можно было не ползти, а семенить на четвереньках или идти согнувшись. Отсюда, снизу, довольно четко просматривался и проход в немецких минных полях: стена бурьянов на фоне светлого неба в проходе каза-

лась ровной, а на минных полях – выщербленной. Противник ставил мины летом, торопливо, подрезая травяные корни, и над минами трава так и не выросла.

Продвигаться далеко не хотелось – еще неизвестно, как сложится обстановка, но Андрей Матюхин все-таки прошел метров на сто дальше предполагаемого вначале места.

Конечно, ребята сразу заметили это отклонение от намеченного плана и подумали, что у командира есть какие-то особые тому основания. Ведь каждый понимал, что чем ближе они подберутся к позициям, тем больше надежд на то, что противник не наткнется на них при выдвигании, тем быстрее можно будет преодолеть передовую и тем меньше опасность попасть под разрывы своих снарядов. И хотя Матюхин поступил так скорее по инстинкту разведчика, лишь потом обдумав и обосновав решение, оно тоже ударило по убежденности, будто все идет не так, как надо. Командир, видно, знает нечто важное. На то он и командир...

Здесь, в горьковато и пряно пахнущих зарослях, в настороженной тишине, исчезала страстная напряженность и обострялись чувства. Слух уже приноровился отсортировывать – отбрасывать перестрелку и разрывы, музыку и шумок ветерка, а ^лавливать шорох бурьянов, тонкое позвякивание консервных банок, развешанных, как бубенчики, на невидимых проволочных заграждениях противника, и, наконец, даже костяной размеренный стучок жучиных лапок по крепкому, налитому листу.

С этой минуты слияния с тишиной, обострения всех чувств до почти звериной чуткости и кончились связи с тем, что они оставили в траншеях, за уже аккуратно восстановленным безмолвными саперами минным полем. Все это отрезалось, ушло в прошлое вместе с сомнениями, предчувствиями, страстями и напряжением. Теперь каждый стал сам собой, обнажив свою главную человеческую сущность, и вместе с тем каждый словно слился со всеми. Они уже не только понимали, а ощущали друг друга. Общие мысли, общие решения, общие рефлексы не казались чем-то удивительным. Они были закономерны, потому что всех связывала одна задача, одна опасность и примерно равный уровень боевой подготовки и боевого опыта.

Без команды они сняли пилотки – каски они оставили, чтоб не звенели, – и натыкали за их отвороты траву, без команды стали расползаться на стороны и без команды определили и дистанцию этого безмолвного расползания, и ту единственно правильную позицию, с которой удобней всего прикрыть огнем товарищей. Окопчиков не отрывали, а телом нащупали старые минные воронки, оплывшие, мелкие, или просто выемки на почве и, осторожно поерзав, вдавились в землю. Тихонько, подрезая ножами стебли, проделали узкие проходы-амбразурки в стене бурьяна. Через эти амбразурки и наблюдали за скатами занятых противником высот, но самой лощины не видели. Они только слушали ее.

Но до них доносился только монотонный, размеренный и

раньше не замечаемый треск кузнечиков. От него зазвенело в ушах и стало казаться, что из-за этих чертовых усатиков не услышится, как поползет противник Над лощиной иногда проносились ночные безмолвные птицы, в дебрях трав и бурьяна что-то шевелилось, попискивало и постукивало. Но все это перекрывалось общим звоном кузнечиков.

Когда звон стал нестерпимым, он стал как бы стихать, но не сразу, вдруг, а волнами, прорывами. В невидимой звучащей стене образовывались как бы провалы, проходы. И это было так необычно, что Сутоцкий и Шарафутдинов переглянулись, и оба поняли – противник начал выдвижение. Легкий шорох, передаваясь от стебля к стеблю, пугал кузнечиков, и они сторожко замолкали. Стало понятным, почему они раньше не слышали кузнечиков. Когда они выдвигались, усатики таились, а когда разведчики примолкли, они затрещали.

Как проползли немецкие саперы, разведчики, в сущности, не Услышали Только некурящий Гафур почувствовал по неуловимо изменившемуся запаху. Прокатилась вначале терпкая и горькая волна – ползущие обрушили пыльцу, и ее подхватил неслышный ветерок, – а потом пришла едва уловимая рябь хорошо смазанной кожи, пота и машинного масла. Потом все восстановилось: и ровный горьковатый запах, и звон кузнечиков.

Часам к трем ночи на скате высоты проплыли неясные колеблющиеся тени, донесся приглушенный, смутный шум и

легкий не звон, а скрежет металла. Звонящая стена быстро таяла, и стало очень тихо. Страшно тихо. Тишина все явственней наполнялась шорохом, шарканьем, потрескиванием и, наконец, сдерживаемым и потому шумным дыханием: противник начал выдвижение.

Бурьян скрывал это выдвижение, и потому опять было вернулось чувство обреченности на неуспех, но его смяли серии непосредственных впечатлений, сиюсекундных мыслей. Противник мерещился со всех сторон, но появился неожиданно. Прямо на лежавших правее, ближе к оси неприятельского выдвижения, Су-тоцкого и Шарафутдинова вышло не менее десятка солдат.

Они шли уступом, пригнувшись и немного боком, выставляя автоматы. Они должны были наткнуться на разведчиков, но Гафур волчком развернулся и, махая рукой в сторону советской передовой, яростно прошипел:

– Шнель! Шнель!

Двое первых немцев осторожно обошли Сутоцкого, и все пошло дальше – пригибаясь, таясь, объятые тем отключающим сознание напряжением, которым отличается преддверие всякого, а тем более ночного боя.

На Матюхина и Грудинина противник не наткнулся. Теперь все четверо мечтали об одном, чтобы скорее все началось и можно было бы действовать: лежать стало невмоготу.

Но бой не начинался. Основная волна наступающих, видно, залегла, выравнивая боевые порядки. Сзади подкатывала

вторая, уже редкая, – ячейки управления, связисты, передовые наблюдательные, пункты и многое иное, что пехота считает безнадежно тыловым, но что всегда рядом с пехотой и принимает на себя тот же огонь и те же опасности.

Когда мимо него проходили немцы, Сутоцкий обреченно думал: «Вот и все. Вот и конец». И готовился рвануть гранату. Ничего иного он придумать не мог. Но когда фрицы прошли, он с неожиданно вспыхнувшим весельем подумал: «А что, может, и нужно вот так – нахально?» И это ощущение веселой удачи скрасило первые минуты ожидания, но оно проходило, и стало казаться, что наши уже прозевали противника, что он прошел в тыл и сейчас начнет расстреливать заснувших, опростоволосившихся бойцов и командиров.

И хотя Николай понимал, что быть этого не может, – ночная передовая всегда настороженней дневной, – все-таки думалось самое плохое, и поэтому все сильней хотелось поднять стрельбу, заорать, пустить в ход гранаты, чтобы предупредить своих о страшной опасности. Но они лежали, сдерживая себя, и ждали.

В хорошо работающей военной машине противника, вероятно, щелкнуло какое-то реле, соединились контакты, и по единой, общей для всех цепи пролетели нужные сигналы, потому что почти одновременно в разных местах – справа, слева и сзади – немецкой обороны полыхнули всполохи выстрелов: розовато-белые гаубичные, чуть потемнее – пушечные и почти багровые – минометные. Они раздвинули и под-

няли темное небо и слизали слабо мерцающие звезды.

Потом пронеслись звуки. Ухающие – гаубичных выстрелов; хлесткие, звенящие – орудийных и похожие на хлопки – минометные. Все перекрыли режущие, берущие за сердце, до чертиков противные вопли реактивных минометов – «скрипунов». И вслед за этим небо над ложиной стало плотным от свиста и воя снарядов и мин. Они обгоняли и, кажется, терлись друг о друга.

Вся эта масса металла, пересекаясь, ударила и по нашей обороне, и в ее глубине. Разрывы встали густо, расцветали ярко и стремительно красиво, на мгновение подсвечивая столбы земли и дыма. Как-то естественно и просто из этой мощной и словно бы неторопливой сумятицы разрывов вычленились одинокие автоматные очереди. Потом они слились, перемешались с пулеметными. Бой сразу набрал силу, и поначалу разведчики, оглядываясь назад и представляя, что сейчас творится в их такой обжитой и родной обороне, даже не заметили, как невысоко над ними пронеслись пулеметные трассы и легли на границе прохода в минных полях противника. Дзот, из которого они вышли на задание, жил, и пулеметчики делали свое дело, работали на них, на разведчиков.

Первая оторопь, мучительное раздвоение сознания – надо думать о прорыве в тыл, а думалось о своих – стали исчезать: все шло как и задумывалось. И все, опять без команд и напоминаний, подобралось и стали готовиться к броску вперед.

Эта подготовка была несложной – половчее взять оружие, найти упор для ноги, как это делают бегуны на старте, надвинуть на пилотки капюшоны маскировочных курток.

Бестолочь автоматной трескотни удалилась. Противник втянулся в лощину. Через его головы били пулеметы. Но осветительных ракет было мало – обе стороны словно сговорились драться в темноте.

В какую-то минуту и на нашей стороне сработало реле, и по нашей системе прошли нужные импульсы. Из леса высоко в небо взлетели огненные стремительные стрелы, им вслед прокатился злой шип: дивизион «катюш» отработал залп из всех установок.

Когда вся эта мешанина огня и стали долетела до лощины, в которую втянулся противник, даже бывалому Сутоцкому стало страшно. Земля ощутимо дрогнула и покрылась сплошным мерцающим и потому кажущимся особенно злым огнем. Ракетные снаряды рвались ровно, могуче и красиво. От детонации взрывались и установленные в лощине противотанковые минные поля – земля от этих взрывов взлетала высоко и густо.

Николай Сутоцкий мысленно возмущался: почему не начинает выдвижение командир? Разозлившись, он легко вскочил и сразу увидел слева от себя Матюхина и Грудинина. Над ними летели беззвучные в этом огненном реве трассы пулемета, и они, осененные этим огнем, быстро пошли, именно пошли, а не побежали к немецкой обороне. Сутоцкий дви-

нулся следом, начисто забыв, что первым должен был идти он, потом его догнал Гафур.

Справа от них, обгоняя, пробежало несколько немцев, и ребята присели, прячась в бурьяне, потом опять, пригибаясь, пошли дальше. Чем ближе они подходили к передовой, тем больше теней металось вокруг них. Сквозь шум стали пробиваться команды и вопли раненых. В последнюю минуту Матюхин свернул вправо и пошел не в обозначаемый пулеметчиками проход, а по немецким следам. Поскольку противник выдвигался отделениями, гуськом, он протоптал заметные тропки.

Уже за линией обороны, за первыми окопчиками – замаскированными и тщательно оборудованными – ребята столк-

нулись с немецкими санитарями. С носилками в руках немцы испуганной трусцой бежали к передовой и, налетев на разведчиков, остановились, словно радуясь остановке.

– Много раненых? – выдохнул один из них хриплым, прокуренным баском.

– Хватает, – хмуро ответил Матюхин. – Какого полка?

– Семьдесят третьего, гренадерского, – поспешно ответил второй, и Матюхин начальственно спросил:

– Штурмбаннфюрера Кребса не видели? Здесь должны быть его машины.

– Никак нет. Но какие-то машины стоят вон там, за дзотами. Слева.

– Спасибо, – поблагодарил Матюхин и опять хмуро буркнул: – Боюсь, у вас будет много работы.

Николаем Сутоцким опять овладело ощущение веселой удачи, и он не удержался и прошипел:

– Шнель! Шнель!

Немецкие санитары, втягивая головы в плечи, поспешно засеменяли к передовой, а разведчики принялись вправо и стали обходить хорошо замаскированные землянки. Возле них стояли люди, слышался говор и звуки команд, отдаваемых, видимо, по телефону. Вероятно, здесь размещался командный пункт.

Мимо пробегали и проходили солдаты и офицеры противника – занятые, обеспокоенные явной неудачей, проскакали запряженные в фуру тяжелые кони, и ездовой, нахлестывая

кнутом, гортанно крикнул разведчикам, чтобы они посторо-
нились.

Никому не было до них дела, никого они не интересовали. Только в километре от передовой они столкнулись с целым взводом солдат, которые спешили вперед – может быть, пополнение, а может, смена потрепанных частей. Их командир, низенький, толстенький, деловито осведомился, почему они идут в тыл от передовой.

– Люди штурмбаннфюрера Кребса, – ответил Матюхин. – Выполняли особое задание.

Матюхин достаточно хорошо знал, как на армейских офицеров действует одно упоминание эсэсовских чинов, и потому даже не остановился, а пошел дальше. Он не видел, как толстенький немец потоптался и повел свой взвод к передовой.

Потом, словно спросонья, стала бить советская артиллерия, и сзади легли ее разрывы, позднее они легли и впереди, в деревне, и еще где-то и стороне. В деревне сразу разгорелся пожар, и Матюхин сошел с полевой, слабо накатанной дороги на скаты высоты – свет пожара освещал их, на темном фоне скатов они были менее заметны.

Они шли размеренным быстрым шагом, шли молча к дальнему лесу. Переваливая высоту по дороге к перелескам, разведчики постояли, прислушиваясь к тарахтению самолетных моторов – над ними прошли легкие ночные бомбардировщики. Сутоцкий искоса посмотрел на Матюхина и спро-

сил:

– А кто такой штурмбаннфюрер Кребс?

– Понятия не имею, – пожал плечами Андрей.

Ночной бой, пожалуй, не встревожил бы госпиталь, но в палате младших офицеров не спали, ворочались на соломенных матрасах, курили и шепотком болтали. Когда началась перестрелка – далекая, нестрашная, – вяло поговорили и о ней, но, когда сыграла «катюша», палата, встревожилась и загудела. Проснулся за перегородкой и Лебедев.

Ходячие по одному, по двое вышли во двор и долго рассматривали полыхающее сполохами небо, со знанием дела прикидывая, как разворачиваются события. На рассвете стали подходить машины и выгружать раненых. В этот армейский госпиталь легких не привозили...

Настроение в палатах упало, люди стали раздражительными и почувствовали себя обиженными. Первой, кто успокоил свои палаты, была старушка санитарка. Она побывала в приемном покое и узнала подробности минувшего боя.

– Всех дочиста перебили, – рассказывала она. – А уж вот теперь к соседям раненых фрицев повезли.

Это походило на правду – бой утих, далекая передовая молчала. Только высоко в небе проплывали самолеты-разведчики. Можно было отдыхать, но в привычном госпитальном настрое что-то сломалось...

На перевязке майор Лебедев попросил хирурга выписать его на долечивание в часть. Боль прошла, вернее, стала тер-

пимой, а на перевязки он будет ездить. Майор ожидал, что хирург станет возражать, но тот согласился:

– Разумно. Смена обстановки тоже приносит пользу.

К полудню майор Лебедев оказался выписанным из госпиталя, так и не узнав, что, выполняя приказ командарма, сюда звонил полковник Петров и начальник госпиталя не без возражений согласился удовлетворить просьбу майора, «если таковая поступит».

Он не стал вызывать своей машины. Собрав немудреное имущество и затолкав его в полевую сумку, Лебедев вышел к контрольно-пропускному пункту и сел на попутку.

Дорога оказалась трудной. Его потряхивало и подбрасывало в кузове, рана стала ныть, и острее заболели позвонки. Он дотерпел до Радова, которое теперь оказалось в тылу, и сошел на окраине. Посидел на развалинах дома, покурил и, когда боль притихла, не спеша по теневой стороне пошел к штабу тыла.

За все время войны... да, пожалуй, даже раньше он ни разу не бывал в положении солдата в увольнении. Всегда на машине, всегда со спешным заданием. Он помнил пройденные города и села скорее по карте, чем по их облику. А сейчас, неторопливо шагая по тихим полуразрушенным улочкам районного городка, он невольно разглядывал все: и заросшие лебедой и лопухами пепелища – старые, сорок первого года, и свежие, еще пахнущие горечью пожарища. Видел остовы сожженных машин, привычно отмечая, что здесь

поработала авиация, и, оглядевшись, привычно находил воронки от авиабомб.

Но он стал замечать и другое: аккуратненькие, свежепокрашенные домики, кое-где кокетливо и отталкивающе отделанные мертвенно-белыми, шелушащимися на августовском солнце березовыми стволами. Когда-то в них жили немцы, и они навели свой уют, создали свою экзотику «а-ля русс». И еще он увидел хорошо ухоженные большие огороды и сразу понял, что посажены они были задолго до их наступления, еще при немцах.

Выходило, что кому-то и здесь жилось не до предела плохо, ото кому-то делались послабления, а то и оказывалась помощь... Нет, конечно, он знал об этом не только из газет – разведчик же! – но видел такое, ощутил это страшное неравенство, кажется, впервые. Ведь не просто так, а за что-то делались эти послабления. Их ведь нужно было заработать. А как?

Что ж, оккупация не только убивала, она еще и калечила души... И чем дольше думал об этом, чем больше примет тому находил, тем неприятнее становилось на душе. Он пошел к штабу тыла, чтобы от него уехать к армии. И тут встретил ту самую телефонистку Дусю, с которой была связана прошлая далекая разведка. Девушка обрадованно бросилась ему навстречу.

– А я ведь сегодня к вам собиралась, – сказала она слишком громко и весело, присаживаясь на краешек скамейки.

И сейчас же, краснея, объяснила: – Меня наши девушки командировали.

– Что-нибудь срочное? – мрачнея, спросил Лебедев.

– А мы не знаем, может, это все ерунда, но только... Только после того... тех телефонных неприятностей мы все как-то по-новому смотрим. А тут еще беседы о бдительности. Женька... Это у нас тоже телефонистка, она читает много, говорит: «У нашей соседки – это сзади нашего двора, тынами сходятся, – почему-то всегда белье висит. Откуда у нее после оккупации столько белья?» И верно. На рассвете она всю веревку бельем увешивает. Днем снимет, а вечером опять вешает...

– Ну и что ж тут такого? – благодушно спросил Лебедев: сколько таких вот наивных сыщиков встречал он на своем веку!

– Вот и я так спросила. – Дуся оживилась. – А Женька ответила: «А ты заметила, что немецкие разведчики летают на рассвете и на закате?» Мы же посменно дежури́м и, конечно, это знаем. По ихним самолетам можно проверять часы. А Нина у нас девушка решительная. Пошла к той бабке – а она оказалась не бабкой, а довольно интересной женщиной – и все высмотрела: мужиков у нее нет, только девочка, дочка, а белье-то мужское. Спят они с дочкой на одной кровати на домотканом, а простыни вешивают фабричные.

– Так-так... следопыты, – еще усмехаясь, поощрил Лебедев, но внутренне он уже подобрался – в рассказе прогляды-

вала опасная логика.

– Мы, конечно, задумались... И вот на беседе нам политрук Рассказал, как еще в первую мировую войну вот так, белым, немецкие шпионы передавали сигналы. Но я сказала, что в наше время такой метод устарел – о нем же написано, все об этом знают. Что ж она, дура, что ли?

Пожалуй, Дуся мыслила правильно: старые разгаданные приемы разведчикам и в самом деле не подходят. Да и наивно все уж очень...

Майор поощрительно улыбнулся, с этой улыбкой к нему вернулись и уверенность в себе, и то легкое чувство превосходства, которое, как он считал, всегда должно присутствовать в отношениях с женщиной.

Она уловила это изменение его настроения и, покраснев, отвела взгляд.

– Вот... Словом, нашим мы не решались сообщать, чтобы над нами не посмеялись А потом узнали, что вот... вас ранило... И я... мы... Ну, – она окончательно смутилась. – Вот... А сегодня... сегодня... я дежурила с утра, прибежала Женька и сказала: «У нашей соседки красное белье». Я не поверила, передала ей дежурство, а сама сбегала посмотреть. Точно! На веревках – перины, подушки, платье и просто красная материя. А ведь, смотрите, вчера вечером к нам понаехали шоферы, ездовые все избы заняли, и сразу стало известно, что где-то поймали диверсантов. А ночью все слышали бой. Вот! А утром – красное белье. И заметьте, немецкие развед-

чики уже не только на рассвете прошли, а и с утра уже три штуки было... Девчонки и решили: «Иди, – говорят, – она чуть не сказала „к своему“, – тому майору и расскажи. Потому что, если мы своим расскажем, может, еще и на смех поднимут. А „он должен знать“.

– Ну что ж... Спасибо, учтем.

Дуся ушла, Лебедев посмотрел ей вслед и вздохнул: после госпиталя он понял, что, кроме войны, есть еще и красивые девушки.

В дальний лес они вошли на рассвете. На опушке Матюхина окликнул Грудинин:

– Товарищ младший лейтенант, оглянитесь.

Матюхин оглянулся. Позади осталась дальняя луговина, незасеянное поле, перелесок. Все как обычно, все как на карте. Андрей пожал плечами, Сутоцкий подошел поближе, с острым интересом вглядываясь то в одного, то в другого.

– Ничего не заметили?

– Нет... как будто...

– Неужель не замечаете следов?

Никто следов не видел – трава и трава.

Грудинин смотрел на них как на неразумных – как же можно не видеть, когда все так ясно и понятно?

– Да вон же... Смотрите. Стежка – она ж прямо в глаза бьет. Трава ж не весенняя, которую примнешь, она и поднимется. Дело же к осени. Ломкий бурьян, положил – уже не встанет.

А мы вчетвером протопали. Умяли.

Вот только после этого разведчики и увидели собственные следы – почти прямую, только изредка искривляющуюся тропку.

– Ведь хорошо, если у фрицев дураки. Могут и не заметить, а умный да опытный лесовик враз засечет.

– Откуда у них... лесовики? – усмехнулся Сутоцкий.

– Не говори. У них финны есть. У этих глаз точный. Я с ними в дуэли играл. Знаю ихнюю силу. Не финны бы – и в разведку не попал.

– Что, испугался? Думал, у нас легче? – пошутил Николай.

Грудинин внимательно осмотрел его скуластое, угловатое лицо.

– Нет. Я к вам после госпиталя пришел. А в госпиталь меня финн отправил.

– Ладно, Сутоцкий, – оборвал Николая Матюхин. – Дело серьезней, чем ты думаешь...

– Об этом раньше думать следовало! – разозлился Сутоцкий. – А сейчас думать поздно.

Что-то вызывающе-обиженное проступило и в тоне Сутоцкого, и во всем его облике. То, что раньше только изредка прорывалось в нем и что Андрей принимал за попытку Николая установить более короткие отношения с ним, сейчас вдруг обернулось иной стороной. Похоже, Сутоцкий завидует Андрею. Завидует и не доверяет.

Можно было вспылить и оборвать старшину, но делать это

в самом начале их нелегкого пути Андрей не мог, да и догадка есть всего лишь догадка. Поэтому он обратился к Грудинину:

– Что предлагаете?

– У фрицев собачки...

– Знаю! – резко ответил Андрей: за одни сутки несколько напоминаний о собаках. – Что предлагаете?

Грудинин быстро и слегка обиженно взглянул на Андрея, но опять сдержался.

– Вот я и говорю – у фрицев собачки. Если кто увидит след и пустит по нему собак, то даже в лесу нас и завтра, а может, и через день разыщут, потому что сапоги у нас мало того, что не по-немецки воняют, но еще и полем пахнут, бурьянной пылью...

– Бормочет неизвестно что... – буркнул Сутоцкий.

Грудинин даже не посмотрел в его сторону.

– Значит, нужно этот запашок отбить, прикрыть его лесным.

– Как это сделать? – спросил Андрей, поглядывая на Сутоцкого.

– Способов есть много, но я сейчас советую разыскать муравейник и муравьями оттереть сапоги.

– Как это – муравьями? – опешил Андрей.

– А вот так – наловить мурашей и растереть их на сапогах. На подошвах, а крепче всего в рантах. Запах, он в рантах держится. А то еще грибами можно натереть. Только бо-

уюсь, что собаки тонкие – сразу разберут, например, что на полянах грибов нет, а грибами пахнет. И опять смогут взять след. А муравьи везде. Лучше бы, конечно, больших найти, рыжих. Мелкие, они и лесу полезней, и запах у них не такой сильный, и, главное, они далеко от гнезда не ходят. А большие муравьи везде ползают.

– Ладно. Пошли искать муравьев. Кстати, двигаться и впредь парами на расстоянии зрительной связи.

Так они вошли в лес, приглядываясь к стволам и кочкам, пока не разыскали муравейник больших рыжих разбойников, стали ловить муравьев и, морщась от брезгливости и укусов, натерли ими сапоги.

– Вот теперь поспокойней, – мягко улыбнулся Грудинин и, кажется, впервые перестал сутулиться.

В лесу он неуловимо, но разительно изменился. Острее стали его маленькие и обычно чем-то недовольные узкие глазки. В них мелькал острый интерес и даже улыбка, словно он видел что-то ему дорогое и приятное. Походка стала легкой, скользящей и, хотя он распрямился, все-таки не стал от этого выше – на ходу он пружинил в коленях. И движения его больших узловатых рук стали точными и стремительно-легкими. Винтовку теперь он повесил на шею на удлиненном ремне и расположил ее наискосок вдоль тела, так что она не мешала ему при движении, но в случае нужды мог сразу же ее вскинуть.

– Много охотились? – спросил Андрей.

– В лесу ведь вырос, товарищ младший лейтенант.

Потом они сошлись вчетвером, проверили компасы и наметили азимуты. Теперь дорога лежала прямо к эсэсовцам.

Лес стоял тихий, словно притомленный. Хорошо пахло грибами и сухим листом. Иногда взлетали птицы, усаживались на ближние ветви и косили глазками-бусинками на разведчиков.

– Это хорошо, – покивал Грудинин. – Птица непуганая. Но вот что странно – сорок нет.

– Чего ж странного? На кухни к эсэсовцам слетелись.

– Разбираетесь... Сорока да сойка – самые проклятые птицы. Чуткие, они раньше всех заметят человека и обязательно поднимут ор. Их в нашем положении нужно побаиваться. Умному человеку сорока или сойка много-оное расскажут.

Пообедали в зарослях на берегу ручья. Через силу доев тушенку, зарыли банки в землю, потом наполнили фляжки водой и пошли дальше, но почти сейчас же наткнулись на сороку. Она шумно взлетела, тревожно застрекотала, и тихий лес сразу откликнулся трепетом крыльев, шумом листвы.

Грудинин выпрямился, прижал двумя пальцами свой большой, уже покрытый выросшей за сутки седой щетиной кадык и издал гортанный клекот. Звук вроде бы и негромкий, но властный, пронзительный, такой, что его услышали шедшие в сторонке Сутоцкий и Шарафутдинов.

Сорока сразу же смолкла, и весь лес замер – ни шороха,

ни трепета.

– Что это вы? – удивленно спросил Андрей.

– Это? – отнимая пальцы от кадыка, переспросил Грудинин. – Это сокол-тетеревятник так кричит, когда идет на добычу. Кричит он и по-другому, а вот гак, когда на добычу идет. Сороки и сойки – лесные сторожа – очень его боятся и, как услышат, забиваются в заросли. Часа по полтора молчат – знают, если появился этот разбойник, лучше носа не высовывать и не подавать голоса.

Матюхин посмотрел на Грудинина с уважением. Что ж... Кое-какие лесные университеты он сам прошел во время побега из плена. Но тонкостей лесной жизни ему, донскому казаку, в степях познать не было возможности. А Грудинин настоящий лесной житель.

Они все шли к шли перекатами – одна пара выдвигалась метров на сто вперед, замирала, в сторону выдвигалась вторая. Лес чуть поредел и стал взбираться на пологий скат высотки, под ногами зашуршала пересохшая трава. Грудинин сейчас же прошептал:

– Ногу на пятку ставьте. На пятку! Меньше шума, меньше треска.

Пошли медленней, но бесшумней. Когда вторая пара обгоняла их, Андрей услышал треск сухих ветвей и поморщился. Он догнал ребят и предупредил их.

– Все тайны какие-то... – покривился Сутоцкий. – Все наставления. Академия, да и только...

Андрей опять промолчал, но, вернувшись, спросил у Грудинина:

– Вы с Сутоцким о насадках разговаривали?

– Нет, – и передал ему весь разговор.

«Что-то нужно делать с Николаем, – подумал Андрей, – а вот что? Неужели он не понимает, что сейчас и не время, и не, место ни для самолюбий, ни для обид? – Потом, шагая, обдумывая, с грустью отметил: – А может, он считает, что как раз сейчас и время, и место показать и свою независимость, и свою обиду? Мы здесь одни. Закон – тайга, как говорится...»

И от этого на душе стало совсем плохо.

На водоразделе они постояли и прислушались. До предполагаемого расположения эсэсовских частей оставалось не так уж далеко. Следовало осмотреться и прислушаться.

Здесь, на водоразделе, тянул западный ветер, и лес тихонько шумел. Где-то далеко пропел автомобильный мотор, затих, но через несколько минут послышался вновь и опять затих. Разведчики переглянулись. Учитывая ветер, усилившуюся к вечеру влажность воздуха – в таких случаях звук распространяется дальше, – можно было предположить, что автомобиль прошел примерно в километре, а может, и поближе. Получалось, что они слишком уж приблизились к расположению вражеских частей.

Матюхин достал карту и внимательно исследовал ее. По карте выходило, что до нужного района оставалось километ-

ра два с половиной – три. Но кто же может знать точно, где расположились танкисты? Может, они уже передвинулись вперед?

В иное время Андрей обязательно посоветовался бы с Сутоцким. Но сейчас он не мог сделать этого – Николай словно сторожил каждое его движение, каждое решение. И Матюхин отдал приказ:

– Отдыхаем здесь. Спать по очереди. Смена парами, через два часа.

Он мог определить наряд и в другом варианте, чтобы отдохнуть самому: ведь ребята перед выходом отоспались и отдохнули, а он не успел. Но делать себе поблажек Андрей не хотел.

Вечерний штаб встретил Лебедева до обидного обыденно. Кто-то на бегу, улыбаясь, спросил: «Оклемался?» Кто-то осведомился, насовсем ли он или на побывку. Большинство встречных, знакомых и незнакомых, просто отдавали честь и пробегали мимо: штаб жил напряженной жизнью.

Обрадовались майору только в столовой, да и то, как он вскоре понял, потому, что они как бы причастились кормежкой разведчиков Матюхина к высоким тайнам. Но женщины есть женщины и, поглядывая на него, побледневшего, произвольно морщившегося от внезапно прорезающейся боли, жалели его, старались накормить повкуснее, а значит, пожирнее.

Майору чуть взгрустнулось, но, выслушивая штабные новости, он постепенно втягивался в привычную жизнь, по мельчайшим деталям оценивая, чем живут сейчас его сослуживцы, и понимая, что армия готовится к наступлению все-ръем.

Именно поэтому, прежде чем идти и докладывать полковнику Петрову о своем прибытии, Лебедев пошел в контрразведку, в смерш, к подполковнику Каширину. Худое лицо подполковника почернело и заострилось: ему, видимо, доставалось. Увидев Лебедева, он улыбнулся и, пожимая руку, коротко сказал:

– Рад.

Сказал так, что Лебедев понял – Каширин и в самом деле рад его возвращению. Потому и рассказ о девчоночьих наблюдениях получился веселым, с юморком, но и с достаточной долей тревоги. Лебедев не мог знать, является ли новостью для контрразведчиков эта странная женщина из Радова. Может быть, она тоже ведет игру с противником под руководством смершевцев? Ведь у каждого свои дела, и совать в них нос не положено.

Каширин сдержанно посмеялся, но глаза у него стали пронзительными.

– На той стороне, видимо, умный разведчик объявился. Задает нам хлопот, – сказал Каширин.

– Но ведь сигнал бельем – это наивность... в наши дни. Несерьезно.

– Вот потому и умный, что понимает: несерьезно, и потому мы можем и не обратить внимания. А разве те, кто вас подстрелил, по-серьезному заброшены? Ведь сработано по старым, классическим образцам, а результат в общем-то... не так уж плох.

Каширин рассказал о допросах шпионов и сообщил, что группа Матюхина, видимо, благополучно прошла в тыл врага.

– Но сейчас меня беспокоит одно: а вдруг кто-то узнал об их задаче и дал знать этой... женщине? Ведь тогда Матюхину придется туго. Вчетвером отбиваться трудненько... Своему начальству докладывал?

– Еще не успел. Прямо к вам.

– Спасибо. Но я еще вот о чем подумал. А если эта... женщина... – Каширин вдруг замкнулся, и Лебедев непонимающе посмотрел на него.

Подполковник молча ушел на кухню. Через некоторое время он вернулся с бутылкой коньяка, луком и тонкими, подсушенными до бронзовой золотистости сухариками.

– Во-первых, за возвращение. Как-никак, а повезло вам здорово: били из трех автоматов, а не добили. А во-вторых, когда-то под такой же коньячок мы с вами очень неплохо проанализировали обстановку и поведение противника. Наш анализ подтвердился – Давайте попробуем еще раз. Честно говоря, можно рассуждать вслух, а не с кем.

– Можно. Хотя... сейчас из меня анализатор неважный.

– Это ж почему?

– Не только потому, что заинтересованное лицо, но ведь я все-таки оторвался... нет, не от дела, а от самого его духа, души, что ли...

– Мм... Существенно. Ну тогда помогите мне. Будьте моим оппонентом. На свежую голову, так сказать. Да и вам необходимо войти в курс событий.

– Ну что ж... Попробуем.

Они выпили по глотку коньяку, закусили приятно хрустящими сухариками.

– Так вот. В прошлый раз мы точно установили, что эсэсовцы прибыли из Франции. Они понесли солидные потери потому, что шаблонно перенесли обычаи караульных операций на Западе на войну на Востоке. Что мы видим теперь? Они забросили к нам в тыл несколько разведывательно-диверсионных групп. Заметьте, без особого риска – оставляя их у наших наступающих войск в тылу. Умно. Для противника, привыкшего наступать и широко пользоваться техникой для заброски своих людей, нестандартно. Они не дали своим людям раций. И это понять можно – средства пеленгования резко улучшились. Диверсантов легче запеленговать, чем разыскать. Они учли это и связь установили собакой, дымами и т. д. Возможно, и вот этим самым разноцветным бельем. Согласитесь, это нестандартно.

– Да, но подобные «нестандартные» решения и приемы, в сущности, стандартны. Они описаны в десятках разведыва-

тельных учебников и мемуаров. Поэтому здесь скорее стандартное мышление.

– А когда и где сказано, что использование оправдавших себя приемов нельзя применять в иной обстановке? Ведь что получается? Техника разведки развивается стремительно – подслушивание, аэрофотосъемка, пеленгование, инструментальная разведка и т. д. и т. п. Но одновременно растут и средства контрразведки. В этой технической борьбе, борьбе умов и научных достижений, старые, проверенные методы теряются, забываются. Они кажутся наивными, и на них не обращают внимания как на недостойные для солидных разведчиков или контрразведчиков. Вы согласны?

– В известной степени.

– Хоть это хорошо. Ну-с, рассуждаем дальше. Видимо, разведчик старый и опытный, проанализировал свои удачи и неудачи, не поленился изучить наш опыт, насколько он ему доступен, и пришел к выводу: а зачем мудрить? Ведь нужно немного – Установить, поступают ли в нашу армию резервы, и если да, то где они располагаются. А для этого совсем не требуется вводить в Дело сложные технические средства, засылать своих людей в штабы и прочее, прочее. Ведь война на уровне дивизии или армии требует быстрого изучения противника. Это главное: быстрота, оперативность. Через неделю самые ценные штабные сведения устаревают. Нам требуются данные за неделю, за две, а иногда за день. Стратегические сведения и загляды нужны иным шта-

бам, иным формированием. Потому там и другая разведка.

– Ну это, как говорится, мы учили, – усмехнулся Лебедев.

– Вот именно – учили. И забыли. Мы ведь часто забываем даже школьные истины. А этот некто не забыл. Он учел все и повел разведку именно так, как ему нужно. Ему, а не вышестоящему штабу! Я не сомневаюсь, что и их вышестоящий штаб тоже ведет свою разведку, но мы с ней не сталкиваемся – иные приемы, иные масштабы и задачи. Значит, перед нами умный и многоопытный разведчик. Правда, есть и другой вариант – перед нами молодой выскочка, педант: он вычитал примеры из учебников, вспомнил, чему учили в академии или в училище, и наивно решил применить эти знания.

– Если принять эту вашу вторую легенду, то молодой педант вряд ли придумал бы возвращение с помощью захвата машины.

– Вот! Вот почему второй вариант отпадает. Ведь, в сущности, это же чертовски просто: захватить машину и прорваться к своим. При кажущемся, если мыслить шаблонно, наиболее опасном варианте появляется наибольшая вероятность успеха. И еще. Показателен состав группы. Старший – немец, но отлично владеющий русским. Это мозг. В случае провала группы согласно их же пропаганде на жизнь он рассчитывать не может – будет верен до конца. Но ради спасения может пожертвовать остальными: они чужие, низшие, для гитлеровцев ничего не стоят. А двое других? Русский – предатель и знает себе цену. На той стороне связан детьми.

Словом, зажат со всех сторон. По расчетам нашего противника, он обязан драться до конца при всех случаях жизни. Но русского легко и перевербовать: я уверен, что этот противник отлично понимает, что на какое-то время кого-то из советских людей можно обмануть, даже запугать, но патриотизм есть патриотизм. Рано или поздно он проснется. Допустим, что он проснулся (а он и в самом деле проснулся, именно русский не оказывал сопротивления), и его перевербовали. Он возвратится и даст ложную информацию. А методы их допросов известны... Расколется, если виноват. А не виноват и умрет под пытками – невелика потеря. Он чужак. Остается прибалт. Мне кажется, что он включен в группу как невольный контролер. Если попадутся или погибнут первых двое, прибалту будет особенно трудно. И среди наших войск, и среди немецких он сразу же выдаст себя своим акцентом, но среди наших войск он шпион и предатель. Следовательно, ем' нужно пробиться к немцам любой ценой. Он и дрался до конца Как видите, психологическая обоснованность группы, в рамках их мышления, великолепна.

– Но ведь все это мысли нашего противника на случай провала группы. А ведь он надеялся на успех.

– Правильно! Но какой успех?! Недельный! А этот успех обеспечивался тривиальной связью – собакой! И дымами. А в течение недели – двух трос умных разведчиков, да еще после только что прошедшего наступления противника, когда все в брожении и движении, а средства охраны тыла распы-

лены, в этих условиях всегда продержатся и соберут уйму сведений. А уж погибнут они или не погибнут при возвращении, не так уж и важно. Сведения-то они передадут.

– Вы меня убедили, что противник наш умен и старыми способами пользуется разумно. А как радовская сигналичка?

– Еще не знаю... Но, рассуждая по логике нашего противника можно ожидать, что скорее всего она не одна.

– Почему?

– А вот смотрите. Она живет с дочерью. Вам ли говорить, Как мать дорожит дочерью. И если она согласилась на предательство, тому нужны очень веские основания.

– Заставили... ценой жизни той же дочери.

– Верно. Но заставить можно, когда она во власти противника. Сейчас его нет. А она действует. Почему? Ведь по логике, такой женщине нужно сделать немного – немедленно податься куда-нибудь в сторону и затеряться, спасти себя и дочь: пусть попробуют найти ее среди наших миллионов немецкие контрразведчики. А она остается на месте. Ну, допустим, она нерешительна, боится сдвинуться с места и прочее. Но не выполнять задание она ведь может? Просто не выполнять, и все.

– Может быть, она боится, что вернутся немцы, и тогда...

– Если они начнут возвращаться, она всегда может уйти с нашими. Да и не окончательная же она дура – дуру на такое дело не оставят, она же видит, что берет-то наша. Значит,

кто-то ее контролирует, и она знает об этом контроле. Знает настолько, что рискует даже дочерью. Ну, это по нашей части...

– А по нашей? – спросил Лебедев.

– По вашей? Вам предстоит заслать еще пару – тройку групп. Так вот – предупредите ребят, что перед ними будет необычный противник. Не стандартный. Он наверняка придумает нечто такое, что по всегдашним нормам не делается.

– В том числе это необычное может коснуться и эсэсовцев.

– Уверен! Понимаете, они, в сущности, открыты. Наш противник понимает, что примерный район их сосредоточения нам известен – скрыть его трудно: техника есть техника плюс партизаны. Он прекрасно понимает, что поднять и передвинуть такую махину, как немецкая танковая дивизия, незаметно почти невозможно. А может потребоваться. А он умный. Значит, придумает нечто необычное. И еще. Мне кажется, что он разгадает наш финт с группой Матюхина. Наш почерк он, видимо, тоже знает и понимает, что, будь он на нашем месте, он бы не преминул под этот шумок заслать в тыл противника свою группу. Ситуация получилась отличная.

– Вы считаете, что группа Матюхина засечена?

– Еще не считаю. Понимаете, сегодня нашему противнику приходилось расследовать и оправдывать причины провала операции. Значит, подумать о Матюхине ему не было вре-

мени. Кроме того, предыдущую ночь он наверняка не спал. Мозг притуплен. Думаю, что утром он окончательно разберется – уже не для начальства, а для себя – в случившемся и подумает о Матюхине. Вот такие пироги. Ситуация серьезная. Противничек у нас на этот раз очень умный.

Они чокнулись, и Лебедев понял, что пришло время уходить. Он дожевал сухарик и поднялся.

Ночевали спокойно. На заре вдалеке опять прошла неторопливо машина и замолкла. Где-то далеко прокричал паровоз. Вот все, что слышали разведчики.

Но на свежую голову думалось легче, и Матюхин после завтрака принял решение.

– Сутоцкому и Шарафутдинову осторожно разведать лес на юго-запад. По-видимому, там проходит дорога. На карте ее нет, а машины ходят. Подчеркиваю особо – осторожненько. Грудинин занимает наблюдательный пункт на высоком дереве и ведет наблюдение через оптический прицел. Я займусь тем же чуть дальше. Сбор здесь через пять часов. Вещмешки оставить и замаскировать. Все ясно?

– Так точно, – лениво ответил Сутоцкий. – А если промахнемся? А, Андрей? Сигналов не будет?

«Черт, чего он все время придирается? – подумал Андрей, но отметил: – Сигнал сбора не помешал бы».

– А я филином закричу, – сказал Грудинин. – Знаешь, как филин кричит?

– Слыхивал...

– И еще. Ты, Гафур, как пойдешь, елочки, подрост то есть, заламывай. Верхушечки. Легче возвращаться будет по таким заметкам.

Они разошлись. Грудинин выбрал высокую сосну с густой кроной и стал снимать сапоги.

– Зачем? – спросил Андрей.

– Если в сапогах лезть – смола к ним пристанет. А смола пахнет сильно и долго.

Ну что скажешь? Знает солдат дело. Знает. А командир не знает.

Может, и Сутоцкий потому такой ершистый и ревнивый, что видит – дела идут не так, как следовало бы. Но сколько ни перебирал в памяти свои поступки и решения, найти в них ошибочные Андрей не смог. Все вроде бы правильно. Все от души, для дела. Не для себя, а для дела, а все-таки что-то идет не так, как хотелось бы. Может быть, слишком рано он взялся командовать? Ведь и отделением на войне не покомандовал...

Подобрав для себя подходящее дерево, он тоже снял сапоги...

С первыми лучами солнца вдалеке взревел танковый мотор, и Андрей отметил – танкисты на месте. Мотор поработал, потом опять взревел и стал отдаляться. Через некоторое время донеслись приглушенные лесом выстрел и почти совсем не слышимая пулеметная дробь.

Видимо, противник и в резерве не забывал о боевой подготовке. Очевидно, оборудовал где-нибудь танкодром и ведет себе занятия. Совершенствует боевую подготовку.

На смену первому мотору взревел второй, потом опять доносились выстрелы. От дороги донесся шум тяжело груженных машин. Он удалялся медленно, натруженно... И снова послышался выстрел и через некоторое время рев танкового мотора.

Над лесом низко проплыл маленький, вероятно, связной самолет, и, проследив за ним, Андрей заметил, что над его бортом свешивается голова в авиационных очках – «консервах». Похоже, летчики кого-то ищут. И почти сейчас же вдалеке раздался собачий лай – залиvistый, злой, нетерпеливый.

Андрей впервые за все время вздрогнул и оглянулся по сторонам. Он все перенес бы спокойно, но лай немецких сторожевых собак... Это страшно. Это лагерь, это неудачный побег и оскаленная, с уже желтоватыми клыками собачья морда над лицом. И жаркое, вонючее ее дыхание. И глаза. Злобные... Да нет, не злобные. Это мягко – злобные. Звериные. С темно-розовыми от старательности и боевого возбуждения белками. Собака не лаяла, не рычала, она топтала грудь и норовила вцепиться в горло, а Андрей подставлял ей руку, а второй рукой толкал ее. Собачий поводырь молча бил по этой руке плетью. Той самой, которой он, вероятно, наказывал и собаку. И тогда другие охранники смеялись

– весело и громко. А собака нажимала на него всей тушей, словно стараясь выслужиться, доставить удовольствие своим хозяевам...

Укусы болели долго, но не гноились. Говорили, что в собачьей слюне есть какая-то сила...

Собака – это страшно. Сама по себе ерунда, а вот в сочетании фриц и собака – страшно. Они как бы сливались, дополняли друг друга и уничтожали последнее, что есть в человеке человеческого. Оставалось только звериное стремление выжить. Любой ценой. Пусть оторвут руку, пусть ногу, но – выжить.

Подул ветер, и собачий лай больше не повторился. Андрей вытер испарину и постарался сосредоточиться. Но это удалось не сразу. Давнее ощущение, что все идет не так, как надо, вернулось и стало предчувствием беды. Какой, почему, Андрей не понимал, но чувствовал: что-то сменилось в округе, что-то идет не так, как ночью или даже утром.

«Вот вернутся ребята, и мы сообща решим, что делать. И как делать», – думал он и понимал, что это отговорка, успокоение себя.

Все знали, что делать – сторожить танкистов, и как делать – бесшумно и незаметно. А он, командир, должен следить за выполнением этого приказа и учить, как нужно сделать, чтобы его выполнить.

Учить... А он всегда знает, как нужно делать?

Ребята вернулись чуть позже, чем он их ожидал. И оба

странные. Сутоцкий злой, с раздувающимися ноздрями чуть вздернутого носа. Он ненавидяще поглядывал на бледного, с поджатыми губами, словно закаменевшего Шарафутдинова. Они сразу прошли в сосновые заросли, что окружили несколько старых, Далеко отстоящих друг от друга сосен, и залегли. Что ж... И появились грамотно, и замаскировались правильно.

Матюхин сошел на землю, обулся и тоже улегся возле ребят.

– Докладывайте.

– Пускай эта силявка докладывает! – прошипел Николай и отвернулся.

– Старшина Сутоцкий! Вы, кажется, забыли, что получили боевой приказ! За его невыполнение – расстрел! В любом месте.

Николай круто повернулся с боку на бок и приподнялся на локтях. Видно, он сразу заметил во взгляде младшего лейтенанта нечто такое, что подсказало: Матюхин на пределе. А каков предел на войне, Сутоцкий знал...

– Дорога действительно есть. Даже улучшенная и, видно, прорубленная. Движения войск не наблюдалось. Прошла одна легковая машина и с десятков грузовых с досками. Линий связи не обнаружили. Все.

– А вы что заметили, товарищ Шарафутдинов?

Гафур попытался было вскочить, но Андрей придержал его за плечо.

– Лежи.

– То же самое, товарищ младший лейтенант.

– Понятно... Какая машина, Сутоцкий? Какие доски?

– Ну какая?.. Обыкновенная... Крытая... Маленькая...

– Сколько человек в ней сидело и кто?

– Не успел рассмотреть. А рассмотрел бы – документы принес.

– А доски какие?

– Чего ты пристал? – возмутился Сутоцкий. – Обыкновенные доски!

«Больше я этой неврастении терпеть не буду! – решил Андрей. – Как и панибратства. Сегодня же поговорю с Николаем. Если не понимает сам, нужно подсказать, а то и заставить».

– А вы, Шарафутдинов, что скажете?

Гафур быстро, остро-вопросительно посмотрел на Николая.

– Машина странная, товарищ младший лейтенант. Ехала медленно и на ямках очень тяжело скрипела. Прямо переваливалась. Сидели в ней двое. У шофера справа – пулемет. У второго офицера, он в высокой фуражке, – автомат.

– Пулемет сквозь стекло?

– Так точно, товарищ младший лейтенант. Я очень удивился – как это сквозь стекло? Потом смотрю – правильно, в стекле – дырка. И стекло странное – как бы туманное.

– Так... А доски какие?

– Это не доски, товарищ младший лейтенант. Это бруски такие, опиленные, квадратные.

– А почему вы не доложили обо всем замеченном старшему в группе?

Гафур опять взглянул на Сутоцкого и промолчал.

– Старшина, а вы почему у него не расспросили обо всем замеченном? И что это за машина? Она действительно с дуле метом?

– Ну, с пулеметом... А какое это имеет значение? Доски какие-то... На лесозаготовки сюда приехали, что ли?

И на этот раз у Андрея еще хватило выдержки сдержаться.

– В самом деле странно, – протянул он, вытаскивая карту. – От передовой вывозить пиломатериалы в тыл. Впрочем... Впрочем, смотрите, вот здесь лесопилка. Тартак, – отметил он почему-то по-польски. – А дорога... Дорога идет по просеке. Как раз в район, занятый танкистами. А от них, возможно, к станции. А что брусья?.. Так брусья наиболее дорогой пиломатериал. Так что все как будто верно. Больше ничего не слышали?

– Никак нет, товарищ младший лейтенант! – быстро отпартовал Гафур.

На этот раз Сутоцкий посмотрел на него с откровенным презрением.

– А я слышал вот что. – Андрей рассказал обо всем, что он слышал, и заключил: – По-видимому, эсэсовцы стоят на месте довольно прочно. Но нужно будет понаблюдать за ни-

ми с другой стороны. Давайте посмотрим откуда.

Он развернул перед разведчиками карту. Синим кружком на ней был очерчен район сосредоточения эсэсовцев – лес, река, перелески, несколько деревенок и, значит, полей в их округе: идеальное место для занятий танкистов.

Как раз в это время стал спускаться с дерева Грудинин. Он аккуратно обулся, осмотрелся и прислушался, потом присел и закурил. И уж только после этого пошел к товарищам.

– Разрешите доложить, товарищ командир? – спросил он, не очень умело прикладывая ладонь к пилотке.

– Разрешаю, ложись.

– Танковые моторы вы, конечно, слышали? – Матюхин кивнул. – И выстрелы? Так вот я поначалу думал, что это у них боевая учеба. Но мне в прицел видно подальше, и вот что меня заинтересовало. Сколько было выстрелов и орудийных, и пулеметных, а ни одной трассы. Ладно бы пулеметной – день все-таки, трассер у пули слабый. Так и у снарядов трассеры не срабатывали. И опять-таки – если бы они стреляли бронебойными, значит, без трасс не обошлось бы. А если бризантом или там, к примеру, осколочным – где-нибудь, а должен же был быть разрыв. Хоть если бы снаряд в цель попадал, хоть перелет бы давал. Но должен же был быть разрыв? А?

– Должен, – согласился Андрей, уже понимая, что Грудинин отметил то, что просмотрел, вернее прослушал, он. Артиллерист называется! Экая шаблонность мышления! Ведь

на то он и разведчик, чтобы все замечать.

– А разрывов не было?

– Не было.

– Тогда все, товарищ командир. Раз и вы так думаете. –
Ладно. Давайте думать, куда и как выходить.

Они долго путешествовали по карте и решили обходить район дислокации противника справа, чтобы заодно проконтролировать и железную дорогу – там можно было подобраться и к ней. Сутоцкий иронически спросил:

– А сигналы подавать сюда будем бегать?

Гафур и Грудинин тревожно посмотрели на Андрея. Неужели командир дал промашку?

– Сигналы действительны во всей полосе армии, – очень сдержанно ответил Матюхин, и Сутоцкий потупился: Андрей опять подходил к пределу.

Днем они наблюдали, выбирали примерный маршрут, вечером подремали, а в двенадцать ночи Андрей дал условный сигнал две ракеты – противник на месте.

Только после этого они снялись с места и двинулись несколько наискосок того хуторка, на который они собирались выйти. В три часа ночи Гафур залез на сосну и дал следующую пару ракет. Уже выровняв маршрут, Андрей подзвал Гафура:

– Передовая видна?

– Да. Осветительные ракеты и зенитные трассы. – Хорошо видны или только просматриваются?

– Хорошо!

– Тогда можно забираться поглубже, ракеты сильные.

К рассвету группа Матюхина вышла к лесному хуторку. Здесь должно было быть несколько домов и поля с огородами. Но ничего этого уже не осталось. Обелиском торчала труба над русской печью, и пряно пах бурьян, который хорошо разрастается на пожарищах.

Но дальше, там, где на карте поля спускались в низинку речушки, бурьяна не было. Плыл легкий туманец, и они не сразу разобрались, что попали на большой, даже огромный огород. Тщательно спланированный и не менее тщательно ухоженный.

Впереди из тумана поднимался старый сенной сарай и еще какое-то кособокое строение. Пахло свежеполитой, хорошей землей. Грудинин вздохнул поглубже и отметил:

– Компосты делают. Из ботвы.

Только после этих слов Матюхин уловил слабый кисловатый запах от невидимых компостных куч. Сутоцкий нагнулся к Андрею и шепнул:

– Пошуруем! – Глаза у него поблескивали даже в сумерках, а в движении, в фигуре появилось хищное, стремительное...

– Нельзя, – покрутил головой Матюхин. – Сидеть или ползать тихонько.

– И ты туда же...

Мгновенно вспомнились его перегляды с Гафуром, и Ан-

дрей спросил:

– Шарафутдинов тебе уже напоминал?

Сутоцкий отшатнулся и отошел.

– Пара Сутоцкого на месте. Грудинин, за мной.

Пригибаясь и прислушиваясь, они прошли между грядок к сараю. Там на сене спали работницы и дети. От сарая прокрались к избушке-полуземлянке, заглянули в темное окно, прислушались и осторожно приоткрыли дверь. Пахнуло конским потом и махоркой. Хриплый простуженный голос спросил:

– Кто там?

Матюхин ответил по-немецки:

– Свои. Не бойся.

Чиркнула спичка, и засветилась стеариновая плошка. На топчане сидел босой старик в распахнутом немецком кителе и старых советских солдатских брюках. Он не спеша почесывал впалую грудь и раскуривал сигарку.

– Что надо, пан?

– Никто не заходил к вам? – опять по-немецки заговорил Матюхин. – Нет ли здесь или поблизости наших солдат?

– Нихт зольдатен, – ответил старик и отвернулся к окошку. Грудинин немедленно загородил его собой. Старик отвернулся в другую сторону.

– А чем вы здесь занимаетесь в такой поздний час? – спросил Андрей.

Старик каменно молчал, потом вдруг стал обуваться –

быстро и сноровисто. Встал, застегнул немецкий мундир и спросил:

– Чеснок? Шпинат? Капуста?

– Ладно, – переходя на русский, махнул рукой Андрей. – Кем здесь пристроился?

Лицо старика не дрогнуло, только на мгновение чуть расширились глаза.

– Огородник... По-старому, по-колхозному – бригадир, А по-немецки... Ей-богу, не выговорю.

– Немцы есть?

– Нет. Тут их всего двое – начальник да кладовщик. Они в деревне живут. Там у них тыловая контора.

– А что за женщины спят в сарае?

– Заночевали. Третий день на уборку гоняют, им туда-сюда ходить не захотелось. Да и боятся: красные самолеты зачастили. Начнут бомбить – не обрадуешься. Вот они и здесь... Которые с детишками, которые одни... Да и прокормиться здесь легче.

Старик отвечал быстро, но слишком уж заученно и так, как можно отвечать любому – и немцу, и русскому, и полиции.

– Садись, отец, – предложил Матюхин, и старик сразу же опустился на топчан. Андрей сел на ящик из-под консервов так, чтобы видеть дверь. – Не будем скрываться. Мы разведчики.

– Партизанские?

– Нет. Красной Армии.

– Далеконько забрались...

– Служба.

– А чем докажете?

– Чем же доказать? – усмехнулся Андрей и повернул под капюшоном маскировочной куртки пилотку звездой вперед. – Смотри.

– Понятно... – кивнул старик. – И чего ж вам надобно?

– Давай по порядку: что это за огород?

– Обыкновенный. Снабжаем овощами и зелеными ихние столовки. Солдатские маленько похуже, офицерские много лучше.

– Всех снабжаете или только эсэсовцев?

– Раньше всех, а теперь только эсэсовцев.

– Это ж почему такое изменение?

– Урожай... Август ведь...

– Так урожая должно на всех хватить.

– Не знаю. Нам как приказано. Приказано все эсэовцам отвозить, вот я и вожу. Другой раз и они приезжают.

Нет, он не собирался радоваться прибытию советских разведчиков, не спешил открываться, не рвался в помощники. Он выжидал, тянул время, и Андрей не знал, что нужно сделать, чтобы заставить старика раскрыться. Ведь если он возит овощи эсэсовцам, он многое знает. Видит и знает. От окошка подал голос Грудинин:

– Тебя как кличут-то?

Старик, не поворачиваясь, все так же ровно ответил:
– Егором. А тебя?
– А меня Николаем. Я – зимнего Николая.

– Ага... Ну что, зимний Николай, дал бы ты мне закурить хоть штучку – своя махорка еще не дошла, курю прямо-таки зеленый лист. Дерет уж очень.

Грудинин вынул кисет и кинул его на стол перед стариком. Тот не торопясь развязал его, вынул газетку и стал разворачивать. Андрей и Грудинин переглянулись – хитер старый. Как разыгрывает: «Дай хоть штучку!» Ведь полицейские и немцы курят сигареты. И не стал спешить, а прежде всего рассматривает газету.

Старик читал газету, далеко отставив от себя, натужно шевеля губами. Он прочел общую часть сводки Софинфорыбюро, перевернул газету, прочел все заголовки, заглянул вниз, прочел и номер полевой почты.

– Да-а... Вот оно, значит, как получается... На юге их лупят, а они здесь шевелятся.

– Как это – шевелятся? – подался вперед Матюхин.

– Не спеши. Когда-никогда, а расковать нужно. По газетке вижу – наши. Рискну. – Он развернулся к Андрею и, навалившись на столик, доверительно зашептал: – Сматываются эсэсовцы. Видать, на юг подаются.

– Отец, ты не путаешь? Партизаны бы узнали...

– Фиг с редькой они такое узнают. Откуда им? Железнодорожники и то не знают. И я в аккурат только вчера догадался. Второй день по три, а то и по пять эшелонов уходят.

– Слушай, мы же второй день здесь, и мы бы услышали.

– Ха! Партизаны не узнали, а они б услышали! Ведь они

как поступили? Ден пять назад, в ночи, прибыл на станцию вроде ремонтный поезд, это мне стрелочник знакомый, за семенами ко мне приходил, рассказал. И за ночь выложили в лес ветку километра на два. Сверху сеткой замаскировали. Вот. И уже третий день, как темнота начинается, на станцию подается два, а то и три эшелона порожняка. Стоят себе на запасном пути. Потом на рассвете приходят эсэсманы, все прочесывают наскрозь, всех разгоняют и эшелон – на ветку. Там и грузят. И танки, и машины, и пушки.

– А стреляют зачем?

– Как это зачем? Они же раньше каждый день занимались. То одни, то другие. Люди окружающие и привыкли – стреляют, ну и пускай стреляют, хай они скажутся. И никому до них дела нет.

– Понятно. А почему же считаете, что они уходят, может, наоборот, пополнение получают?

– А они, значит, как грузятся? Еду я вчера утречком, везу зеленыя, приказали к рассвету подать две подводы, в эшелон выходит. Как бы на дорогу. Эсэсовцы – народ балованный, им все свеженькое. Ну вот, везу, а мне вперерез, по лесной дороге, целая экспедиция. Один танк второй тянет, а к ним еще две машины с орудиями прицеплены. Ползет прямо к ветке. Я остановился, вроде хомут на второй подводе поправляю, – это я за первую прячусь, – и гляжу. Вот та экспедиция по такой пологой настилушке и поехала прямо, видать, на платформы. А вскорости еще одна такая петрушка

тянется. Сдал я свои зеленя и поехал не на огород, а прямо в деревню, вроде к начальству, а сам зашел к стрелочнику, он тоже в деревне живет. «Куда это, – говорю, – фрицы налаживаются?» – «Машины, – спрашивает, – что ли?» – «Да, – говорю, – и машины. . .» – «Кто ж их знает, – отвечает, – должно, на ремонт, а лес, – говорит, – прямо в Германию адресуем. Как всегда». И ведь верно! Второй уж год он с этой станции пиломатериалы в Германию возит. У нас тут в округе несколько лесопилок, и все работают. Все вроде верно. А я проверил: «А танки, – говорю, – тоже в Германию?» – «Да ты что, – говорит, – заболел? Уши у тебя заложило? Они ж как всегда режут. И я, – говорит, – ни разу танков на платформе не видел». Вот поехал я домой, слушаю, как локомотив подали, как второй эшелон втянули, и опять танки зарычали, опять стрельба. И тут меня и осенило. Вот, думаю, значит, как получается. Они танки досками или там брусом обкладывают, и ни один черт не догадается, что под теми пиломатериалами. Драпают эсэсчики, драпают. Но ночью я, однако, сомневался: намедни бой до нас донесся, даже «катюши» играли, немцы их ужасно боятся. Думаю, плохи у нас дела, если наши не наступают, а немцы не только воюют, но еще и танки свои перебрасывают. Значит, им здесь непротив кого воевать. А газетку прочел, понял: вот почему их туда гонят. На юге у них дела плохие.

– А вы что, ничего и не знали о нашем наступлении на юге?

– Откуда ж узнаешь, милый человек? Мы ж тут как медведи в берлоге на переломе зимы – хоть вой, хоть молчи, никто ничего не услышит и не узнает. Ежели вперед – там солдатня немецкая, хоть что, да проговорится. Ежели назад – там партизаны, нет-нет да листовку кинут или газетку передадут, а то кто завернет, как в прежние времена, политинформацию сделает. А здесь мы как бы посредине. Никому до нас дела нет.

– Понятно... Партизанам о своих догадках сообщили?

Старик приподнялся от стола, выпрямился и удивленно посмотрел на Андрея.

– Ты что ж думаешь, милый человек, партизаны наподобия грибов? Раз лес, значит, и партизаны? Кому я сообщу? Да хоть бы и сообщил, так, думаешь, они мне поверят?

– Что, из веры вышел?

– Окончательно! Одно то, что партизаны сына моего старшего, полицейского, застрелили, второе, они знают, что дочка моя замужем за полицаем, а третье – я ведь и сам у немцев в начальниках хожу – вишь, какие огороды для панов развел? А ведь работает здесь кто? Бабы! Особенно те, у кого мужа или там сыновья в Красной Армии или неизвестно где. А неизвестно где, по нашим понятиям, значит, в партизанах. Так что ж ты думаешь, если я их тут гоняю, так они за меня свечку ставить будут? Или своим не шепнут, какой я их гонитель являюсь? Шепнут! Вот почему партизанские разведчики ко мне и не ходят.

– Ну а если наши придут? – несколько обалдело спросил Андрей. Он не знал – верить Егору или не верить.

– А чего мне их бояться? Разберутся!.. Одно то, что хоть я сын он мне, а я его... не очень и жалею. Неудачный он получился. В армии не служил. Все самогон да бабы. С него при наших никакого толку все равно бы не было. А второе, как я замечаю, зять у меня не такой уж и дурак. Так, по вопросам, по заглядкам понимаю, он с партизанами снюхался. Опять-таки третье. Два сына у меня в армии, дочка, поскольку она фершал, тоже не минула. Наши зачтут. Да и я не такой уж дурак. Огородник. Травы знаю преотлично... Тут у нас ферма молочная была. Для госпиталей молоко поставляла. Ну, скажи, напал на скотину мор! Вздутие живота – и копыта на сторону. Вот ведь какое несчастье...

– Что ж это вы мне рассказываете? А вдруг я из полицейских?

– Не-ет... На тебя я поначалу погрешил маленько – взгляд у тебя тяжелый. Ты, видать, насмотрелся, хоть и молодой. Неулыбчивый у тебя взгляд. А вот у Николы-зимнего, сразу видно, свежий взгляд, легкий. Я, милый человек, как с германской вернулся, только хозяйства начал ставить – тут немецкая оккупация. Накрутился. Потом гражданская война. То одни, то другие. Потом польская оккупация. Ко всему приобвык и многое чего вижу. Так что ты насчет меня не сомневайся, но проверять проверяй. А вдруг я сбрешу? И еще я тебе скажу. Поостерегись. Тут дозоры с овчарками че-ер-

ными так и шастали. Правда, вчера уж не было. Но, может, вернуться.

– Спасибо. Поостерегусь.

– Храни тебя бог, а все ж таки уходил бы... Зорька вон разгорелась, а начальничек мой немецкий хлопотун: не ровен час появится. Поскольку тебе меня проверить нужно, подавайся ты отсюда влево. Те, что здесь поблизости стояли, те все ушли. Теперь, надо думать, дальние поедут. Там у них дорога новая, вот они за дорогой и стоят. Начальничек мой вчера предупредил, что повезу дальше, чем обычно. И машина придет. Надо ээсовцев витаминчиками снабжать. Надо... Может, они на юге перепреют, все земля богаче станет.

Они попрощались, и Егор попросил у Грудинина:

– Слышь, Никола-зимний. Оставил бы ты мне газетку, а? Ведь как-то на душе с нею радостней.

– Так мне не жалко... Только ж бумага...

– А бумаги я тебе дам. Дам, милый ты человек. Немецких газет, ясно, не дам. У них бумага тонкая, глянцевая, для курева неспособная. Я тебе старую газету дам. У меня в ей фото замотаны. Так я перемотаю.

Он полез под топчан, достал из сундучка сверток и перемотал газеты.

– Держи. Кончится война, приезжай. Разыскивай Егора Грубого. То я как раз и есть. Охота у нас сказочная! А я тебя По глазам остреньким вижу – ты охотой балуешься.

С Грудининым Егор попрощался за руку – признал свое-

Ночью капитан Маракуша провожал вторую группу в тыл врага. Ось ее движения должны были пересечь разведчики Матюхина, и Маракуша предупредил, что, если обе группы столкнутся, пусть самостоятельно разделят зону границами наблюдения.

Поставить задачу, проверить подготовку к переходу и сам переход поехал полковник Петров. Поэтому его встреча с майором Лебедевым оказалась мимолетной. Полковник уже по дороге к машине рассказал о положении дел и приказал сидеть у телефонов, знакомясь с новой документацией.

Донесения с передовой, процеженные офицерами разведок полков и дивизий, приходили покойные, деловитые. Наблюдатели отметили сигналы группы Матюхина, и Лебедев почувствовал себя спокойней. Однако разговор с Кашириным не позволял удовлетвориться только донесениями. И он, пользуясь относительным бездельем, вызвал к телефону командиров полковых разведывательных взводов тех дивизий, на стыке которых уходил в тыл Матюхин.

Как и предполагал Лебедев, все оказалось серьезней. Полковые наблюдатели докладывали командирам взводов о движении отдельных групп противника на луговине: солдаты развернутым строем двигались к дальнему лесу, слышался собачий лай. Но офицеры разведки в полку не посчитали эти события достойными внимания. Противник и раньше за-

нимался боевой подготовкой, и раньше в его ближнем тылу случались взрывы собачьего лая.

Лебедев поблагодарил командиров взводов и связался с артиллеристами. Те, со своей мощной техникой, могли сообщить дополнительные данные. Но оказалось, что такие мелкие цели, как отдельные группы противника, их в данной ситуации не интересовали, – бить по ним далеко, точности попадания не жди, а снаряды приказано экономить. Майор попросил артиллеристов уточнить непосредственно на НП интересующие его вопросы и занялся документами. К утру приехал полковник Петров и спросил так, словно Лебедев не был в госпитале, а все время оставался в штабе:

– Что от Матюхина?

Лебедев доложил и не удивился поведению полковника: все правильно. Раз на рабочем месте, значит, должен работать.

– Хорошо. Я немного отдохну, а вы подежурьте.

– Как с остальными?

– Нормально. Маракуша – толковый офицер. Переход организовал умело, воспользовался болотом, наделали фашин с помощью саперов и переползли... Да... Вот что самое главное – от недосыпа голова звенит, начинаю забывать. Сегодня забросили к партизанам взвод из дивизии Лунина. Самолет вернулся, пилоты доложили, что все в порядке – сдали с рук на руки. Высадились глубоко в тылу. Но от аэродрома разведчиков перебросят прямо к ближним партизанам. Вместе

с ними наши должны будут пощупать противника с тыла, с запада и в случае нужды организовать диверсии. Связь с этой группой держим по радио. Радисты стоят вот здесь, – полковник показал на карте точку. – Километра два западнее Радова. Днем не забудьте проехать к радистам и проверить, как идут дела. Слепить за этой группой будете лично. А мы с Маракушей в эти дни займемся еще одной группой.

Они попрощались.

Позвонили артиллеристы и стали подробно докладывать о выполнении его просьбы. Сведения подтвердились. Противник вел прочесывание местности, используя собак. И это погасило радостное настроение. Майор уткнулся в карту, раздумывая, чем можно помочь разведчикам, над которыми нависла беда.

Зазуммерил телефон, и Лебедев снял трубку с досадой: мешают думать.

– Майор Лебедев, – буркнул он в трубку.

– А-а! Явился герой ночных сражений, – зарокотал командармовский голос. – Шею не совсем свернули? Нет? А надо бы, чтоб понимал – лихость в таком возрасте, а тем более в таком чине до добра не доводит. Ну ладно, ладно, не сопи. Главное, живой и при деле. Так вот, как там с вашими делами?

Лебедев доложил – четко, ясно, но отчужденно-деловито: он еще не знал, как оценивает его поведение командарм. Судя по голосу и грубоватым шуткам, все в порядке. Но... Но

лучше не расслабляться.

– Вот что, майор. Матюхинским следопытам я ставил задачу лично. Но этого мало. Вместе с Добровольским мы дали им еще одно чрезвычайно важное задание. Какое – скажу при твоём личном докладе, но после того, как я тебя выпорю за твоё мальчишество. А теперь я тебе даю личное задание: следи за ними. Кстати, ты в них уверен? Лично, я имею в виду?

– Товарищ первый, мои люди – с меня и спрос. Но скажу честно, всех не знаю. Ведь там двое новеньких. Но если их отбирал командир, а командир роты дал «добро», полагаю, что оснований для волнений нет. Подали сигнал.

– Ладно. Следи и докладывай.

Под утро Лебедев поспал, а когда проснулся, увидел на лавке капитана Маракушу – небритого, в забрызганных грязью сапогах. Шинель с него сползла, фуражка свалилась, и черные волосы прилипли ко лбу.

Лебедев не стал его будить, привычно подготовил сводку, сходил на завтрак и, увидев умывающегося шофера, крикнул:

– Приготовь ключи, скоро поеду!

Шофер выпрямился, радостно уставился на майора, но ответил странно:

– Никак нет, товарищ майор. Ключей не будет!

– Это ж почему?

– Запрещено передавать ключи от машин кому бы то ни

было Даже под пистолетом. Все. Отъездились.

– Это ж кто приказал?

– Лично начальник штаба, а под приказом все шоферы расписались.

Это огорчило Лебедева. Не хотелось, чтобы шофер знал, куда он заедет и почему. Но, глядя в его радостное, веселое лицо, мгновенно припоминая все, что им пришлось пережить вдвоем, он вдруг понял, что шофер не только сослуживец. Он еще и друг. Верный и надежный. И, подчиняясь этой несвойственной ему вспышке сентиментальности, Лебедев подошел к нему и обнял за худенькие, незагорелые плечи.

– А знаешь, чертушка, я ведь о тебе соскучился.

– И я. Каждый день все канючил у полковника – отпусти-те к майору. Куда там – все в разгоне... Но главное – вы живы. – Он посерьезнел. – Мы тут с ребятами обсуждали: ведь если бы мы вместе тогда поехали, могло стать, кто-то и не вернулся.

– Ерунда. Случай! Но считай, что я за тебя твои пули принял.

У радистов известия оказались радостными. Шифровальщик передал радиограмму, из которой явствовало, что разведчики благополучно достигли ближних партизан. Во второй половине дня начнут работу. Предварительные данные о противнике: остаются на месте, ведут боевую подготовку в обычное время, в обычном месте и обычными силами. В воскресенье проводят футбольный матч.

Ну что ж... Все идет правильно, все грамотно. Одна группа подстраховывает и контролирует другую. В таком деле, как разведка, это и есть высший класс точности.

Шофер развернул машину так, чтобы сразу двинуться в штаб, но Лебедев приказал ехать в Радово.

Не доезжая до штаба тыла, они остановились.

– Идите, – сказал шофер, – а я поеду заправлюсь.

Они стояли в бывшем школьном саду. Теперь здесь торчало несколько спецмашин – тяжелых, неуклюжих, но людей почти не было. Дуся прижимала к груди какие-то бутылки.

– Тут у нас девчонки – травницы. Вот... – она толкала бутылками ему в грудь. – Настои. Сами делали. Очень помогают.

– От чего они могут помочь? Вы ж даже не знаете, что у меня.

– От ран. Всяких ран. Потом они укрепляющие. Вам нужно. Вы ведь еще бледный. Я же вижу.

Поговорив о разных разностях и пустяках, Лебедев, как бы между делом, сказал, что начальство благодарит и ее, и ее девчонок за сообщение о соседке.

– А я знаю.

– Откуда?

– А у нас были Беседовали. И у нее были. Нам велели молчать.

Подъехал «виллис», и они распрощались.

– Завтра я подскочу, – пообещал он и спросил: – Какое

белье висит – красное или белое?

– Красное... А... зачем все это? Так нужно?

– Да. Нужно, – кивнул он.

В штабе он опять заехал к Каширину и от него узнал, что красное бельё оказалось сигналом отхода наших резервов. Немецкий шпион купился на нехитрую удочку.

Но совпадение методов сигнализации – разноцветные ракеты у разведчиков и разноцветное бельё у немцев – огорчило и заставило задуматься. Связь – вот что главное. Как поможешь Матюхину, как его предупредишь о грозящей опасности?

Дома его ждал полковник Петров:

– Командующий торопит: сверху требуют ускорения событий. Командарм жметесь, ссылается на эсэсовцев и на этом основами выпросил из резерва фронта целую танковую бригаду. Сейчас для него главное – эсэсовцы. Впрочем, как и для фронта.

– Подождем ночи, – ответил майор.

И он принялся за свои дела, но вдруг вспомнил о телеграмме от партизан и спросил:

– Товарищ полковник, а на кой черт они затевают этот самый футбол?

– Н-ну,,формально, почему бы и не отметить воскресенье хорошим отдыхом? А вообще стоит подумать.

Полковник ушел, а Лебедев позвонил Каширину. Тот выслушал сообщение о предстоящем футбольном матче и

предложил зайти к нему.

– Не могу. У телефона.

– Ладно, подскочу сам.

Он пришел со свертком, выложил из него сухарики и вчерашнюю початую бутылку.

– Послушайте, майор, я убежден, что сообщение о футбольном матче либо ерунда, либо очень важный ход. Что слышно от Матюхина?

– Дал сигнал – противник на месте.

– Врать не станет.

– Ну а раз так, то что значит сообщение о футбольном матче? Зачем партизаны сообщили о нем?

– Они, конечно, лучше об этом знают, – улыбнулся Каширин и налил коньяку.

– Мне думается, что партизаны подчеркивают этим: «Наша разведка точная, мы на месте. Вот даже какие подробности нам известны. Так что верьте». Но чему верить? Вчерашний наш разговор заставил задуматься, и я пришел к выводу: после неудачной операции по вырубке своих разведчиков у них должен быть хоть небольшой, но траур. Тем более он совпал с нашим успешным наступлением на юге. Судя по немецким сводкам, там пока ничего страшного не происходит. Разгромлены, мол, советские танковые бригады, захвачены пленные, и только кое-где Для выпрямления линии фронта оставлено несколько населенных пунктов. Но ведь немцы научились читать такие сводки между строк. Они по-

нимают, что на юге – серьезно. Поэтому, может быть, местное командование просто старается поднять настроение, показать, что ничего особенного не случилось.

– Вариант возможный. Я бы даже сказал, что для прошлого единственно возможный. Что-то, а показная пропаганда у фри-Цев поставлена отлично. Но сегодня, при нашем с вами противнике-разведчике, мне кажется, есть и другой вариант. Следите За мной. Едва наши шоферы и ездовые подались в тыл, убежденные, что им предстоит погрузка – а их именно так и ориентировали, – некто, теперь уже почти точно известный, заставил сигнальщицу из Радова сменить цвет белья. На допросе она призналась, что такой цвет предусмотрен на случай, если от нас начнут грузиться войска. От нас! Но давайте подумаем: какой же это, к черту, разведчик сидит у нас в тылу, если он первые же и довольно наивные сведения о погрузке сразу же принимает за действительность? У него даже в мыслях нет перепроверить данные, уточнить их. Он сразу принимает решение! Вы бы так поступили?

– Нет, разумеется.

– Вот я и думаю, что-то тут нечисто.

– А что ж нечистого?.. Возможно, этого резидента все время бомбардируют приказами установить и проверить отвод наших резервов. Он мечется, ищет, находит, а его ругают. Грозят ему. Так тут, конечно, едва увидев нечто похожее, можно сразу сделать выводы, которые от тебя ждут.

– И я так считаю. Запеленговать этого резидента мы не

можем. Очевидно, у него только приемник. Но давайте проследим цепь событий последних дней. На юге готовится наше наступление. Высшее фашистское командование обеспокоено. Оно понимает, что потребуются резервы. И начинает прикидывать, откуда их взять. Эсэсовцы в резерве, давно бездействуют. Встает естественный вопрос: можно ли их снять с этого участка? Однако собака принесла известие – на этом участке солидные резервы и у русских. Вывод: снять эсэсовцев – значит поставить под угрозу этот участок фронта. Надежда: у русских не так уж густо с войсками, и для развития успеха на юге они снимут резервы здесь. Понимаете, они живут этой надеждой, им хочется, чтобы эти резервы ушли. Вот они и теребят своего резидента. И он, наэлектризованный, взвинченный, принимает первые же известия за истину. Все правильно.

– А раз это так, то Матюхин не справился с задачей?

– В каком смысле?

– Эсэсовцы уже снялись или снимаются, а он этого не заметил.

– Мы ведь говорили вчера, что противник перед нами умный. Я думаю, что уход танкистов обставлен очень тонко. Как видите, партизаны тоже ничего не заметили.

– Вы думаете, что футбольный матч рассчитан на партизан и возможных разведчиков?

– Думаю. И вот почему. Как же нужно разрекламировать этот матч, если о нем узнали даже партизаны! Ведь связи у

них с этим районом, кроме пешей, нет. Посчитайте. Партизанский разведчик пришел на станцию или в округу. День потерялся, нашел своих людей, усек положение – это полдня или ночи. Дорога назад – опять день. Значит, по крайней мере, двое суток. Видите, как давно говорят об этом матче. Причем так легко, что даже партизанские осведомители и те знают. Непростительная беспечность или, наоборот, преднамеренные действия: иметь под боком партизан и сообщать всем и каждому о таком массовом и мирном мероприятии, как матч. Нет, Лебедев, дело не мое, но вам надо думать быстро. Эсэсовцы снимаются или вот-вот снимутся. Как – неизвестно.

– Две новые группы уже ушли.

– Знаю. Но они пока еще подойдут и займутся делом... Давайте сделаем так: я доложу начальству о своих предположениях. То же сделаете и вы. И мы оба по своим линиям поставим в известность вышестоящие штабы. Надеюсь, что те проявят достаточный интерес и подключат дальнюю разведку. Во всяком случае, прозевать ни нам, ни вам такое нельзя – головы снимут.

Так началась вторая тревожная ночь Лебедева. Он докладывал полковнику, потом лично командарму, писал шифровки, принимал их и все время с нетерпением ожидал сигналов из-за линии фронта. В двадцать два часа ему позвонили.

– Замечены две ракеты примерно из того же места, что и

прошлой ночью. Первая ракета была зеленой, вторая – красная.

Вторая группа – двадцать два часа и два часа – это вышло ее время сигналов – приступила к работе и движения у противника не обнаружила.

Они пошли назад, но новым путем – поближе к тому месту, которое на карте было очерчено синим кружком. Следовало проверить слова Егора Грубого. Матюхин верил ему, но проверить обязан. По дороге он сообщил Сутоцкому и Гафуру о добытых сведениях и о новой задаче – обойти месторасположение эсэсовцев с юга и подойти поближе к железной дороге. Напомнил об особой осторожности и предупредил, что в случае чего хоть один оставшийся в живых должен будет подать сигнал. Новый сигнал – танкисты грузятся.

– Вот и все, товарищи.

– Товарищ командир, – деликатно покашляв, вмешался Грудинин. – Оправляться нужно было бы только в воду. Собаки этакое дело за версту чуют.

– Где ее найдешь, ту воду, – проворчал Сутоцкий.

Вот это ворчание и стало той частичкой, которая наконец довела Андрея до бешенства. Не понимать таких простых вещей! Разведчик называется!

– Сутоцкий, за мной! Грудинин старший в паре с Шарфутдиновым.

Он убыстрил шаг, и, когда от второй пары их отделяло

метров сорок, Андрей сказал:

– Вот что, старшина Сутоцкий, ведете вы себя как последняя дешевка. Кто бы я ни был, как бы я неумело ни вел дело, а вести себя так, как вы, подло. Не по отношению ко мне как к товарищу, а к нашему делу.

– Ты чего? – угрожающе понижая голос, спросил Николай. – Опять все заслуги себе взять хочешь? А я чтоб опять при тебе прихлебателем? Да кто тебя спас в прошлый раз? Забыл? На своих хвост поднимаешь?

– Молчать! За спасение спасибо. По гроб не забуду. А сейчас запомните: я – командир. Прекратите болтовню! Вернемся, тогда доложите начальству. И запомните: если еще раз услышу такое, пристрелю. Ты меня знаешь. Все!

Сутоцкий яростно пыхтел, потом немного успокоился.

– Слушай, чего ты? Что я, враг, что ли? Вижу, что не так ведешь себя, вот меня зло и берет.

– Врешь! Если бы ты был такой, как раньше, так ты бы мне все о глазу на глаз сказал, как я тебе сейчас, где я засыпаюсь. Вон Грудинин помогает. А ты? Имей в виду – мое слово свято.

– Подожди, Андрей...

– Хватит Андрея! До возвращения нет Андрея! Есть товарищ младший лейтенант. Почему у тебя такие отношения с Шарафутдиновым?

– Он что? Вам докладывал?

– Отвечайте вы.

– Ну, когда мы лежали в засаде, прошла машина. Легковская. Я попросил – прикрой меня. Я ее подорву и возьму «языка», враз все будет ясно А Шарафутдинов мой приказ не выполнил. Говорит, командарм приказал тихонько и смирненько. Я разозлился, а он мне, старшему, отвечает. «Мне командарм лично приказал, и только он может отменить свой приказ». – «Ну, – говорю, – черт с тобой, я сам ее сейчас резану». Так он на мой автомат навалился. «Стреляй, – говорит, – сначала меня». Ну а машина и проехала. Ушел «язык».

– Ну и сволочь же ты, Колька, – задохнулся Матюхин. – Ради того, чтобы выхвалиться, выдвинуться, ты поставил под удар все дело. Счастье твое, что Гафур тебя не выдал, а то я б тебя под горячую руку сразу же шлепнул.

– Это ж за что? За то, что я хотел как лучше? Видал – мы уже подали сигнал, что танкисты на месте, а они, сам говоришь, сматываются. А взяли б «языка», сразу и уяснили, что к чему.

– А ты уверен, что это ехали эсэсовцы? Уверен, что вам двоим удалось бы взять двух? Подняли вы стрельбу – сразу же известили врага – вот они мы, разведчики. Ну даже если б ты и взял «языка», даже если б он нам все и рассказал, так нам же еще ночи нужно дожидаться, чтобы сигнал передать. Ты об этом думал? Что мы здесь, ради собственной выгоды?

– К партизанам бы подались...

– Куда к партизанам? Сутки пробиваться? А ты уверен,

что «язык» бы не соврал? Без проверки разве ж можно? Нет, Николай, я тебе сказал все. Делай вывод. Снял бы тебя и со старшего, но...

– Вот именно – «но». Ты все темнишь, все скрываешь... С Грудининым вась-вась, а я так... пришей кобыле хвост.

– Ни с кем я не вась-вась. А просто... Просто не имею права пока что говорить. Скажу... придет время. Все. На этом кончили.

Они дождались вторую пару, и Сутоцкий поменялся местами с Грудининым. Шли по склонам высоты, и снизу едва заметно тянуло сыростью.

– Ручеек имеется, – отметил Грудинин.

– Вас как по батюшке?

– Васильевич. А что?

– Да так... хочется вас называть по батюшке.

– Что вы, товарищ командир...

– Ладно. Это к слову. Давай слушать.

Но утренний лес был тих и глух. Спустились вниз, поели, попили воды из ручья и по очереди вздремнули. Когда уже собрались уходить, Гафур толкнул Матюхина и глазами показал вверх. Там, на прогалинке между высокими деревьями, стояли два немца и собака – большая, почти черная, с подпалинами на груди и в подбрюшье. Собака смотрела на них, а ее поводь, придерживая одной рукой поводок, прикуривал у второго. Собака смотрела прямо на разведчиков, и уши у нее стояли торчком. Матюхин ногой толкнул Груди-

нина и шепнул:

– Видишь? Насадку! Время.

Грудинин осторожно полез за пазуху, вытащил насадку и надел ее на ствол винтовки. Действовал он, кажется, нарочито медленно, потому что Андрей успел несколько раз взглянуть на собаку. Она явно увидела или учуяла их и уже щерилась, уже вытягивала вперед свою острую, такую ненавистную Андрею морду. Немцы, к счастью, все еще прикуривали, и Андрей мысленно молил Грудинина: «Скорей, скорей же!» Но он так и не заметил, когда Николай Васильевич снял чехольчик с оптического прицела и оттянул пуговку, снимая затвор с предохранителя.

Щелчок показался нестерпимо громким. Перематывающий портянки Сутоцкий резко обернулся. Собака еще негромко рывкнула и натянула поводок. Немец что-то сказал поводырю, поводырь дернул собаку: успокойся.

Раздался второй щелчок и слабый хлопок. Собака подпрыгнула, издала странный утробный звук и упала. Немец растерянно посмотрел на нее и сейчас же стал валиться на бок. Второй оглянулся по сторонам и после третьего щелчка-хлопка опрокинулся навзничь.

Все произошло так быстро, так незаметно, что не только немцы, но даже разведчики так и не поняли толком, что произошло.

– Обходить их левее! На высоту! – приказал Андрей и бросился вперед.

Его догнал Грудинин и на бегу спросил:

– Может, убрать? А то наткнутся.

– Это когда еще будет, а мы оставим следы.

Они круто забрали влево вверх, перевалили через гребень высоты и вышли к дороге, почти в том же месте, где вчера сидели в засаде Гафур и Сутоцкий.

Лес был все еще тих. Отдышавшись, Матюхин восторженно посмотрел на Грудинина.

– Ну молодец! Как автомат.

– Младший лейтенант, что произошло? – спросил Сутоцкий. – я так и не понял. Отчего они попадали? Кто стрелял? Неужели Грудинин? Но чем?

– Он. Вот теперь смотри, – Матюхин ткнул пальцем в насадку. – Вот из-за этой насадки для бесшумных выстрелов мы с Грудининым и темнили. Но зато как она нас выручила. Ни звука! А ведь до них метров сто пятьдесят было, не меньше. Ну все! Теперь запрет и секретность сняты. Дожить бы до ночи и проверить Егора. Двинулись парами к дороге.

На этот раз впереди шла пара Матюхина. Они выползли на Ушку и осмотрелись. Справа от них на дороге стояло штук пять грузовиков с пиломатериалами. Шоферы сошлись

в кружок и курили. Потом подошли еще две машины. Соскочившие шоферы подбежали к курящим, что-то спросили и сразу успокоились.

Прошло немало времени, пока перед машинами дорогу пере, шло около взвода солдат в полном боевом снаряжении – с противогазами, ранцами и оружием. Они стали разворачиваться и ушли в лес.

– Прочесывать начинают, – шепнул Матюхин. – Могут на, ткнуться на наших немцев.

– Не думаю. Их человек сорок. Даже если через десять метров друг от друга пойдут, и то больше чем на полкилометра не наскребется. А мы их подстрелили в километре от дороги. Не меньше. – Грудинин подумал, прикидывая обстановку, и подытожил: – Энти, с собакой, либо заблудились маленько, либо старательные слишком.

– Почему?

– Я так понимаю, что сейчас пойдут танки и машины. Так чтобы их не засекли, решили прочесать лес по обе стороны дороги. С собаками послали вперед вроде как для разведки, а эти сзади на полный прочес.

– Может быть, и так., Но я еще вот о чем думаю – может, эти, с собакой, нас ловили? Ведь последнюю ракету мы примерно в том месте давали, только выше. Могли и засечь.

– И это возможно. Но если так, то мертвяков тех до вечера не разыщут.

– Почему?

– Они ж не одни были, а другие, наверное, нас окружают.

Далеко впереди и вправо, на юго-западе, взревел первый танковый мотор, и почти сейчас же над лесом пронесся самолет. Он летел низко и полностью заглушал звук мотора. Потом прошел второй, а через некоторое время и третий.

– Глушат, – отметил Андрей. – Надо перебежать дорогу и идти на запад, куда намечали.

– Парой побежим или все вместе?

– Давай рискнем парой. Наши увидят – поймут.

Группку шоферов скрывали две последние машины, и поэтому разведчики, согнувшись, выбрались на дорогу, выглянули из-за машины и, убедившись, что все шоферы смотрят вперед, двумя прыжками преодолели остаток дороги, юркнули в бурелом и ползком скрылись в зарослях. Только отметив, что все тихо, опять выползли к дороге. И вовремя. Ее стремительно перебежала вторая пара.

Они опять встретились и двинулись строго на запад, перекатами. По-прежнему летали самолеты, а с передовой иногда доносилась артиллерийская перестрелка. И тем не менее лес принимал в себя тяжкий натруженный гул. Кто бывал на войне, тот ошибиться не мог – шла мощная моторизованная колонна. Скорее всего танки попеременно с бронетранспортерами и автомашинами. Она была еще скрыта сплошной стеной леса, но уже близка, от гула трепетали листья осин.

Разведчики теперь не перебегали, а ползли, осторожно, чутко прислушиваясь к каждому треску и шороху. Но гул все

нарастал, и, когда неожиданно резко, словно совсем рядом фыркнул танк, они поняли, что дорога близка.

Матюхин поднял руку, приказывая остановиться, жестом подозвал Сутоцкого.

– Прикройте, выползу к дороге.

Он полз один, полз легко, успевая и прислушаться, и осмотреться, и даже принюхаться – чувства были обострены до крайности. Теперь он знал, что рядом проходит еще одна, не отмеченная на карте дорога, которая как бы вливается в другую, открытую ими раньше. И по этой дороге движутся самые дальние резервные части. Именно части – Андрей был уверен в этом. Противник решил сразу, одним броском перевести оставшиеся части к месту погрузки. Для этого он и затеял артиллерийскую дуэль, для этого пустил самолеты. Поэтому вдоль дороги прошли группы прочесывания. И то, что они были в полном боевом снаряжении, показывало – назад они возвращаться не собирались. На станции они погрузятся в вагоны и поедут дальше.

Дорога открылась сразу. Собственно, это была не дорога, а всего лишь просека. Вероятно, накануне этого марша саперы позаделали вымоины, кое-где наложили бревен, сделали настил, и теперь по нему шла и шла техника. Танки тянули автомашины и бронетранспортеры. Автомашины тянули пушки и кухни, а часть машин проходила по перегонному: передок второй лежал в кузове первой. Что ж... понятно. Пехота ведь пошла пешком, прочесывает...

Егор Грубый не обманул. Эсэсовцы следовали на погрузку. Но вот погрузятся они или нет?

Андрей вернулся, и все отошли в глубь леса, расстелили карту и стали держать военный совет. Просеки на карте не оказалось. Танкисты выдвигались явно из-за границы обведенного синей линией овала – видно, предыдущая разведка не слишком точно определила их месторасположение. Да и го сказать – такая махина, как танковая дивизия, могла и должна рассредоточиться на большей площади.

И только теперь подумалось: а может быть, и погрузочная площадка не одна? Может, танки грузятся и в других местах, а они об этом не знают? Эта догадка взволновала Андрея, но он сейчас же успокоил себя:

«Ну и что, если в разных местах? Скорее уберутся».

Как ни прикидывали ребята, а выходило, что к железной дороге они смогут выдвинуться только после того, как пройдут механизированные колонны. Ясно, что разрывов в них не дожидаться: самолеты долго летать не будут. А без шумового прикрытия колонны могут выдать себя.

Андрей разрешил отдых по очереди. В относительном покое и тишине лучше думалось. Карта подсказывала, что впереди поднималась покрытая лесом высота. А Матюхин терпеливо коротал свою смену с Грудининым. У каждого свой сектор наблюдения, свои обязанности. Потом поспали и они, а колонна все не кончалась. Только далеко за полдень прогремели последние танки, и все стихло. Зато издалека слы-

шались уже привычные выстрелы и пулеметная бестолочь. Теперь-то они знали, что к чему, и потому без особой опаски вышли к просеке, осмотрелись и пошли вперед, на запад, к железной дороге.

Высота оказалась вырубленной – внизу стояла лесопилка, и бревна, вероятно, легко скатывались вниз. С этой лысой, обезображенной высоты просматривалась и железная дорога.

По опушке они прошли к нетронутой стене леса, нашли густые заросли, и Грудинин, сняв сапоги, первым полез на высоченную сосну. После разведки местности влез на сосну и Матюхин. Слева виднелись узкие полосы полей. Правее виднелось большое село с приземистой церковью, выгонами, переходящими в луга. Прямо перед ними, в выемке между залесенными пологими скатами, проходила железная дорога.

В иное время она была бы незаметна, скрыта за лесом. Но, опасаясь партизан, немцы вырубали лес по обе стороны, и дорога лежала как на ладони. Уже через полчаса в сторону станции, возле которой грузились танкисты, прошел состав порожняка, а минут через десять от станции на юг проследовал эшелон. Впереди – закрытые красные вагоны, за ними платформы с лесом, с грузом, покрытым брезентом, и стоящими одна на другой машинами. Потом снова платформы с лесом и специальные крытые машины, украшенные свежей хвоей. Все правильно...

Часа через полтора прошел еще один эшелон, но часть платформ была замаскирована уже круглым лесом – вероятно, пиловочника не хватало, и немцы рубили лес прямо у погрузочной платформы.

Они наблюдали и слушали до самого вечера, и до самого вечера вдали слышались взревы моторов, стрельба, и до самого вечера время от времени проползали то порожняк, то эшелоны. Но порожняка было больше. Теперь сомнений не было – эсэсовцы действительно грузились и уходили.

В сумерки разведчики возвратились обратно и точно в двадцать четыре часа и в три часа ночи дали по две ракеты. Первая – красная. Вторая – зеленая.

Теперь им можно было забиться в чащобу, залечь и ждать наступления, чтобы выйти ему навстречу и доложить о выполнении обоих заданий: эсэсовцы выслежены, насадки проверены.

Но Матюхин помнил приказ командарма: если танкисты уходят – сигналить каждый день, вернее, каждые сутки. А это значило, что нужно проверять и проверять. Мало ли на какую хитрость может пойти противник. Вот почему, так и не дав ребятам отдохнуть, Матюхин опять перевел группу через просеку к лысой горе. Они постояли на опушке и услышали далекие пулеметные очереди. Немцы, кажется, обнаружили убитых Грудининым собачников и начали прочесывать лес. Однако Матюхина это уже не волновало.

На этот раз они отправились по опушке в сторону села,

поближе к станции я месту погрузки.

Как и всякое порядочное село, и это огибала река – изви-
листая, тихая, с древними ивами по берегам, с куртинами
берез и дубов на чистых, с крапинками поздних цветов на
выкошенных лугах. От них уступом поднималась высота, по
склонам которой шли разведчики.

Было тихо, покойно – ни выстрелов, ни гула моторов. Га-
фур вздохнул и сообщил:

– Воскресенье.

– На войне без выходных, – хмуро откликнулся Сутоцкий
и тревожно взглянул на Матюхина.

В эти сутки Сутоцкий как бы сник, держался скромно и
помалкивал, Андрей старался не глядеть в его сторону, и
старшина чувствовал это жесткое отчуждение.

На северо-западных склонах высоты пошел разнолесок,
сосны пропали. Тянуло прелью и грибами. Они попадались
на каждом шагу – сытые, подбоченившиеся белые, красно-
головые, ровные, как стрела, подосиновики. Иногда выпада-
ли россыпи рыжиков и лисичек.

– Вам не кажется странной такая тишина? – спросил Ма-
тюхин у товарищей. – Даже погрузка не ведется.

– Воскресенье... – опять вздохнул Гафур.

– Ну и что?

– Так у них же всегда в воскресенье потише.

Матюхин задумался. Гафур прав – немцы дисциплини-
рованно соблюдают воскресный отдых, особенно утренний:

молитва, жирный завтрак, некоторое расслабление. Но позднее словно спохватываются и делают те дела, которые остались от недели. Делают быстро, четко, но как бы скрывая от самих себя работу, переводя ее в удовольствие.

– Что ж... подождем, пока они отдохнут.

К полудню на выгоне за рекой стали собираться солдаты, потом начали подъезжать машины. Стало шумно и крикливо. Появилась походная автолавка. Возле нее толпились солдаты, солнце засверкало на бутылках.

Начался солдатский отдых – с песнями, лихими выкриками и танцами. Странно было смотреть на этот, словно бы и бесшабашный, но тщательно отрегулированный разгул: ни драк, ни пьяных, ни ругани. Все хоть и шумно, а очень-очень прилично и дисциплинированно. Лучшее место – старшим по званию, первый стакан пива или рюмка шнапса – им же. Должно быть, за это старшие по званию не замечали расстегнутых мундиров, закатанных рукавов – свобода на отдыхе есть свобода...

Машин становилось все больше, но гомон улегся, я отдыхающие немцы чинно расселись на траве вдоль давнего, видно еще колхозного, стадиона – на нем еще сохранились футбольные ворота. Конечно, офицеры уселись на принесенные, специально сколоченные, оструганные скамьи – солнце бликовало на них желтыми, масляными пятнами. Конечно, нашлись фотографы, которые уселись за обоими воротами.

За машинами уже прыгали футболисты в трусах и сапогах.

Но матч не начинался Ждали, видимо, начальство.

Оно появилось как раз вовремя – футболисты вышли на разминку. Каждая команда бежала со своей стороны поля. Бледные, незагорелые – с левой половины поля, где зрителей было побольше, а смуглые – с той, где среди зрителей, пятая зеленая травяной фон черными выходными мундирами, сидели эсэсовцы.

Начальство подъехало с двух сторон и одновременно, как по команде, стало занимать свои места, серо-зеленое, армейское, – на одной стороне поля, шикаватое, со стеками, черно-белое, – на другой. Минуты ушли на приветствия и устройство, еще минуты – на сосредоточение внимания и проводы размявшихся команд. Судья, конечно же, плотный, с пучочком, дал свисток, и команды вышли на поле.

Что-то несерьезное проступало в этом так тщательно организованном матче. Странно было смотреть на людей в сапогах с широкими голенищами, мечущихся по зеленому полю, на зрителей, которые свистели, орали, иногда вскакивали и трясли над головой кулаками. Странно и непривычно. Может, и потому, что крики не умолкали и тогда, когда ничего особенного на поле не случалось. Зрители кричали потому, что им разрешили кричать, потому что так принято.

Начальство на обеих сторонах поля изредка косило по сторонам, словно прикидывая – не переходят ли зрители установленные нормы поведения, не пора ли навести порядок? Но все шло хорошо – кричали и свистели, стучали бу-

тылками и консервными банками в строгом соответствии с установленными нормами, в рамках той дисциплины, которая предусмотрена для подобных зрелищ.

До стадиона от разведчиков, залегших на опушке разноресья, было метров триста – триста пятьдесят, и они видели матч так, как видели такие же матчи в детстве, когда их, голоногих, загоняли на скамьи за ворота. Сутоцкий сразу же искренне увлекся игрой и даже вскрикивал, когда загорелые пробивались к воротам бледных – он по привычке болел за армейцев Гафур почти не смотрел на игру – не понимал ее. В его местах в футбол играли редко Матюхин сдерживал бешенство. Он вспоминал лагерь, игру сытых охранников, их полупьяные вопли. Матчи кончались экзекуцией провинившихся пленных. Возбужденные футболом охранники били с особым упоением. Из наказанных выживали немногие...

И только Грудинин, отползший в сторонку, под куст жимолости, и наблюдавший за игрой и зрителями через оптический прицел, был собранно-спокоен. К середине первого тайма он подполз к Матюхину и доложил:

- Генералов там нет, но полковники...
- Оберсты? – почему-то резко спросил Андрей.
- Ну оберсты... Они имеются. Не пустить ли их в расход?
- Николай Васильевич, а себя не выдадим?
- А вы молчите, спрячьтесь Я теперь в эту штуку поверил, – он показал на уже надетою насадку. – Мы им тут устроим воскресенье.

– А если заметят и атакуют?

– Так между нами ж речка! Пока форсируют, мы ой куда убежим.

– Ладно... – облизал губы Матюхин. – Начинайте.

Он подполз к ребятам и лег между ними.

– Давайте чуть отойдем вглубь. Дадим простор Грудинину.

– Какой простор? – обернулся увлеченный игрой Сутоцкий.

– Сорвем этот праздничек.

Сутоцкий еще с недоверием покосился на Андрея, но подался назад. Теперь все трое смотрели на футбольное поле с новым, тревожным интересом.

Но Грудинин не спешил. Он вынул из подсумков обоймы с патронами, как на занятиях, разложил их под рукой аккуратными стопочками: обычные патроны поближе, с зажигательными пулями подальше. Потом снял пилотку и положил рядом. Вычислив расстояние и установив барабанчик на нужную дистанцию, он несколько раз прицелился, клацая вхолостую, и замер.

У ворот загорелых эсэсовцев образовалась куча мала, донесся залиvistый свисток. Кто-то из бледных армейцев попытался спорить с судьей, но толстяк решительно растолкал спорщиков и назначил штрафной удар. В те годы футболисты еще не знали «стенки», и потому бледные и загорелые смешались, перебегая с места на место Здоровенный эсэсо-

вец установил мяч и медленно отошел для разбега. Зрители неистовствовали – ревели, свистели, били в банки. Подключились шоферы, и над полем заревели клаксоны.

Загорелый эсэсовец подтянул голенища сапог и чуть наклонился вперед. Рядом с разведчиком раздался уже знакомый хлопок. Эсэсовец дернулся и упал лицом в землю. Голая нога в сапоге, такая заметная на зеленой траве, судорожно подтягивалась и распрямлялась.

Ни зрители, ни игроки не поняли, в чем дело, и продолжали неистовствовать. К игроку подбежал судья, наклонился и тоже свалился на бок. Стадион стал замирать. Творилось нечто непонятное и потому ужасное.

На стороне эсэсовцев медленно сполз с кресла какой-то высокий чин. Поскольку все смотрели на поле, это сползание заметили не сразу. И тут свалился еще один футболист.

Стадион охватило всеобщее оцепенение. На глазах сотен вооруженных людей гибли их товарищи. Но небо было так же безоблачно, так же где-то играла музыка, а люди гибли. И ни выстрела, ни клацанья. Полная, мертвая тишина. Только тоненький, веселый посвист пуль.

Вероятно, в этой тишине, в свершении этих безмолвных смертей зрители увидели нечто мистическое, потому что, когда упал кто-то из офицеров-армейцев, его не пробовали спасать. От него шарахнулись в разные стороны и, оглядываясь, почему-то на цыпочках стали разбегаться по сторонам. Грудинин перенес огонь на эсэсовцев. Он стрелял быстро и

точно. Стремительно перезаряжал винтовку, а каждую стреляную гильзу ловил между пальцев и откладывал в пилотку.

До момента расплзания зрителей ни одна выпущенная им пуля не минула цели и попадала смертельно. А когда зрители стали разбегаться, над стадионом впервые взметнулся крик смертельно раненного человека. Он, словно команда, подстегнул остальных, и толпа взревела и уже перестала расплзаться. Началось кружение. Кто-то бежал, кто-то залег и стал стрелять туда, откуда, по его мнению, шла смерть. Пальба разрасталась, крики сливались, и, поскольку большинство бросилось к машинам, Грудинин сменил патроны и стал бить зажигательными пулями по моторам. Две машины – эсэсовские – загорелись, пламя взвихрилось быстро и весело. Шоферы других машин стали разводить их подальше от опасности.

Стрельба – бесцельная, паническая – то разгоралась, то опадала. Кто-то пытался командовать, но Грудинин сейчас же снимал его точным выстрелом.

Расстреляв обоймы, он отполз назад и устало доложил Матюхину:

– Все. Пора драпать.

– А может, еще? – охваченный отчаянным и чем-то жутковатым азартом боя, спросил Сутоцкий.

– Нет. Они ж солдаты. По трассам поймут, что к чему, а у меня, на беду, попадаются пули с трассерами.

– А чего ж ты их раньше не отсортировал? – возмутился

Сутоцкий.

– Кто ж на такое рассчитывал? На обычной охоте без них не обойдешься – трассирующими пристреливаем рубежи. А здесь видишь как...

Они скрылись в лесу и перебежками, перекатами пробрались в чащу. Грудинин опростал свою пилотку отстрелянных гильз.

– Чтоб и места не разыскали, – сказал он.

Отдыхались и отдохнули. Стрельба в селе затихла, шум разъезжающихся машин удалился, и разведчики к вечеру вышли на левую сторону лысой горы. По железной дороге прошел уже привычный эшелон с машинами и лесом. Но только один. Может быть, с последними танкистами и остатками футбольной команды...

Матюхин мысленно подсчитал, сколько же всего прошло эшелонов, и огорчился: получалось, что либо некоторые эшелоны проскочили куда-то в сторону, либо еще немалая часть эсэсовцев не начинала погрузку. Он рассматривал карту, но другие станции, в том числе и узловые, оставались за ее кромкой. Он не мог знать, что иные эшелоны отправлялись не на юг, а на север, чтобы там, на узловой станции, двинуться на запад, а уж потом, в тылу, опять свернуть на юг...

Конечно, можно было успокоиться, считать задачу полностью выполненной, но эта мысль – эшелонов прошло слишком мало – не давала покоя, и Андрей не разрешил себе уда-

латься от этих мест. Наоборот, раз эсэсовцы еще прячутся, еще ждут эшелоны, он обязан пробраться поближе к ним и по возможности точно установить, сколько их там, остаются они или собираются уходить.

Ночью он повторил сигналы и повел людей через дорогу, идущую к селу. Там еще дымили сожженные машины.

В первом часу ночи Лебедеву доложили, что южнее, чем прежде, а это значит – левее по отношению к НП, ясно просматривались красная и зеленая ракеты. Майор несколько растерялся.

– В каком порядке они появились?

– Первая – красная, вторая – зеленая.

Сомнений не было, сигнал точен: танкисты отходят, грузятся. Но ведь два часа назад были приняты иные сигналы – танкисты на месте. Наконец, откуда взялись ракеты на юге? По времени это ракеты Матюхина. Но как он попал туда? Чего он мечется по всему фронту?

Лебедев склонился над картой. Ранее полученные данные показывали – поблизости от того района, из которого взлетели ракеты, эсэсовцев быть не должно. Они севернее, правее. И Матюхин прошлой ночью, и вторая группа сегодня подавали сигналы в нужной точке. И подавали правильно – танкисты на месте. Что же заставило Матюхина переключиться и сменить сигнализацию?

Через полчаса позвонил командарм:

– Что там у вас? Как твои орлы?

– Не все понятно, – признался Лебедев. – Разноречивые сигналы. Через час кое-что прояснится.

– Хорошо. Позвоню позже.

Но и через час, и через два ничего не прояснилось. Вторая группа сигналов не передала. Партизаны молчали. Оставалось только ждать. И майор честно ждал.

В три часа ночи его опять разбудили и сообщили, что из того же места на юге поданы условленные сигналы.

«Из того же места... А может, матюхинскую группу захватили и кто-то сломался? Может, это немцы передают сигналы».

Он походил по комнате, разозлился и выругался:

– Система связи называется! Ни черта не разберешь!

Ему показалось, что он выдумал бы что-либо надежнее, но, размышляя, ничего путного придумать не мог. Либо рации, которые давным-давно были бы запеленгованы, либо вот такие примитивные сигналы. Настроение окончательно испортилось, и он прилег: заболели позвонки.

Опять зазуммерил телефон.

Мужской голос попросил Лебедева зайти к шифровальщикам.

И в этой бессонной избе сидели люди и работали свою невидимую, неизвестную и непонятную солдатам и строевым командирам службу офицеры: из колонок цифр они извлекали слова. Расшифровывали.

Шифровка совсем расстроила Лебедева. Докладывала группа, действовавшая с партизанами. Обнаружено подозрительное движение эшелонов в обе стороны дороги. Возможно, начало отхода. Принимаются меры уточнения.

На месте ему позвонили артиллеристы и сообщили, что с их НП в тылу врага были засечены осветительные ракеты и, кажется, стрельба.

– Примерно в том месте, откуда вчера сигналили ракетами.

Час от часу не легче. Вот почему вторая группа не подавала повторного сигнала – ее засекли. Охотились за группой Матюхина, а натолкнулись на нее. Но тогда понятно, почему Матюхин увел свою группу на юг, и тогда выходит, что он прав, подавая новый сигнал об отходе резерва.

Майор тщательно обдумал ситуацию и написал разведсводку так, чтобы каждый ее читающий понял: резервы, кажется, отходят, но нужна проверка.

Как ни странно, но полковник Петров не разбудил его утром – дал выспаться. А когда Лебедев вскочил, то выяснил, что Петров на совещании у командарма. Шофер и Маракуша спали – видимо, приехали под самое утро. На столе у телефона лежала деликатная записка:

«Переброска завалена. Есть потери Маракуша».

Капитан не стал портить ему настроение...

Словом, все складывалось как нельзя хуже. Одна группа засечена, вторая не прорвалась. Майор представил себе по-

ложение полковника Петрова на совещании у командующего. Пусть никто ничего не скажет – неудачи, к сожалению, неизбежны. Война есть война. Но каждый обязательно посмотрит сегодня в сторону Петрова. Некоторые с сочувствием, другие осуждающе.

Уточнив ситуацию, отдав кое-какие распоряжения в дивизии, Лебедев разбудил шофера, и они поехали к радистам – майор спешил... Партизанская рация оказалась единственной ниточкой, позволявшей хоть как-то следить за происходящим в тылу врага.

Ах, если бы Матюхин не ошибся! Если бы у него все было в порядке! Но страшно за него. Впрочем, может, он такой же удачливый, как и покойный Зюзин. Тот ведь тоже всегда действовал не по правилам, вопреки здравому смыслу, а все у него получалось.

«Нет, – с неожиданной грустью подумал Лебедев, – Матюхин не Зюзин. Матюхин осторожен, пожалуй, даже чересчур строг. Рисковать он не станет: получил приказ – значит, выполнит его пунктуально, тютелька в тютельку».

И стало казаться, что Зюзин был прав, умея рисковать. Зюзин сумел бы что-нибудь придумать, а Матюхин – слишком молодой офицер. Не рискнет.

Но чем и как должен был рискнуть Матюхин, Лебедев не думал.

У радистов выяснилось, что партизаны пропустили утренний сеанс, а дежурный шифровальщик отправился в штаб

тыла, в военоторг. Он торгует только в воскресенье.

– Черти! – от души возмутился Лебедев. – Они еще помнят, когда бывает воскресенье! Тыловики несчастные!

Нет, он искренне полагал, что он, штабник, не тыловик. А вот эти – тыловики.

Второй сеанс связи партизаны тоже пропустили. И шифровальщик – пожилой брюхастый лейтенант со злыми глазами навывкате, не обращая внимания на возмущение майора, внимательно рассматривал свои покупки – одеколон, галеты, зубной порошок и женские чулки. Потом он сложил покупки в заранее подготовленный ящичек для посылки. Майору стало вдруг все безразлично:

«Волнуйся, психуй, а вот такому все до лампочки. Он сейчас Думает только об одном – как бы отослать посылку семье».

Тут он подумал, что сам ни разу не посылал своей семье поилок. Да и нечего ему посылать – все имущество в стареньком чемоданчике, который не открывает месяцами. Вот даже Дусе, которая так заботится о нем, он тоже ничего не подарил. А что подарить? Что ей нужно? Как сделать, чтобы это ну... выглядело...

Он совсем запутался, разозлился и уехал в штаб.

Полковник Петров встретил его хмуро, но Лебедев понимал полковника. Неудача, неясность...

– Что от Матюхина? – спросил он.

– Надо ждать ночи, – и, перехватив строгий взгляд, пожал

плечами. – Такая связь. И партизаны молчат.

– Послушайте, Лебедев, командарм принял решение – начинать завтра. Он верит Матюхину. Фронт утвердил его решение. Открою тайну: командарм будет рвать оборону всеми танковыми силами в одном месте. На той лощине в направлении эсэсовцев. Хуже того. Танковая атака начнется одновременно с началом общей артподготовки... «Катюши» проделают проходы в минных полях, и они пойдут.

– Интересно, – профессионально заинтересовался Лебедев и бросился к карте. – О таком я не слышал.

– Интересно получится, если они напорются на танковую дивизию. Во всей нашей армии меньше танков, чем у нее одной. Вы представляете, как будем выглядеть мы? Тем более что в связи с решением командарма я отослал капитана Маракушу в часть.

– Что докладывал на совещании контрразведчик?

– Вам что-нибудь известно?

– Да. Я вам докладывал Кроме того, мы анализировали обстановку с Кашириным.

– Полковник Целиков сообщил, что они обезвредили резидента и продолжают игру. Но командарм приказал сменить сигнал.

– Как это – сменить сигнал? Уведомить противника, что наши резервы на месте и что мы можем начать наступление?

– Именно.

– Но какой же резон?

– Не все понимаю. Командарм, посмеиваясь, сказал, что это вызовет у противника если и не панику, то, во всяком случае, разногласия.

– Что ж... Может быть, в этом есть доля истины.

– Но вы представляете, что произойдет, если противник разберется во всех этих увертках?

Полковник говорил слишком многозначительно и слишком уж нудно предупреждал о предстоящих бедах. Увлеченный замыслом командарма, Лебедев не слишком верил во все эти будущие напасти.

– Что будет? Влетит полковнику Целикову. А это значит, нам с вами влетит вдвое меньше. Но я полагаю, что никому не влетит. Я почему-то уверен: Матюхин прав. Танкисты или смотались, или сматываются. И командарм прав: выведя новый сигнал, намекая на возможное наступление, он как бы приостанавливает отход эсэсовцев, задерживает хотя бы часть из них. А что может быть лучше для нас, если главный резерв противника окажется ни там, ни сям. Половина колес в пути, а половина стоит и ждет вдали от фронта. На это он и рассчитывает, командарм: прорвется танками, свяжет остатки эсэсовцев, а пехота подтянется позднее. Удача? Быстро попрут вперед. Неудача? Сберегут пехоту. Нет, товарищ полковник, ничего страшного я не вижу. Командарм верит нам, верит Матюхину.

Полковник ушел. Лебедев занялся текущими делами, и тут его вызвали к радистам. Партизаны наконец вышли на

связь.

Он примчался к ним уже под вечер. В радиограмме сообщалось:

«Вероятность отхода подтверждается железнодорожником. Уточняем размеры. Направление отхода в обе стороны, с последующим переводом с северного направления на запад, К сожалению, визуально не засечен отход танков, очень хорошая маскировка. Футбольный матч сорван неизвестными, погибло около тридцати человек, преимущественно офицеров. Метод действия неизвестных ни на что не похож. Связь задерживалась неисправностью радики. Продолжаем выполнение задания».

Майор помчался домой. Петрова не было, и он рискнул – сам позвонил командарму и прочел ему радиограмму.

– Ну-ка зайди с нею ко мне, – приказал генерал.

Когда майор вошел в горницу, командарм лежал на кровати – на перине, на горе подушечек и думочек. Голая нога выглядывала из-под одеяла.

– Извини, перед делом надо отдохнуть. Ну-ка читай, читай.

Лебедев прочел радиограмму, и командарм задумчиво повторил:

– «Метод действия неизвестных ни на что не похож...»

Правильно пишут! Значит, видели сами.

– Не понимаю, товарищ генерал-лейтенант.

– А ты и не можешь понять. Мне эта твоя радиограмма

как верующему елей. Ты хоть знаешь, чем елей знаменит?

– Признаться, не знаю...

– Разведчик!.. Разведчик все должен знать. И про религию тоже. Так вот, верующих елеем мажут после отпущения грехов. Понял? Благословение, так сказать, на праведную жизнь. А я был вроде верующего – верил, что эсэсовцы уйдут. И Матюхину верил. И он не подвел. Всю мою веру утвердил. И оба задания выполнил... Ах да, я ж тебя обещал выпороть, а потом рассказать о втором задании. Но сейчас времени нет. Придут, они тебе сами все расскажут, а ты их опыт учтешь. Ну спасибо тебе, Лебедев. Вовремя ты меня утешил. Ведь если честно, я и заснуть не мог, все думал, ушли или не ушли? Верил – Ушли, а подтверждения ваши... академические. Теперь и тебе скажу – ушли эсэсовцы. Все ушли. Для того и матч этот дурацкий под занавес затеяли, чтобы показать всем, кто мимо бродит: «А мы еще здесь! А мы никуда не собираемся!» Сорвал им Матюхин всю музыку. Ты, кстати, не забудь представить их, как вернутся. А то мы в спешке все забываем. Вот и ты все в майорах ходишь... Ну ладно, ладно, иди. Скажи там адъютанту, чтоб часа четыре... нет, пять! – никто не будил. и теперь засну.

Как и требовалось, в свой час разведчики Матюхина подала условленные сигналы, перескочили дорогу и к утру вышли в распоряжение резервов. Отличные капониры для танков, стоянки для автомашин, жилые землянки – все доброт-

ное, все отделанное и ухоженное – были пусты. Орала сороки, но Грудинин не пугал их клекотом...

Разведчики прошлись по притрамбованным, обложенным дер. нам и присыпанным песочком дорожкам, заглянули в каждое помещение и облюбовали землянку на отшибе. Низкая, со сплошными нарами, зарешеченными окошками – как видно, гауптвахта. Здесь сложили тощие вещмешки и продвинулись подальше по следам траков: они наворочали немало дерна. Обследовали еще одно брошенное становище и дальше уже не пошли. Последняя проверка подтвердила и слова Егора Грубого, и свои наблюдения – эсэсовцы стояли там, где говорил Грубый, и ушли тогда, когда они их видали.

Они вернулись в землянку, заперлись изнутри и впервые за все эти дни поспали всласть. В лесу дрались из-за остатков помоев сойки и сороки, противно каркали галки и вороны. Ночью поели, и Сутоцкий с Гафуром пошли к передовой давать сигналы. Когда они вернулись, уже светало, спать не хотелось. Обчистились, поели и не спеша ушли в лес.

Далекая передовая почти не слышалась. Отдельные оружейные выстрелы не трогали – они казались глухими и нестрашными. На подходе к старой, помеченной на карте дороге, там, где она круто разворачивалась и спускалась вниз, к мосту через сонную речушку, передовая вдруг ожила – шип, серия разрывов, снова уже не шип, а рев в слившиеся в сплошной гул разрывы. Ударили «катюши», много «катюш». Наверняка больше дивизиона. Может быть, даже полк.

Разведчики приостановились. Разрывы стихли. Всполошенно застрекотали сороки, и пронзительно заверещали сойки.

– Может... началось? – нерешительно сказал Гафур.

– Не помню, чтобы артподготовка начиналась с «ка-тюш», – неуверенно ответил Матюхин. – Ими обычно кончают. Да и рано еще. Нас же предупреждали – через неделю. А сейчас четвертый день.

Они еще погадали и услышали несколько орудийных выстрелов – хлестких, звенящих даже на расстоянии. Неожиданно неподалеку, километрах в полтора, раскатилось эхо разрыва. Лес перекатил эхо, и, когда оно умолкло, донесся слитный тяжелый гул.

– Неужели танки? – спросил Гафур.

– Похоже, но чьи? – ответил Матюхин. Что спросил Сутоцкий, он уже не услышал. Справа и слева загрели не то орудия, не то разрывы, и сейчас же над лесом прошли бомбардировщики.

Воздух сразу уплотнился, стал звенящим и упругим. Артиллерийская подготовка пехотной атаки развивалась полным ходом. Грохотали орудия, глухо рвались снаряды. Постепенно пришли в себя и немецкие артиллеристы и начали отвечать нашим, норови подавить стреляющие батареи.

Им стали отвечать, и грохот боя ощутимо приблизился, особенно после того, как над разведчиками стали разворачиваться отбомбившиеся по батареям штурмовики.

Минут через двадцать опять сыграли «катюши». На этот раз гул их разрывов разнесся по всей передовой.

– Кажется, началось... – отметил Матюхин, решая, что же теперь им делать: сидеть на месте, идти навстречу своим или, наоборот, отходить назад, чтобы воспользоваться обстановкой и продолжить разведку.

Но тут его подтолкнул Гафур и показал вниз, на дорогу. Там мчались автомашины с орудиями на прицепе. Расчеты напряженно смотрели назад. Матюхин сразу определил – орудия противотанковые: низкие, разлапистые, с толстыми набалдашниками – надульными тормозами. Не снижая скорости на повороте, они понеслись к мосту.

– Драпают, что ли? – осведомился Сутоцкий.

– Похоже, но от кого? Ведь артподготовка только что окончилась.

– Товарищ младший лейтенант, а ведь танковый гул начался перед артподготовкой.

Андрей уставился на маленького Гафура. Надо же, чертенок какой. Все помнит, все замечает! И тут же сработало офицерское мышление Матюхина. Оно, как инстинкт, подсказывает сразу, четко восстанавливая или дорисовывая тактическую картину.

Да, наши танки прорвались через оборону противника внезапно, до артподготовки. Да, они мчатся сейчас именно по этой, кратчайшей к эсэсовцам дороге, и какой-то немецкий командир сразу понял всю опасность этого стремитель-

ного броска и вывел из-под огня свой резерв – противотанковую батарею, приказав ей стать в единственном на этой дороге месте, где еще есть надежда остановить танки. Таким местом был мост через реку.

– Грудинин! Перед мостом сейчас развернутся противотанкисты. Бей их по одному. Если что случится с нами – действуй самостоятельно. Остальные – за мной. Переправимся через реку и зайдем к ним в тыл.

Он бегом бросился вниз, к реке, и, поднимая оружие над головой, поплыл Мокрый, выскочил на противоположный берег, не оглядываясь – он был уверен, что ребята не отстали от него, – вбежал в куртинку. Первая машина уже развернулась на лугу и подъезжала к прибрежному кустарнику. Матюхин оглянулся. Ребят не было. Он выругался и стал глазами разыскивать их. Они барахтались еще на середине реки. Сутоцкий, погружаясь в воду, одной рукой поднимал автомат, а второй толкал Шарафутдинова.

– Черт! Оказывается, он не умеет плавать!

Андрей хотел броситься им на помощь, но между ними стала вторая машина, и расчет, сняв оружие, развернул его и стал окапываться. Шофер выгружал ящики со снарядами. Матюхин так и остался на одной стороне изготавливающейся к бою батареи, а ребята – на другой.

Пять орудий расположились полукругом, раскинули станины, и расчеты спрятались за щитами. Шоферы отогнали машины к ивам, под кустарник. Теперь Матюхин оказался между батарейцами и шоферами. С кого же начинать и когда?

Но начал все-таки Грудинин. Он стал аккуратно снимать по одному артиллеристу из каждого расчета. Пока первый расчет оттащил убитого и, оглядываясь, искал причины его смерти, последний только склонялся над убитым. Грудинин опять ударил по первому расчету, и тут же споро ударили два автомата Сутоцкого и Шарафутдинова. Грудинин немедленно перенес огонь на третий расчет.

Высочившие из кабин шоферы прихватили карабины и бросились было на помощь расчетам, но их встретил огнем Матюхин. Он бил скупно, короткими очередями. Один из шоферов не выдержал и бросился бежать к селу, но Матюхин срезал его. Два других подняли руки, и Андрей приказал им сесть спиной к иве и положить руки на затылок.

Когда он оглянулся, то увидел, что Гафур и Николай стреляют уже из-за станин второго орудия, а все расчеты сгруппировались у четвертого и яростно отбиваются, нороя развернуть пушку. Щит прикрывал их от огня Грудинина, и Матюхин полосанул их по напряженным потным спинам. Оборвав очередь, он заорал:

– Хенде хох! Гитлер капут!

У них хватило ума поднять руки. Четверых, оставшихся

в живых, Матюхин присоединил к шоферам.

Сутоцкий и Гафур пробежали вдоль орудий, проверяя, нет ли притворившихся убитыми. От орудий пахло свежей взрывчаткой и кровью. Притворившихся не нашлось, но зато обнаружили раненые. Матюхин подозвал пленных, и они стали перевязывать и отгаскивать раненых к берегу, под ивы.

На той стороне реки, как раз под позицией Грудинина, выскочил первый танк. Он заскрежетал траками, заскрипел галькой на дороге и приостановился. Видимо, увидел распластанные, прикившие к жесткой траве орудия, потому что башня у него дрогнула.

«Сейчас он нас расстреляет, – с ужасом подумал Матюхин. – Свои прикончат! Как же я не подумал! Как же я не успел!»

Но вдруг он увидел, что люк приоткрывается, и, не понимая, в чем дело, огляделся. Гафур стоял у второго орудия и, разутый, плясал с портянками в руках. Опять он догадался раньше всех!

Матюхин тоже скинул сапог, сорвал с ноги портянку и завертел ею над головой. Сзади первого пристроился второй танк, и с него соскочили десантники. Они с опасной залегли у края дороги. Матюхин заорал:

– Свои! Разведчики Лебедева! Свои!

Его не понимали, но танкисты заглушили моторы и наконец разобрались, что к чему. Командир передового отряда танкистов поблагодарил разведчиков за помощь, обещал доложить об их подвиге, но, заметив пять автомашин, хищно подобрался.

– Десант мы сейчас пересадим.

– Никак нет! – весело отрапортовал Матюхин. – Сейчас сюда подойдет рота капитана Маракуши – это его машины. Кстати, всей колонной вам сюда идти незачем. Там, позади пересекли наезженную просеку. Она ведет прямо к станции.

Командир передового отряда сразу понял, что к чему, и приказал передать сведения о просеке главным силам.

– Кто проверял? – спросил он у Матюхина.

– Группа младшего лейтенанта Матюхина. Попрошу также передать немедленно майору Лебедеву в штаб армии, что мы ждем его здесь.

Через мост в село пошли танки, бронетранспортеры и ма-

шины с пехотой. Потом пошла легкая артиллерия, потом снова танки, и наконец показалась матушка пехота – как всегда, пыльная, как всегда, усталая! – ведь ночью отстояла свое в траншеях на передке, а утром пошла в наступление, в самое пекло. Следом за пехотой примчался на «виллисе» и майор Лебедев. Он бросился было обнять Матюхина, но остановился.

– Нет, нельзя. Ты ж меня помнешь, а у меня еще позвонки не сели как следует.

Потом они сидели возле захваченных машин, ели и выпивали, а пленные немцы хмуро смотрели на них. Гафур встал и молча раздал им хлеб, консервы и колбасу. Потом подумал и принес им их же, захваченную в качестве трофеев фляжку со шнапсом.

– Выпейте за освобождение от верной бесшумной смерти, – сказал он на хорошем немецком языке.

Немцы переглянулись: скуластый, явно монгольского типа человек, и говорит на таком правильном немецком. Один из пленных, видимо командир орудия, почтительно спросил:

– Скажите, эта действительно верно, что русские изобрели бесшумные винтовки?

– А вы что? На себе не почувствовали?

– Мы не успели разобраться. Но вчера... вчера тут был футбольный матч, и у нас все, и офицеры и солдаты, говорили, что у русских новое оружие. Оно стреляет бесшумно, автоматически. И, главное, без людей. Это верно?

Как старший по званию, Лебедев хотел было ответить, что все это ерунда, что побеждает храброе, а не выдуманное оружие, но Матюхин остановил его:

– Все это почти правда. И не то еще появилось, но вам этого не узнать – вовремя сдались.

Лебедев вспомнил слова командарма и попросил Матюхина показать насадку в действии. Вместе с Грудининым они ушли в лес, и майор сам испробовал насадку.

– Сильна... Новые возможности. – Он задумался, потом усмехнулся. – Фрицы тоже кое-что придумали... Наши захватили легковушку. Бронированная, с пуленепробиваемым стеклом, с пулеметом. По-видимому, использовалась как подсадная утка.

– Не ясно, – перехватывая многозначительный взгляд майора, сказал Матюхин.

– Между тем крайне просто. Ползет такая легковушка по дороге, в одиночку, переваливаясь, с обязательным офицером на сиденье, и каждому партизану или разведчику наверняка захочется прихватить этакий безобидный трофей и такого важного «языка». Обстреляют. А пуля ее не берет. Гранатой – а у нее днище бронированное и шины из сплошной резины. И риска почти никакого, и разведка проведена: в этом районе действуют разведчики или партизаны. Вызвать по радио моторизованные подкрепления – раз плюнуть, а любой засаде – капут. Интересно, – протянул Матюхин. – Следует учесть.

А про себя подумал: «Так вот какую машину-приманку хотел захватить Сутоцкий!»

Они догнали на трофейных машинах свою роту, Матюхин по приказу Лебедева написал подробный отчет, особо остановившись на тактике снайпера, вооруженного насадками для бесшумной стрельбы, потом он опять включился в боевую работу.

Он ничем не напоминал Сутоцкому об их разговоре в тылу врага, но при первом же случае попросил капитана перевести Николая в другой взвод.

– Разведчик он хороший, но...

– Но двум медведям в одной берлоге усидеть трудно? Ладно. Так и сделаем.

В дивизии Лунина все еще разыскивали без вести пропавшую группу разведчиков. Ни Матюхин, ни даже Лебедев так и не узнали, что пропавшие, приняв на себя удар разыскивающих Матюхина немцев, позволили ему выполнить задание.

Что ж... Таков закон войны. Даже погибая, помогать кому-то выполнить приказ.